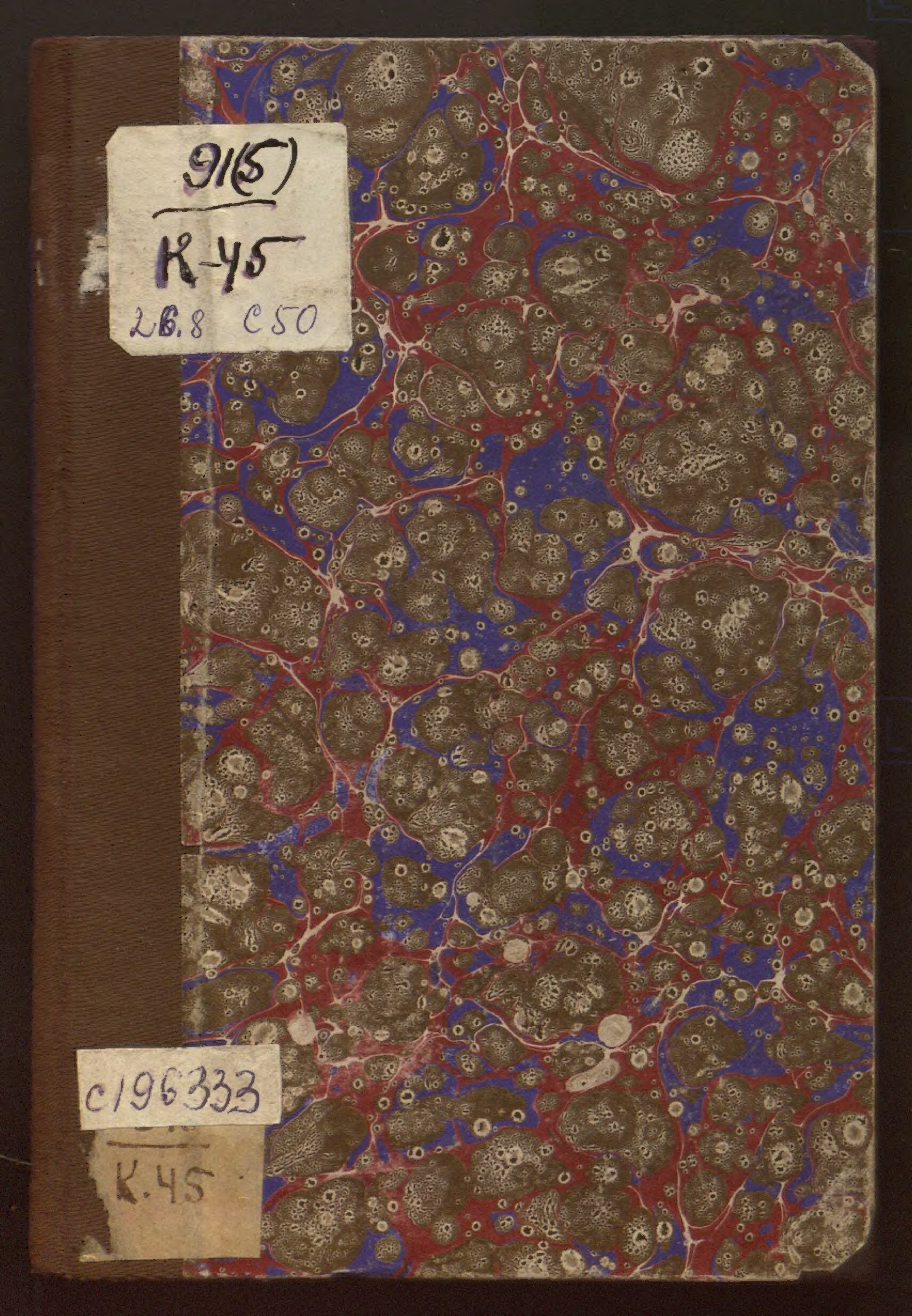
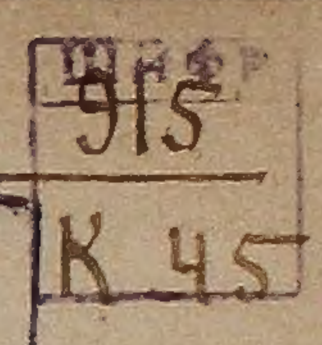

Берегите книгу

Не перегибайте книгу
во время чтения
Не загибайте углов
Не делайте надписей на книге
Не смачивайте пальцев слюною, перелистывая книгу
Завертывайте книгу в бумагу.

КИТАЙ

и

ЕГО ЖИЗНЬ.

(Переводъ съ нѣмецкаго съ введеніемъ В. И. Т—ской).

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ ЖУРНАЛУ

„Живописное Обозрѣніе".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб. акц. общ. „Слово". Ул. Жуковскаго, 21.
1904.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 19 октября 1904 г.

ВВЕДЕНІЕ[1]).

Географическій обзоръ.

Огромная площадь, занимаемая Китаемъ, представляетъ необыкновенное разнообразіе почвы и климата: здѣсь можно встрѣтить области, похожія на Французскую Шампань, большія марши, какъ въ Голландіи, пустынныя степи, подобныя русскихъ степямъ, знойныя пустыни въ родѣ африканскихъ и живописныя горныя страны, какъ въ Швейцаріи и Тиролѣ.

Слово „Китай", есть не что иное, какъ искаженное названіе одной извѣстной династіи „Кита", которая управляла сѣвернымъ Китаемъ, подъ именемъ золотой династіи. Самъ китаецъ употребляетъ для обозначенія своего отечества различныя названія — самое распространенное изъ нихъ Чжунъ-го или серединное государство, такъ какъ на китайскихъ картахъ земнаго шара Китай всегда помѣщается въ серединѣ, занимая очень большое мѣсто сравнительно съ другими частями свѣта и государствами.

Все занимаемое Китаемъ пространство можно раздѣлить на: 1) горную страну, 2) холмистую страну и 3) большую равнину. Горная страна занимаетъ почти половину всего пространства и достигаетъ до границы Тибета, холмистая часть лежитъ къ востоку отъ 112 меридіана и къ югу отъ Янтсекіанга; большая равнина простирается къ сѣверо-востоку отъ холмистой страны и представляетъ самую богатую область всей имперіи. Сѣверная часть ея песчана, но родитъ ячмень, просо и т. под. хлѣбные злаки; та часть, которая находится вблизи

[1]) По кн. China und die Chinesen von B. Navarra.

берега низменна, болотиста, содержитъ много озеръ и водныхъ системъ и принадлежитъ къ плодороднѣйшимъ областямъ государства. Здѣсь же находятся самыя богатыя шелковичныя плантаціи. Большая часть этой громадной равнины лежитъ ниже уровня Желтой рѣки, вслѣдствіе чего бываютъ страшныя наводненія, во время которыхъ люди гибнутъ тысячами. Несмотря на это народонаселеніе здѣсь многочисленнѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было и доходитъ до 150 милл.

Громадному протяженію Китая соотвѣтствуетъ и его береговая линія, простирающаяся на 4000 морскихъ миль. Поднятіе морскаго берега, которое обусловливается не только наносомъ песку, но и поднятіемъ самой почвы замѣчается давно. Такъ вблизи Тенгшау въ 60 миляхъ къ западу отъ Чифу, море такъ далеко отошло отъ прежней береговой линіи, что большіе мѣстные пароходы не могутъ больше пользоваться этою гаванью, такое-же отхожденіе моря наблюдается и въ Тіенсинѣ.

Что касается до орошенія страны, то китаецъ по справедливости можетъ гордиться своими рѣчными системами и канализаціей и дѣйствительно нѣтъ ни одного государства въ свѣтѣ, которое бы обладало такими прекрасными водными путями сообщенія, какъ Китай. Этимъ можетъ быть и объясняется плохое состояніе сухопутныхъ путей сообщенія, такъ какъ китайцы для своихъ торговыхъ сношеній пользуются исключительно водными путями сообщенія. Изъ двухъ большихъ рѣкъ Китая Янтсекіанга и Гоанхо (Желтая рѣка), послѣдняя пользуется повсемѣстною извѣстностью вслѣдствіе частыхъ наводненій. Устье Гоанхо въ теченіе послѣднихъ 2500 лѣтъ, мѣнялось не меньше девяти разъ; причиною, такого измѣненія служатъ скопляющіяся на днѣ рѣки огромныя массы илу; для того чтобы рѣка не выступила изъ береговъ, китайцы устраиваютъ дамбы. Если одна изъ такихъ дамбъ не выдержитъ напора воды, въ такомъ случаѣ рѣка устремляется черезъ сдѣланную ею въ дамбѣ пробоину и создаетъ себѣ новое русло. Почти ежегодно, большею частью лѣтомъ, или раннею осенью, Желтая рѣка выходитъ изъ береговъ и затопляетъ прилежащую къ ней область, нанося громадные убытки и губя тысячи человѣческихъ жизней. Такъ какъ во время этихъ катастрофъ погибаетъ и жатва то слѣдствіемъ ихъ всегда бываетъ голодъ.

Третья большая рѣка Китая—Сикіангъ т. е. западная рѣка

Озеръ въ Китаѣ сравнительно немного и всѣ онѣ небольшой величины. Самыя большія изъ нихъ расположены въ центральной провинціи на большой равнинѣ. Соленыя озера находятся на сѣверѣ и въ пустынѣ Гоби. Ни одно изъ нихъ не достигаетъ величины Аральскаго моря.

Климатъ Китая вслѣдствіе его большой протяженности и различной высоты надъ уровнемъ моря отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ; въ южной части имперіи температура колеблется между 17° Ц., въ январѣ и 26—28 Ц. въ іюлѣ. На крайнемъ сѣверѣ средняя годовая температура равняется 2° Ц.; январьская температура колеблется отъ—20 до—24 и іюльская отъ 22 до 24 Ц. Влажность воздуха измѣрена только въ немногихъ мѣстахъ:—за исключеніемъ дождливаго времени года воздухъ, какъ и вездѣ въ восточной Азіи, очень сухъ. Въ сѣверномъ Китаѣ идутъ такіе же періодическіе дожди, какъ и подъ тропиками; зимой же бываетъ очень сухо. Въ области Янтсекіанга зима уже бываетъ не такая сухая, а время лѣтнихъ дождей начинается съ апрѣля мѣсяца. Въ общемъ въ Китаѣ здоровый климатъ, хотя иностранцы, живущіе въ Китаѣ, часто сваливаютъ на него неудовлетворительное состояніе своего здоровья, между тѣмъ какъ его скорѣй можно объяснить неумѣреннымъ и сидячимъ образомъ жизни, и другими обстоятельствами. Китайцы физически слабѣе, чѣмъ нѣмцы, англичане и другіе европейскіе народы. Но причина этой слабости обусловливается не климатомъ, а полнымъ незнаніемъ гигіены и небрежнымъ отношеніемъ къ своему здоровью.

Историческій очеркъ.

Существуетъ предположеніе, что колыбелью китайскаго народа была страна, расположенная къ югу отъ Каспійскаго моря, откуда онъ переселился 4000 лѣтъ тому назадъ въ восточную Азію. Для доказательства этого предположенія были сдѣланы сравнительныя изысканія между языкомъ и культурой старо-китайцевъ и туранскаго населенія Вавилоніи—аккадовъ. Какъ доказательство сродства этихъ двухъ народовъ приводятся изслѣдователями этого вопроса, одновременные успѣхи въ изученіи астрономіи у обоихъ народовъ.

Уже въ самомъ началѣ своей исторіи за 4000 лѣтъ до

настоящаго времени китайцы являются носителями сравнительно развитой цивилизаціи. Начало китайской исторіи относится къ миѳологіи и только съ воцареніемъ Хуангъ-Ти, или желтаго короля начинаются болѣе или менѣе достовѣрныя историческія свѣдѣнія о Китаѣ. Всѣ онѣ почерпаются изъ книги, приписываемой Конфуцію: это самый древній и достовѣрный историческій памятникъ Китая. Для большого удобства изученія можно раздѣлить исторію Китая на три періода: на древній, средній и новый. Въ древней исторіи играла большую роль династія Тшау, основатель которой Ву-Вангъ раздѣлилъ свою имперію на множество маленькихъ княжествъ, что послужило къ ослабленію центральной власти. Владѣтели ихъ вели между собой постоянныя войны и вся исторія этого періода состоитъ изъ ряда всевозможныхъ злодѣяній и преступленій. Но самостоятельность этихъ отдѣльныхъ княжествъ имѣла и свою хорошую сторону, такъ какъ послужила къ развитію культуры китайскаго народа. Каждый князь имѣлъ свою собственную резиденцію и дворъ, при которомъ процвѣтали науки и искусства, и гдѣ одновременно съ этимъ воцарялась роскошь и наблюдалась порча нравовъ. Въ это время нравственнаго паденія, разрушенія семейной жизни, удаленія отъ природы появляются на сценѣ исторіи два замѣчательнѣйшихъ человѣка Лаотсе и Конфуцій. Несмотря на ихъ различіе—такъ какъ по словамъ современниковъ, первый изъ нихъ, основатель таоизма отличался дикой фантазіей, а второй былъ человѣкомъ острого ума, давшимъ твердое основаніе для правилъ нравственности—оба они оказали могущественное вліяніе на свое отечество. Но какъ Конфуцій, такъ и Менцзы жившій спустя сто лѣтъ послѣ него, не могли своимъ ученіемъ измѣнить печальное положеніе дѣлъ въ имперіи. Не смотря на то, что Конфуцій ставилъ политическою цѣлью усиленіе центральной власти, эта послѣдняя падала все больше и больше и одинъ изъ послѣднихъ представителей династіи Тшау послѣ неудачной борьбы съ вассалами былъ свергнутъ съ престола, на который вступилъ Ши-Хуангъ-ли, начавшій собою новую династію Ши. Ему приписывается административное устройство Китая, оставшееся и до нашего времени. Придя къ заключенію, что слѣдуетъ непремѣнно оградить свои владѣнія отъ нападенія татаръ, онъ велѣлъ построить гигантскую стѣну. Работа была начата въ 214 г. до Р. Х. подъ его личнымъ наблюденіемъ,

но эта стѣна представляла собой только земляную насыпь и ея уже нѣтъ въ настоящее время. Та „большая китайская стѣна“, которая существуетъ и теперь, была построена во время царствованія династіи Мингъ, уже въ XV-омъ столѣтіи послѣ Р. Х.

Безграничная настойчивость, съ которою первый китайскій императоръ проводилъ свои планы въ исполненіе, вызвала противодѣйствіе со стороны образованныхъ людей, называвшихъ его тираномъ и разрушителемъ старыхъ традицій. Ши однако продолжалъ идти своимъ путемъ и для того, чтобы сломить сопротивленіе ученыхъ, онъ приказалъ сжечь всѣ книги. Текстъ сожженныхъ сочиненій былъ впослѣдствіи снова воспроизведенъ учеными, знавшими ихъ на память.

Средній періодъ китайской исторіи начинается съ восшествія на престолъ династіи Ханъ, правленіе которой представляетъ одну изъ славнѣйшихъ эпохъ китайской исторіи, съ какой бы точки зрѣнія мы ее ни разсматривали. Основатель этой династіи заботился усердно о благосостояніи своего государства и издалъ сводъ законовъ и наказаній. При немъ начался снова расцвѣтъ литературы, наукъ и искусствъ. Вообще можно сказать, что во все время правленія династіи, хотя и не было абсолютнаго спокойствія, такъ какъ Китай постоянно подвергался нападенію татаръ, но тѣмъ не менѣе культурное развитіе народа шло впередъ быстрыми шагами.

Изъ императоровъ этой династіи особенно извѣстенъ Ву-Ти (воинственный императоръ). Онъ велъ съ успѣхомъ войны противъ татаръ и гунновъ и подчинилъ себѣ земли, лежавшія между Китаемъ и Индіей. Слава его военныхъ подвиговъ доходила до Кореи.

Къ концу своей жизни ему удалось подчинить себѣ почти всю среднюю Азію.

При слѣдующей царственной династіи, Китай распался на три государства, Шу, Вей и Ву которыя стали воевать между собою за старшинство. Въ теченіе этого періода тибетцы проникли въ Китай, что вызвало возстаніе „желтыхъ тюрбановъ“, усмиренное только послѣ большихъ усилій. Однимъ изъ симпатичнѣйшихъ государей династіи Тангъ былъ императоръ Мингъ-ти. Онъ предоставилъ миссіонерамъ полную свободу проповѣди, былъ большимъ почитателемъ литературы и собиралъ при своемъ дворѣ всѣхъ ученыхъ того времени. Во время прав-

ленія одной изъ слѣдующихъ династій, Китай подвергался многочисленнымъ нападеніямъ татаръ и монголовъ. Послѣ продолжавшейся въ теченіе 70-ти лѣтъ войны съ этими послѣдними, китайцы должны были уступить ихъ превосходству, признать ихъ своими побѣдителями и подчиниться ихъ управленію.

Грубые и невѣжественные завоеватели испытали на себѣ вскорѣ вліяніе китайской культуры, которой они не преминули воспользоваться, чтобы продолжить свое господство. Китай сдѣлался центромъ завоеваннаго монголами государства, главнымъ городомъ котораго былъ Пекинъ. Китайцы переносили чужеземное иго съ большимъ неудовольствіемъ и часто возставали противъ него. Одно изъ такихъ возстаній, во главѣ котораго стоялъ человѣкъ невысокаго происхожденія, окончилось очень удачно. Монголы были изгнаны, а предводитель возстанія былъ провозглашенъ императоромъ и сдѣлался основателемъ династіи Мингъ.

Съ вступленіемъ на престолъ въ XIV в. послѣ Р. Х. династіи Мингъ начинается періодъ новой исторіи Китая. При первыхъ императорахъ этой династіи Китай оправился отъ монгольскаго ига и достигъ значительной степени благосостоянія, но при дальнѣйшихъ императорахъ онъ снова начинаетъ падать.

Этой слабостью воспользовались манджурскіе татары, которые вступили въ кровавую борьбу съ Китаемъ, закончившуюся его пораженіемъ и воцареніемъ манджурской династіи. Между двумя расами китайской и татарско-манджурской происходили значительныя столкновенія изъ за того, что китайцамъ вмѣнялось въ обязанность брить свою голову и носить косу, какъ это дѣлали манджуры.

Противъ этого обычая возставали въ особенности южныя провинціи и даже до настоящаго времени жители провинціи Фукіенъ обвертываютъ свою косу вокругъ головы и закрываютъ ее тюрбаномъ.

Однимъ изъ замѣчательныхъ правителей манчжурской династіи былъ Кангъ-Хи, великій и мудрый монархъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ своихъ дворцахъ Кангъ-Хи собиралъ лучшія произведенія китайской литературы и основалъ огромную библіотеку и даже самъ писалъ книги. Самымъ извѣстнымъ его сочиненіемъ являются 16 правилъ

жизни, которыя подъ именемъ священнаго эдикта преподаются во всѣхъ школахъ. Въ его царствованіе іезуиты пріобрѣли большое вліяніе. Кангъ-Хи былъ современникомъ Петра Великаго и Людовика XIV.

Внукъ Кангъ-Хи Кіенъ-Лунгъ отличался особенной любовью къ живописи и литературѣ. Онъ создалъ въ Пекинѣ огромную библіотеку на 600,000 томовъ, самъ писалъ стихи; во время его царствованія въ Пекинъ проникли англійское и русское посольства.

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ его сына Кіа-Кингъ вспыхнуло возстаніе тайнаго общества бѣлыхъ лилій, а при одномъ изъ его потомковъ въ 1850-мъ году произошло новое возстаніе тайпинговъ. Чтобы показать, что они желаютъ сверженія манджурской династіи, заговорщики перестали брить головы и носить косы, почему и получили названіе длинноволосыхъ разбойниковъ. Тайпинги вышли побѣдителями изъ перваго столкновенія съ императорскими войсками, а также и второе сраженіе окончилось ихъ побѣдой.

Съ каждымъ новымъ успѣхомъ войско тайпинговъ все болѣе и болѣе увеличивалось, и весной 1851 года оно двинулось въ Нанкинъ, который былъ ими взятъ, затѣмъ лѣтомъ 1853 г. направилось къ Пекину, но попытки ихъ овладѣть этимъ городомъ окончились неудачей. Тѣмъ не менѣе тайпинги продолжали дѣйствовать въ другихъ мѣстахъ и захватили въ свои руки провинціи Фукіенъ и Квантунгъ и даже подступали къ Кантону, но не могли взять его, такъ какъ онъ былъ сильно укрѣпленъ соединенными силами французовъ и англичанъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, ставъ на сторону правительства, приняли живое участіе въ этой войнѣ и въ концѣ концовъ соединенными силами положили конецъ междоусобной войнѣ, продолжавшейся въ теченіе 12-ти лѣтъ.

Послѣ смерти императора Хіенъ-Фенгъ, на престолъ долженъ былъ взойти сынъ его Тунгъ-Тши. Но такъ какъ онъ былъ малолѣтенъ, то правленіе перешло въ руки двухъ императрицъ вдовъ, главной жены императора, умершей въ 1881 и побочной жены, настоящей императрицы и регентши.
Во время царствованія Тунгъ-Тши произошла кровавая рѣзня. Римско-католическій соборъ, убѣжище сестеръ милосердія въ Тіенсинѣ, французское консульство и другія постройки были сожжены и разрушены китайцами, а всѣ священники,

сестры милосердія, французскій консулъ и многіе иностранцы умерщвлены самымъ жестокимъ образомъ. Виновные подверглись строгому наказанію и многіе изъ нихъ были изгнаны изъ предѣловъ отечества.

Тунгъ-Тши женился въ 1874 году, но спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы умеръ. Преемникомъ былъ избранъ его двоюродный братъ Тсай-Тіенъ. Онъ вступилъ на престолъ въ 1875-мъ году, 4-хъ лѣтъ отъ роду подъ именемъ Куенгъ-Тсю.

Въ восьмидесятыхъ годахъ у Китая было столкновеніе съ Франціей изъ за Аннама и Тонкина, кончившееся миромъ, по которому Китай отказался отъ своихъ притязаній.

Въ послѣднее время Китай вступилъ въ войну съ Японіей, закончившейся его пораженіемъ и Симоносекимъ миромъ, по которому Корея была признана независимой, а островъ Формоза съ принадлежащими къ нему островами перешелъ къ Японіи. Кромѣ того Китай долженъ былъ уплатить Японіи контрибуцію въ 200 милліоновъ таелей (около 300 мил. рублей).

КИТАЙ И ЕГО ЖИЗНЬ.

(Chinesische Characterzüge von Arthur Smith deutsch frei bearbeitet von F. C. Dürbig).

Сокращенный переводъ *В. И. Т—ской.*

I.

Лицо.

На первый взглядъ, кажется, страннымъ, какимъ образомъ „лицо" можетъ служить характерною чертою китайца, но дѣло въ томъ, что словомъ „лицо" въ Китаѣ обозначается не только передняя часть черепа, но и масса другихъ понятій на столько различнаго значенія, что онѣ только съ большимъ трудомъ поддаются пониманію и описанію.

Для того, чтобы уяснить, что именно, китайцы подразумѣваютъ подъ словомъ „лицо", нужно прежде всего принять въ соображеніе, сильное развитіе драматическаго чувства у этого народа. Театръ составляетъ единственное національное развлеченіе и китайцы питаютъ такую же страсть къ театральнымъ зрѣлищамъ, какъ англичане къ спорту и испанцы къ бою быковъ. Всякое самое незначительное обстоятельство служитъ для китайца предлогомъ стать на ходули и проявить свои актерскія способности. Онъ принимаетъ всевозможныя драматическія позы, падаетъ на колѣни, бросается на землю, прикасается къ ней головой, продѣлывая все это изъ-за такихъ пустяковъ, на которыя европеецъ совсѣмъ не обратитъ никакого вниманія. Китаецъ и думаетъ такъ, какъ будто читаетъ монологъ на сценѣ. Если ему нужно защищаться, или оправдываться, онъ говоритъ, обращаясь къ двумъ, тремъ лицамъ такъ, какъ если бы передъ

нимъ находилась масса зрителей и слушателей. Онъ восклицаетъ, напр.: „я утверждаю это въ присутствіи тебя, тебя и тебя и всѣхъ васъ, собравшихся здѣсь". Если ему удается преодолѣть представившіяся ему на пути затрудненія, онъ говоритъ, что съ успѣхомъ сошелъ со сцены; если же дѣло его оканчивается неудачно, онъ успокаиваетъ себя тѣмъ, что это былъ единственный выходъ сойти со сцены. Само собою разумѣется, что все это вымышленно, но китаецъ никогда не думаетъ о существѣ дѣла, а только объ его формѣ. Во многихъ случаяхъ для того, чтобы спасти положеніе дѣла и выйти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ съ честью ему достаточно сказать хорошую рѣчь въ подходящей случаю формѣ.

Точное исполненіе всѣхъ этихъ формальностей при всевозможныхъ обстоятельствахъ жизни, китаецъ обозначаетъ выраженіемъ „сохранить свое лицо"; если же онъ не обращаетъ на нихъ вниманія, не знаетъ, или небрежно выполняетъ ихъ, въ такомъ случаѣ онъ „утрачиваетъ свое лицо". Уяснивъ разъ навсегда значеніе понятія „лицо", мы можемъ при его посредствѣ найти путь къ пониманію многихъ другихъ важныхъ характеристическихъ чертъ китайца. Только никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, что тѣ правила, которыми руководится китаецъ при пользованіи своимъ „лицомъ", совершенно непонятны для насъ европейцевъ, потому что мы именно не обладаемъ способностью обращать вниманіе на показное и не умѣемъ считаться съ несуществующими вещами.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ судебныхъ разбирательствъ, для иллюстраціи стремленія китайца къ сохраненію своего лица. Обвиняемый утрачиваетъ свое „лицо" и для того, чтобы спасти „его", онъ долженъ отрицать свое участіе въ преступленіи каковы бы ни были обстоятельства дѣла. Представимъ себѣ, напр., что при игрѣ въ теннисъ исчезъ мячъ; всѣмъ извѣстно отлично, что его некому было взять, кромѣ кули, который хотя упорно отрицаетъ это, но тѣмъ не менѣе идетъ къ тому мѣсту, гдѣ пропалъ мячъ и снова находитъ его, или можетъ быть роняетъ его изъ своего рукава, замѣчая равнодушно: „вотъ и потерянный мячъ!". Служанка, утаившая перочинный ножикъ одного изъ гостей своего господина, находитъ потерянную вещь тотчасъ же, какъ схватились, подъ скатертью и по поводу этой находки дѣлаетъ цѣлую исторію. Въ обоихъ случаяхъ „лицо" виновнаго спасено. Если слуга потерялъ какую-нибудь вещь

изъ домашней утвари, вмѣсто которой онъ долженъ купить новую, или заплатить за нее деньгами изъ своего жалованья, то онъ при уходѣ, раньше чѣмъ сдѣлали соотвѣтствующій вычетъ напускаетъ на себя гордый видъ и говоритъ: „деньги за серебряную ложку оставьте себѣ", и тѣмъ спасаетъ свое „лицо".

Если прислуга, небрежно относящаяся къ своимъ обязанностямъ замѣчаетъ, что ей хотятъ отказать отъ мѣста, она нарочно начинаетъ еще больше лѣниться, чтобы вызвать со стороны своихъ господъ оскорбительные упреки, пользуется ими какъ предлогомъ, чтобы самой отказаться отъ мѣста и такимъ образомъ спасаетъ свое „лицо".

Для насъ кажется страннымъ, какъ можно думать о томъ, чтобы спасать „лицо", когда стоишь на порогѣ смерти, а между тѣмъ одинъ китайскій начальникъ округа просилъ, какъ особой милости, позволенія остаться въ своемъ форменномъ платьѣ, въ то время, когда ему будутъ рубить голову, потому что этимъ онъ спасалъ свое „лицо".

II.

Экономія.

Словомъ экономія обозначаются тѣ правила, по которымъ всякое хозяйство пріурочивается къ статьямъ прихода и расхода. Экономія можетъ достигаться тремя путями: во-первыхъ, ограниченіемъ своихъ собственныхъ потребностей, во-вторыхъ, заботой о томъ, чтобы ничто въ хозяйствѣ не пропадало даромъ и въ третьихъ, тѣмъ, чтобы умѣлымъ распредѣленіемъ небольшихъ денегъ доставить тѣ же удобства жизни, которыя получаются при большихъ средствахъ.

Во всѣхъ этихъ способахъ и путяхъ экономіи, китайцы могутъ показать чудеса искусства. Первое, что поражаетъ всякаго иностранца въ Китаѣ—это простая пища народа. Большинство народонаселенія питается очень однообразной пищей, какъ-то: рисомъ, бобами, овощами и рыбой. Эти кушанья составляютъ главную пищу сотенъ милліоновъ людей; въ дни праздниковъ и при особенно торжественныхъ обстоятельствахъ прибавляется еще немного мяса.

Въ то время, какъ мы на Западѣ ломаемъ себѣ голову

надъ тѣмъ, какимъ образомъ доставить бѣдному классу питательную пищу за возможно дешевую цѣну—вѣроятно не безъинтересно будетъ узнать, что въ Китаѣ въ обыкновенное время хорошую пищу, въ достаточномъ количествѣ для одного взрослаго человѣка въ теченіе дня можно имѣть ни болѣе, ни менѣе, какъ за 8 пфеннинговъ.

Нельзя не признать китайцевъ превосходными мастерами въ кулинарномъ искусствѣ. Въ этомъ отношеніи m-r Wingrove Cooks [1]) отдаетъ имъ предпочтеніе передъ англичанами, ставя ихъ на второе мѣсто послѣ французовъ. Выборъ тѣхъ немногихъ простыхъ питательныхъ веществъ, для повседневнаго употребленія сдѣланъ ими очень хорошо, даже если смотрѣть на него съ научной, физіологической точки зрѣнія.

Другимъ фактомъ большого значенія, хотя и не такъ сильно бросающимся въ глаза, является то обстоятельство, что при приготовленіи китайскихъ кушаньевъ очень мало остается разныхъ обрѣзковъ. Все, даже самыя, повидимому, ненужныя вещи находятъ себѣ употребленіе. По окончаніи обѣда китайскаго семейства остается только самое минимальное количество остатковъ; для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно только взглянуть на китайскихъ кошекъ и собакъ, питающихся этими остатками и едва не умирающихъ съ голоду. Сравнительно съ китайцами, мы можемъ назвать европейцевъ въ полномъ смыслѣ этого слова расточителями, такъ какъ мы нисколько не сомнѣваемся, что, если бы собрать все то количество съѣстныхъ продуктовъ, которое въ Европѣ портится, тратится даромъ и выбрасывается, то имъ можно бы было роскошно накормить 60 милліоновъ китайцевъ.

Съ другой стороны, интересно было бы понаблюдать: сколько человѣкъ могутъ прокормиться остатками обѣдовъ такого же числа китайцевъ, въ особенности послѣ того, какъ дѣти и прислуга выскребли и вылизали всѣ блюда дочиста! Экономія китайцевъ доходитъ до того, что остающійся въ чашкахъ чай сливается въ горшокъ и снова разогрѣвается.

Китайская раса далеко не такъ разборчива относительно пищи, какъ европейцы. На сѣверѣ Китая, какъ мы знаемъ,

---

[1]) M-r. Wingrove Cooks былъ китайскимъ корреспондентомъ „Times", въ теченіи 1857—1858 г.г.

разводятся лошади, мулы, быки и ослы, служащіе домашними животными; роль вьючнаго животнаго играетъ верблюдъ. Многимъ можетъ показаться страннымъ тотъ фактъ, что, какъ только какое-нибудь изъ вышеупомянутыхъ животныхъ околѣваетъ—оно съѣдается цѣликомъ даже въ томъ случаѣ, если оно пало отъ заразительной болѣзни.

Такое мясо, конечно, цѣнится гораздо дешевле мяса животныхъ, околѣвшихъ отъ обыкновенныхъ болѣзней, но и оно все продается и съѣдается безъ остатка.

Никто не думаетъ объ опасности и возможныхъ дурныхъ послѣдствіяхъ такой ѣды и всѣ утѣшаютъ себя тѣмъ, что авось все обойдется благополучно. Дохлыхъ собакъ и кошекъ ѣдятъ также съ кожей и волосами, какъ муловъ и ословъ. Намъ приходилось неоднократно лично убѣдиться въ томъ, что крестьяне варили и ѣли собакъ, которыя завѣдомо были отравлены стрихниномъ.

Въ одномъ случаѣ, несмотря на формальное запрещеніе врача—китайцы, начавшіе уже варить такую собаку, не имѣли настолько твердости характера, чтобы отказаться отъ этого Лукулловскаго пира, и, повидимому, ихъ легкомысліе удачно сошло имъ съ рукъ. Наблюдая приготовленіе пищи, мы наталкиваемся еще на одно доказательство проявляемой китайцами экономіи, а именно на устройство кухонныхъ кострюль, вода въ которыхъ закипаетъ на самомъ маленькомъ огнѣ. Топливо въ Китаѣ очень скудно и дорого и состоитъ по большей части изъ сухихъ листьевъ, стеблей и соломы, которые быстро вспыхиваютъ, но скоро сгораютъ. Способъ для собиранія необходимаго горючаго матеріала можетъ служить также примѣромъ изумительной экономіи.

Даже самыя маленькія дѣти, которыя не могутъ дѣлать ничего другого, должны собирать горючій матеріалъ для топлива. Цѣлыя толпы собирателей этого матеріала, снующія съ граблями осенью и зимой, не оставляютъ ни одного стебелька; мальчики должны влѣзать на деревья и срывать засохшія листья.

Всякая китайская хозяйка умѣетъ сообразоваться со своими средствами. Она не тратитъ такъ много на наряды, какъ ея западныя сестры, старается покупать практичныя, прочныя матеріи и какъ можно экономнѣе кроитъ ихъ. Она радуется и съ удовольствіемъ принимаетъ въ подарокъ самый маленькій

лоскутокъ матеріи, и умѣетъ его употребить съ пользой для какого-нибудь украшенія. Все рѣшительно въ домѣ находитъ для себя примѣненіе и самая маленькая тряпка идетъ въ дѣло. Благотворители нашихъ большихъ городовъ, отдающія свои вещи бѣднымъ, не могутъ быть увѣренными въ пользѣ своего дѣла. Если же кто-нибудь сдѣлаетъ такой подарокъ китайцу, то несмотря на то, что носимое имъ платье рѣзко отличается отъ подареннаго и по матеріи и по покрою, онъ можетъ быть увѣренъ, что его подарокъ пойдетъ въ дѣло и будетъ считаться только тогда негоднымъ, когда дѣйствительно отъ него не останется ни одной нитки.

Китаецъ часто даритъ своимъ друзьямъ разныя хвалебныя изреченія, которыя не прилѣпляются, а пришиваются на живую нитку къ кусочкамъ шелковой матеріи для того, чтобы получившій ихъ могъ при желаніи снять эти изреченія и изъ куска оставшейся шелковой матеріи сдѣлать лучшее употребленіе. Чтобы еще больше познакомиться съ способами китайской экономіи, слѣдуетъ заняться наблюденіями надъ китайскими мелочными торговцами. Такому торговцу ничто не кажется ничтожнымъ, ничто не ускользаетъ отъ его вниманія, такъ напр., каждый разнощикъ знаетъ сколько спичекъ заключается въ каждой изъ продаваемыхъ имъ спичечныхъ коробокъ и ставитъ себѣ въ заслугу, когда ему удастся изъ каждой коробки отсчитать въ свою пользу на полфенига спичекъ. Самый маленькій лоскутъ старыхъ китайскихъ книгъ идетъ на заклейку оконъ [1]), или на изготовленіе бумажныхъ фонарей. Часто китайцы простираютъ свою экономію такъ далеко, что даже отказываютъ себѣ въ необходимой пищѣ. Хорошій примѣръ чрезмѣрной бережливости приводитъ Д-ръ Б. С. Генри въ своемъ сочиненіи The Cross and the Dragon—(крестъ и драконъ). Онъ нанялъ для переноски трехъ кули [2]), которые прошли въ 5 часовъ 37 километровъ. Сдѣлавъ такой путь, они вернулись назадъ въ Кантонъ, гдѣ ихъ ожидалъ уже заранѣе оплоченный обѣдъ. Такимъ образомъ они прошли 74 километра; причемъ половина пути была ими сдѣлана съ тяжелой ношей на голодный желудокъ и все это только для того, чтобы сберечь 20 пфениговъ. Въ другомъ случаѣ носильщики, пройдя 56 километ-

---

[1]) Въ Китаѣ окна заклеиваются бумагой вмѣсто нашихъ стеколъ.
[2]) Кули—носильщикъ.

ровъ, на голодный желудокъ такъ какъ съ 6-ти часовъ утра они ничего не ѣли кромѣ двухъ блюдечекъ риса, купленныхъ ими за 12—15 пфениговъ и вернулись назадъ въ лодкѣ. Лодка сѣла на мель и они прибыли въ Кантонъ только въ 2 часа на слѣдующій день. Несмотря на это—эти кули, пробывшіе 27 часовъ безъ пищи и прошедшіе 56 километровъ съ тяжелой ношей, согласны были тащиться съ поклажей д-ра Генри еще 24 километра.

Такихъ перловъ китайской экономіи можно найти очень много, нѣкоторыя изъ нихъ до такой степени поразительны, что намъ даже трудно себѣ это представить. Такъ напр. во многихъ округахъ Китая дѣти бѣгаютъ по улицамъ совершенно голыя. Родители объясняютъ, что они пускаютъ дѣтей въ такомъ видѣ, чтобы доставить имъ удовольствіе, но очевидно тутъ дѣло только въ экономіи. Скрипъ колесъ безчисленныхъ тачекъ можно было бы уничтожить смазываньемъ масломъ, но этого не дѣлается, такъ какъ китайцамъ онъ нисколько не мѣшаетъ, а въ экономіи остаются расходы на масло. Когда какой-нибудь японецъ уѣзжаетъ на чужбину, то онъ заключаетъ съ своими хозяевами условіе о доставленіи ему ежедневно такого-то и такого-то количества воды, чтобы онъ могъ устраивать себѣ горячія ванны соотвѣтственно своимъ привычкамъ. Китайцы имѣютъ тоже свои ванны и бани, но большинство никогда не заглядываетъ въ нихъ. „Вы каждый день моете своего маленькаго?“ спросила однажды любопытная иностранка китайскую мать, которая чистила своего малютку. „Вотъ еще, каждый день мыть“! отвѣчала она гнѣвно, „да его ни разу не мыли съ самаго дня его рожденія“! Девизъ: „дешевле грязи“, красующійся на вывѣскѣ одного торговца мыломъ, совершенно не понятенъ для китайца. Онъ смотритъ на всякаго иностранца, совершенно также, какъ итальянецъ на нѣмца, видя въ немъ не больше не меньше, какъ расточителя мыла. Бѣлье моется въ Китаѣ, но то, что тамъ называется бѣльемъ, совершенно не подходитъ подъ наше понятіе этого слова. Экономія играетъ въ Китаѣ такую большую роль, что китаецъ привыкаетъ въ противоположность намъ обходиться безъ чистаго бѣлья.

Вслѣдствіе экономіи китаецъ рѣдко покупаетъ готовыя орудія производства. Онъ покупаетъ ихъ въ разобранномъ видѣ, потому что такъ они стоятъ дешевле и самъ собираетъ ихъ. До сихъ поръ мы говорили объ экономіи въ домашнемъ оби-

ходѣ, гдѣ она доходитъ до изумительныхъ предѣловъ, такъ, напр., маленькая свѣчка, стоящая какія-нибудь пустяки, вставляется въ отверстіе перегородки между двумя комнатами, такимъ образомъ, чтобы она освѣщала и ту, и другую. Такая же экономія наблюдается и при производствѣ различнаго рода издѣлій; всѣ китайскія орудія очень просты и въ мастерскихъ занимающихся изготовленіемъ плетеныхъ стульевъ, различнаго рода горшковъ и металлическихъ издѣлій можно во-очію наблюдать, какъ китайцы, пользуясь самыми примитивными орудіями создаютъ разныя вещи, какъ будто изъ ничего [1]). Эта простота устройства наблюдается повсюду, начиная отъ заводовъ, всѣ отрасли дѣятельности которыхъ сосредоточиваются на небольшомъ пространствѣ, и кончая кухоннымъ очагомъ, который можетъ быть изготовленъ изъ двухъ кирпичей въ теченіе одного часа, будетъ обладать достаточной тягой и почти ничего не стоить.

Самымъ лучшимъ примѣромъ того факта, что въ Китаѣ при помощи незначительныхъ средствъ достигаются огромные результаты, можетъ служить организація транспорта большихъ партій товара въ Пекинъ. Хлѣбъ идетъ изъ Тіенъ-сина по Пейхо до Тунгъ-гу, гдѣ онъ выгружается. Нашъ хлѣбный торговецъ былъ бы пораженъ, увидя, что для выгрузки, измѣренія и отправки всей массы риса и проса имѣется въ наличности толпа кули, масса деревянныхъ ящиковъ, въ видѣ усѣченныхъ конусовъ служащихъ мѣрами, и большое количество грубыхъ цыновокъ. Цыновки растилаются на землѣ, на нихъ высыпается рисъ, здѣсь же измѣряется запаковывается и отсылается.

Всюду при американскихъ табачныхъ плантаціяхъ существуютъ огромные старательно и прочно построенные сушильные амбары. У китайцевъ нѣтъ и намека на что-либо подобное. Ихъ сушильни дѣлаются изъ соломы; когда солома вывѣтривается, ее употребляютъ на топливо. Послѣ сбора табаку, крѣпкіе длинные стебли оставляются и между ними протягиваются веревки, на которыхъ развѣшиваются табачные листья. На ночь эти веревки съ привѣшенными на нихъ листьями, убираются въ амбары.

---

[1]) Я подразумѣваю здѣсь изумительныя издѣлія изъ слоновой кости, которыя они выдѣлываютъ, пользуясь самыми грубыми орудіями.

Одна китайская вдова, совсѣмъ больная, съ трудомъ плелась по улицѣ, къ дому своего родственника. Она шла къ нему, чтобы умереть ближе къ тому мѣсту, гдѣ находилась семейная гробница и тѣмъ уменьшить расходы по погребенію.

III.

Трудолюбіе.

Первое впечатлѣніе, бросающееся въ глаза всякому новому человѣку, это то, что китаецъ находится постоянно за работой. Само собою разумѣется, что мы не касаемся здѣсь того богатаго класса, который можетъ прекрасно прожить безъ работы, но даже и разбогатѣвшіе люди въ Китаѣ по большей части не бросаютъ своихъ дѣлъ и занимаются ими съ такимъ же усердіемъ, какъ и раньше, когда они были бѣдны.

Китайцы по занятіямъ раздѣляются на 4 класса: ученыхъ, крестьянъ, ремесленниковъ и купцовъ. Разсмотримъ же теперь всякій изъ этихъ классовъ въ отдѣльности и посмотримъ какимъ образомъ это трудолюбіе проявляется въ каждомъ изъ нихъ.

Для того, чтобы получить въ Китаѣ какую-нибудь должность, нужно выдержать соотвѣтствующій экзаменъ. Повсюду въ Китаѣ во всѣхъ провинціяхъ, гораздо больше претендентовъ на мѣста, чѣмъ самихъ мѣстъ. Экзаменаціонные залы на низшія и высшія должности всегда бываютъ переполнены и число кандидатовъ на какой-нибудь служебный постъ иногда достигаетъ до 60.000 человѣкъ. Если мы только обратимъ вниманіе на ту массу работъ, которая необходима для того, чтобы имѣть возможность приступить къ такому экзамену—мы этимъ самымъ уже можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о напряженіи умственной дѣятельности китайца. Иногда его рвенія хватаетъ только на то, чтобы получить первый чинъ, но такой студентъ еще не пользуется уваженіемъ китайцевъ, и оно выпадаетъ на долю того, кто прошелъ весь узкій, тернистый путь, ведущій къ полученію высшаго чина. Развѣ можно встрѣтить гдѣ-либо въ другомъ государствѣ, чтобы дѣдушка, отецъ и сынъ держали вмѣстѣ одинъ и тотъ же экзаменъ на полученія одного и того же чина, а между тѣмъ въ Китаѣ это встрѣчается сплошь и рядомъ, такъ какъ даже 80-ти лѣтніе старики допускаются въ число экзаменующихся.

Весною 1889 года въ Пекинской газетѣ были напечатаны различныя данныя о возрастѣ кандидатовъ провинціальныхъ экзаменовъ, такъ на осеннихъ испытаніяхъ въ Фуховѣ было 9 экзаменующихся старше 80 и двое старше 90 лѣтъ, причемъ они выполнили всѣ экзаменаціонныя требованія и написали свои работы яснымъ отчетливымъ почеркомъ. Въ провинціи Гонанъ насчитывалось также 13 кандидатовъ старше 80 и одинъ старше 90 лѣтъ—всѣ они подвергались на-ряду съ прочими девяти-дневному испытанію, не обнаруживъ слѣда старческой слабости. Провинція Ангуи превосходитъ въ этомъ отношеніи всѣ вышеупомянутыя, такъ какъ въ ней оказалось 35 кандидатовъ старше 80 и 18 старше 90 лѣтъ.

Обращаясь къ крестьянамъ, мы можемъ увѣренно сказать, что они никогда не остаются безъ работы. За исключеніемъ сравнительно короткаго зимняго періода въ сѣверныхъ провинціяхъ, они, втеченіи всего остальнаго времени буквально завалены работой.

Трудолюбіе ремесленника еще интенсивнѣе, потому что призракъ голода держитъ его въ постоянномъ страхѣ, заставляя работать безъ отдыха. Подобно тому, какъ земледѣлецъ съ величайшей заботливостью наблюдаетъ за воздѣлываемыми имъ овощами, стараясь уничтожить поѣдающихъ ихъ насѣкомыхъ— такъ и ремесленникъ старается не упустить ни малѣйшаго заказа, чтобы имѣть возможность прокормить свою семью.

Всякій, кому случалось путешествовать по большимъ проѣзжимъ дорогамъ, знаетъ, что во всякій часъ дня и ночи можно встрѣтить на дорогѣ крестьянъ, съ величайшимъ стараніемъ собирающихъ самые маленькіе кусочки навоза. Что же касается рабочаго, то очень часто бываетъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ берется за два занятія, такъ какъ не можетъ прокормиться однимъ. Такъ, напр., лодочникъ въ Тинсинѣ, остающійся безъ работы послѣ замерзанія льда — заводитъ сани и зимой перевозитъ въ нихъ по льду на другую сторону рѣки. Крестьяне въ свободное отъ земледѣльческихъ работъ время плетутъ шляпы, или другія соломенныя издѣлія для вывоза. Такую же неутомимую дѣятельность проявляютъ и купцы и ихъ прикащики. Послѣдніе заняты съ ранняго утра до поздняго вечера, потому что лавки очень рано открываются и поздно закрываются, а такъ какъ праздниковъ въ Китаѣ очень мало, то они почти никогда не пользуются отдыхомъ.

Система китайской бухгалтеріи до такой степени сложна, что несчастный бухгалтеръ долженъ сидѣть до поздней ночи, если онъ не хочетъ запускать своихъ счетовъ.

Замѣчательно, что въ Китаѣ всего больше является претендентовъ на должности, требующія большой трудоспособности. Всякій прежде всего стремится къ тому, чтобы поступить на государственную службу. Разнообразіе дѣятельности, которая выпадаетъ на долю служащаго и за которую онъ отвѣтственъ не только теоретически, но и фактически—просто невѣроятно. Одинъ извѣстный китайскій государственный дѣятель разсказалъ иностранному переводчику о распредѣленіи своего дня слѣдующее: каждый день въ два часа ночи онъ выходитъ изъ дому на службу во дворецъ, продолжающуюся отъ 3 час. ночи до 6 час. утра. Какъ членъ государственнаго совѣта, онъ засѣдаетъ отъ 6 до 9 часовъ въ сенатѣ, отъ 9 до 11 час. онъ долженъ предсѣдательствовать въ военномъ министерствѣ, отъ 12 до 2 час. засѣдать въ высшей судебной инстанціи и отъ 2 до 5 или шести часовъ заниматься высшей политикой въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Таково распредѣленіе его обыкновеннаго дня. Но кромѣ этихъ занятій у него бываютъ еще засѣданія всевозможныхъ коммисій, такъ что только въ 7, или 8 часовъ вечера онъ освобождается отъ работы. Нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ мандаринъ послѣ шести мѣсяцевъ такихъ занятій заболѣлъ отъ переутомленія.

Китайскій рабочій день начинается очень рано, сейчасъ послѣ полуночи. Китайскій императоръ начинаетъ свой пріемъ въ тѣ часы, когда въ Европѣ все покоится глубокимъ сномъ, Эти ночныя аудіенціи для насъ представляются совершенно непонятными, китайцу же онѣ кажутся совершенно естественными: само собою разумѣется, что всѣ привычки „Сына Неба“, находятъ себѣ подражаніе и у его подданныхъ.

Мѣдники Кантона, рѣзчики Нинпоса, рабочіе на рисовыхъ мельницахъ Шанхая всѣ работаютъ съ ранняго утра до поздней ночи. Задолго до восхода солнца путешественникъ можетъ встрѣтить крестьянъ, идущихъ изъ далека, чтобы начать торговать овощами вмѣстѣ съ восходомъ солнца. Въ то время, когда мы европейцы садимся за первый завтракъ, на китайскомъ рынкѣ уже прекращается торговля.

Теперь намъ остается только сказать еще нѣсколько словъ о трудоспособности китайцевъ. Прежде всего нужно имѣть въ

виду, что къ китайцу не можетъ быть приложена наша мѣрка. Намъ можетъ казаться, что ему недостаетъ того рвенія, которое мы такъ цѣнимъ въ работѣ, но китаецъ съ испоконъ вѣку подъ вліяніемъ своей религіи и философіи привыкъ, чтобы его работа шла ровнымъ, размѣреннымъ медленнымъ шагомъ.

Наблюдая этотъ трудолюбивый народъ, невольно приходится подумать о томъ времени, когда бѣлой расѣ придется вступить въ конкурренцію съ желтой.

IV.

Вѣжливость.

Существуетъ двѣ точки зрѣнія на китайскую вѣжливость:—во 1-хъ къ ней можно относиться критически, и во 2-хъ—можно преклоняться передъ ней. Но какой бы строгой критикѣ она ни подвергалась, мы все-таки должны сознаться, что китайцы обладаютъ въ такомъ совершенствѣ искусствомъ вѣжливаго обращенія, о которомъ мы европейцы не можемъ имѣть никакого понятія. Древніе классики учатъ, что существуютъ 300 правилъ для торжественныхъ церемоній и 300 правилъ приличія. Можно бы было думать, что никакая человѣческая раса не въ состояніи будетъ вынести въ теченіе продолжительнаго времени такого балласта и однако мы видимъ, что всѣ эти церемоніи вошли въ плоть и кровь китайцевъ. Ту же самую точность и соблюденіе строгихъ правилъ этикета, которыя у насъ наблюдаются въ дипломатическихъ сношеніяхъ и при дворѣ, они примѣнили къ ежедневнымъ требованіямъ домашняго обихода. Мы не хотимъ этимъ сказать, что китаецъ втеченіе всей своей жизни отягощаетъ себя соблюденіемъ этихъ формальностей, нѣтъ—скорѣй на нихъ нужно смотрѣть, какъ на праздничныя украшенія, которыми пользуются при подходящихъ обстоятельствахъ, чтобы сообразно имъ регулировать правила своего поведенія. Если китаецъ становится втупикъ относительно исполненія какихъ нибудь требованій этикета, онъ будетъ себя считать въ такой же степени виновнымъ, какъ если бы у насъ кто-нибудь не зналъ, что дважды два будетъ четыре.

Намъ европейцамъ очень трудно стать на точку зрѣнія китайской вѣжливости, потому что мы подъ словомъ вѣжливость

подразумѣваемъ любезность, выраженную въ соотвѣтствующей формѣ. Въ Китаѣ вѣжливость совсѣмъ не имѣетъ этого значенія. Она представляетъ скорѣй механическую привычку, которая, какъ и все механическое, не связана ни съ сердцемъ, ни съ умомъ. Перечисленіе безчисленныхъ титуловъ, которое вызываетъ у насъ смѣхъ и кажется иногда просто чудачествомъ, употребляется для того, чтобы выразить соотвѣтствующими выраженіями оттѣнки различія служебнаго положенія различныхъ людей. Кромѣ того эти обращенія употребляются для оживленія разговора, въ которомъ, по правиламъ китайской рѣчи всякая начальная фраза должна служить основаніемъ для послѣдующей, также какъ и всякое послѣдующее предложеніе должно вытекать изъ предъидущаго. Нѣчто подобное наблюдается и при игрѣ въ шахматы, гдѣ тоже игрокомъ употребляются извѣстныя выраженія, при каждомъ новомъ ходѣ, которыя не имѣютъ никакого вліянія на самую игру, но составляютъ ея необходимое условіе. Само собою разумѣется, что требованія этикета ослабѣваютъ по мѣрѣ удаленія отъ большихъ центровъ въ глубь страны.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что почти нѣтъ китайца, который не былъ бы освѣдомленъ по этой части и сравнительно съ которымъ всякій образованнѣйшій европеецъ не показался бы круглымъ невѣждой въ этомъ отношеніи. Вотъ почему китайцы смотрятъ на насъ съ такимъ же презрѣніемъ, съ какимъ мы смотрѣли бы на людей, которые не могутъ сосчитать до трехъ.

Нельзя не упомянуть, что китаецъ старается о соблюденіи вѣжливости не для того, чтобы доставить удовольствіе своимъ гостямъ, а чтобы только показать свое знаніе правилъ приличія. Сколько бы вы не отказывались отъ предлагаемаго имъ угощенія, онъ все-таки разведетъ огонь, чтобы угостить васъ чаемъ. Ему все равно, что ваши глаза будетъ ѣсть дымъ и вы насильно будете глотать не особенно вкусный напитокъ: для него достаточно одного сознанія, что онъ въ точности выполнилъ всѣ правила гостепріимства. Если его гость не пришелъ отъ нихъ въ восхищеніе, тѣмъ хуже для него. Крестьянинъ, у котораго вы хотите остановиться на нѣкоторое время, точно также, соблюдая правила гостепріимства, начинаетъ приводить въ порядокъ комнату, какъ только вы переступите ея порогъ и никакія просьбы не заставятъ его положить въ сто-

рону метелку и не поднимать пыль, накопившуюся въ теченіе многихъ лѣтъ.

Не въ лучшемъ положеніи оказывается иностранецъ и на всякихъ празднествахъ. Гостепріимный хозяинъ накладываетъ верхомъ тарелку гостя самыми лучшими, по его мнѣнію, кушаньями, не справляясь, желаетъ ли гость отвѣдать ихъ или нѣтъ. Поступая такимъ образомъ, онъ считаетъ свои обязанности хозяина выполненными въ точности; если же гость не удостоитъ попробовать предлагаемыхъ ему блюдъ—это уже не его вина. Насколько не похожи китайскія правила вѣжливости на наши, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: одна невѣста—китаянка пріѣхала съ визитомъ, повернулась къ хозяйкѣ спиной и, къ ея удивленію и досадѣ, сдѣлала поклонъ совершенно въ противоположную сторону. Впослѣдствіи выяснилось, что гостья кланяется въ сторону сѣвера, гдѣ находится резиденція императора, не обращая никакого вниманія на ту особу, къ которой собственно долженъ былъ относиться ея поклонъ.

Иногда китайская вѣжливость проявляется въ формѣ подарковъ, стереотипно повторяющихся черезъ извѣстные промежутки времени. Кому приходится съ китайцами имѣть много дѣла, тотъ отлично знакомъ съ этими пакетами несъѣдобныхъ вещей, завернутыхъ въ красную бумагу. Китаецъ ни за что не возьметъ его обратно, даже и въ томъ случаѣ, если европеецъ, доведенный до крайней степени раздраженія, объявитъ, что онъ не будетъ его держать ни минуты у себя и тотчасъ же отдастъ его кому попало. Съ однимъ иностранцемъ, не знавшимъ правилъ этикета, былъ такой случай: однажды его пригласили на китайскую свадьбу, гдѣ онъ встрѣтилъ многочисленное общество. Зная, что для свадебнаго пира всегда готовится много пирожковъ, онъ замѣтилъ съ удивленіемъ, что при концѣ обѣда два, или три пирожка, положенные отдѣльно на блюдо, были предложены съ предупрежденіемъ, что они еще горячіе. Когда онъ отказался, *то наступило какое-то замѣшательство: пирожки исчезли* и никому уже больше не предлагались. Какъ оказалось потомъ, въ Китаѣ существуетъ обычай, чтобы всякій гость вносилъ извѣстную сумму для покрытія свадебныхъ расходовъ и эти деньги собираются по мѣстному обычаю въ то время, когда гости сидятъ за столомъ. Но такъ какъ китайцы считаютъ невѣжливымъ прямо напоми-

нать объ этомъ гостямъ, то они призываютъ ихъ къ исполненію обязанностей подношеніемъ горячаго пирожка.

Одной изъ особенностей китайскихъ правилъ приличій является то обстоятельство, что при встрѣчѣ съ европейцемъ прежде всего спрашиваютъ сколько ему лѣтъ. Если, напр., европеецъ отвѣчаетъ: „мнѣ тридцать лѣтъ", то китаецъ считаетъ своимъ долгомъ замѣтить: „ты кажешься гораздо старше, тебѣ навѣрно 45 лѣтъ", желая этимъ сказать комплиментъ его учености. Одинъ изъ китайскихъ сановниковъ, желая польстить принцу Генриху, путешествовавшему по Китаю, сказалъ, что онъ имѣетъ видъ пятидесятилѣтняго, а желая польстить еще больше принцессѣ, назвалъ ее шестидесятилѣтней.

V.

Неумѣнье дорожить временемъ.

„Время—деньги", гласитъ девизъ нашей новой цивилизаціи. Вслѣдствіе открытій послѣдняго времени человѣкъ пользуется теперь массой изобрѣтеній, служащихъ для выигрыша времени. Различіе между китайцемъ и европейцемъ въ этомъ отношеніи сразу бросается въ глаза при первомъ привѣтствіи. Въ то время, какъ наши обращенія: „какъ вы поживаете? что вы подѣлываете?"—указываютъ на то, что при употребленіи ихъ имѣется въ виду представленіе о дѣятельности, китаецъ привѣтствуетъ васъ словами: „кушали ли вы уже свой рисъ?". У нихъ, какъ и у всѣхъ восточнымъ народовъ, совершенно нѣтъ представленія о томъ, что „время—деньги", которое уже давно вошло въ нашу плоть и кровь. Китайскій день имѣетъ 12 часовъ и эти часы обозначаютъ не только тотъ моментъ, когда кончается одинъ часъ и начинается другой, но и всякій промежутокъ между двумя отдѣльными часами. Такимъ образомъ полднемъ называется не только двѣнадцать часовъ, но и весь промежутокъ отъ одиннадцати до часу.

Такія же неточности встрѣчаются въ разговорной рѣчи относительно всякихъ обозначеній времени. Смѣны часовыхъ нисколько не урегулированы и въ одномъ и томъ же городѣ совершаются въ различные промежутки времени. О точномъ измѣреніи времени, которое практикуется въ Европѣ, китайцы не имѣютъ понятія и тѣ немногіе счастливцы, имѣющіе часы,

которые живутъ по нимъ, чистятъ ихъ разъ въ два года и аккуратно заводятъ, считая, что совершаютъ какой-то необыкновенный подвигъ. Простой народъ довольствуется тѣмъ, что въ ясный день узнаетъ время по солнцу, а въ пасмурный—наблюдая за сокращеніемъ и расширеніемъ зрачка кошки составляетъ себѣ приблизительное понятіе о времени.

Такою же неточностью отличается въ Китаѣ и понятіе о протяженности времени. Мы знаемъ, что Сидней Смитъ дѣлитъ всѣхъ людей на два разряда: на допотопныхъ и послѣпотопныхъ людей. Допотопные люди до сихъ поръ не могутъ привыкнуть къ той мысли, что времена Маѳусаила прошли и живутъ изо-дня въ день такимъ образомъ, какъ будто бы имъ предстоятъ впереди цѣлыя столѣтія для приведенія въ исполненіе ихъ работы:—къ нимъ, между прочимъ, должны быть причислены и китайцы настоящаго времени. Хорошій китайскій разсказчикъ, приглашенный въ чайные дома для привлеченія и развлеченія публики, разсказываетъ цѣлыми часами разныя исторіи передъ постоянно смѣняющейся публикой. Тоже самое наблюдается и при театральныхъ зрѣлищахъ, гдѣ представленіе какой-нибудь одной пьесы продолжается нѣсколько дней. Китайскіе фокусы очень ловко продѣлываются и очень занимательны, но имѣютъ свою оборотную сторону: кульминаціонная точка интереса, возбуждаемая фокусомъ, вслѣдствіе всевозможной ненужной болтовни такъ отдаляется, что всякій интересъ къ фокусу утрачивается. Тоже самое происходитъ и на безконечныхъ китайскихъ празднествахъ съ безчисленнымъ множествомъ блюдъ.

Съ самого ранняго дѣтства китайцы привыкаютъ все дѣлать очень медленно. Такъ, напр., ребенокъ проводитъ время съ ранняго утра до поздней ночи въ школѣ, съ небольшими промежутками для ѣды. Экзаменаціонныя испытанія для полученія различныхъ степеней продолжаются подрядъ цѣлые дни и ночи и хотя большинство экзаменующихся страдаетъ отъ несообразности такой системы, тѣмъ не менѣе ее нельзя никакими способами вывести изъ употребленія. Естественно, что и духовная жизнь китайца складывается по этому же трафарету. Даже языкъ ихъ до такой степени допотопенъ, что нужно достигнуть возраста Маѳусаила, чтобы изучить его. Говоря выше о трудолюбіи китайцевъ, мы замѣтили, что его по степени интенсивности совершенно нельзя сравнивать съ нашимъ

европейскимъ. Спросите тѣхъ, кто строилъ для себя домъ въ Китаѣ, согласится ли онъ еще разъ предпринять такую постройку. Рабочіе приходятъ поздно и скоро уходятъ и безъ конца пьютъ чай. Они идутъ далеко за известью и приносятъ маленькій кусочекъ ея въ старомъ мѣшкѣ, между тѣмъ, какъ въ тачкѣ можно бы привезти втрое больше. Какъ только начинаетъ идти дождь, всякая работа прекращается. Повидимому, всѣ какъ будто дѣлаютъ дѣло, но количество сработаннаго за день, такъ ничтожно, что даже трудно опредѣлить результатъ работы цѣлой партіи рабочихъ. Европеецъ, работавшій вмѣстѣ съ китайцами сдѣлалъ во время обѣденнаго отдыха, ровно столько, сколько четыре китайскихъ рабочихъ въ полдня.

Отъ китайцевъ трудно и требовать пониманія скорости исполненія. Намъ извѣстно, что почтовая сумка съ письмами между двумя пунктами, находящимися другъ отъ друга на разстояніи 19 километровъ находилась нѣсколько дней въ пути, потому что перевозившій почту оселъ, заболѣлъ и нуждался въ покоѣ. Тоже самое наблюдается и на телеграфѣ. Но это полное непониманіе цѣнности времени, всего непріятнѣе даетъ себя знать при обмѣнѣ визитами. Въ Китаѣ, они тянутся безъ конца. Пока хозяинъ не предложитъ своему гостю остаться переночевать, этотъ послѣдній долженъ, несмотря на усталость продолжать разговоръ. Когда же китаецъ дѣлаетъ европейцу визитъ, онъ даже представить себѣ не можетъ, что тотъ дорожитъ временемъ, сидитъ цѣлыми часами и, говоритъ очень мало, не выказывая никакого желанія удалиться“.

VI.

Отсутствіе точности.

Первое впечатлѣніе, получаемое иностранцемъ въ Китаѣ, есть впечатлѣніе однообразія. Всѣ люди кажутся похожими другъ на друга, у всѣхъ одинаковый разрѣзъ глазъ и синяго цвѣта платье. Одна коса похожа на другую, какъ двѣ капли воды. Но пройдетъ нѣсколько времени и наблюдатель замѣчаетъ, что его мнѣніе было ошибочно и что этого однообразія на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Не только внѣшній видъ, но даже способы выраженія въ различныхъ мѣстностяхъ различны, что ведетъ къ образованію различныхъ діалектовъ, несмотря

на единство письменныхъ знаковъ. Такимъ же разнообразіемъ отличаются и нравы, которые по старой китайской поговоркѣ измѣняются черезъ каждые 10 ли [1]), чему мы видимъ подтвержденіе на каждомъ шагу. Точно также измѣняются и всевозможныя единицы мѣры, что доставляетъ европейцу цѣлую массу непріятностей; китаецъ же очень доволенъ такимъ положеніемъ дѣла.

Существованіе двухъ родовъ денегъ, двухъ родовъ вѣса, двухъ родовъ мѣръ кажется ему совершенно естественнымъ и нормальнымъ. Отсюда проистекаютъ всевозможныя курьезныя недоразумѣнія. Такъ одинъ крестьянинъ, на вопросъ сколько вѣситъ его быкъ, назвалъ такую маленькую цифру, что всѣ были поражены, пока не выяснилось, что онъ считалъ вѣсъ мяса безъ костей. Въ другомъ подобномъ случаѣ, лакей спрошенный о высотѣ своего роста, назвалъ до смѣшнаго небольшую цифру,—какъ потомъ оказалось, онъ мѣрилъ себя только до плечъ.

Всего рѣзче выражается китайское несходство мѣръ при счетѣ мѣдныхъ монетъ, являющихся самыми распространенными денежными знаками. Хотя въ Китаѣ и употребляется десятичная система, но весь вопросъ сколько монетъ въ какомъ мѣстѣ считается за сто.

Достаточно сдѣлать только небольшое путешествіе, чтобы убѣдиться, что это понятіе измѣняется съ совершенно непостижимою произвольностью и вмѣсто признаваемой въ теоріи вязки ста штукъ монетъ—вы получаете за сто 99, 98, 96, 83 и даже 33 мѣдныхъ монеты, какъ напр. въ провинціи Чили. Еще хуже обстоитъ дѣло съ вѣсомъ, по которому продается серебро. Не только въ двухъ различныхъ лавкахъ вы встрѣчаете двѣ различныя унціи, но даже одинъ и тотъ же купецъ. гдѣ только возможно, къ величайшему изумленію европейца пользуется совершенно различными унціями. Тоже самое можно сказать и относительно другихъ мѣръ. Четверикъ въ разныхъ мѣстахъ имѣетъ совершенно различную вмѣстимость. Способъ которымъ при помощи этого обстоятельства наживаются деньги при взысканіи податей натурой у всякаго менѣе мирнаго народа, послужилъ бы поводомъ къ политиче-

---

[1]) Ли—китайская мѣра длины, очень растяжимое понятіе, по большей части принимается, что 3 ли равняются одной англійской милѣ.

скому возстанію. Въ Китаѣ нѣтъ ни настоящаго фунта, ни настоящаго литра. Мѣры поверхности точно также совершенно не установлены. Въ однихъ округахъ акромъ называется площадь земли вдвое меньшая, чѣмъ въ другихъ, и тѣ люди, которые живутъ на границѣ этихъ двухъ областей, должны имѣть измѣрительные приборы двухъ родовъ. Всякій путешественникъ по Китаю знаетъ, что тамъ существуютъ двоякія мѣры длины и для того, чтобы составить себѣ представленіе о какомъ-нибудь разстояніи, долженъ прежде сообразить о какихъ миляхъ идетъ рѣчь, о короткихъ или о длинныхъ. Такъ напр. мы знаемъ изъ опыта, что китайскія ли (=1/3 англійской мили) становятся длиннѣе, по мѣрѣ отдаленія отъ большой дороги.

Другая замѣчательная особенность линейныхъ мѣръ Китая заключается въ томъ, что разстояніе отъ А до В не равно разстоянію отъ В до А. Въ подтверженіе нашихъ словъ мы можемъ назвать часть небольшой дороги, которая по увѣренію китайцевъ отъ сѣвера къ югу имѣетъ длину въ 183 ли, а отъ юга къ сѣверу имѣетъ длину въ 190 ли—и замѣчательно то, что они считаютъ такое счисленіе совершенно правильнымъ. Одинъ остроумный китаецъ даетъ этому слѣдующее объясненіе: такъ какъ плата за поклажу назначается по разстоянію, то само собою разумѣется, что кули долженъ получить больше, когда онъ поднимается въ гору, чѣмъ тогда, когда онъ идетъ по ровной дорогѣ, а такъ какъ трудно соразмѣрить вознагражденіе съ высотою подъема, то принимается, что дорога въ гору длиннѣе дороги подъ гору.

Затѣмъ мы встрѣчаемся въ Китаѣ еще съ однимъ интереснымъ фактомъ, а именно, что цѣлое не равняется суммѣ своихъ частей. Вы спрашиваете кого-нибудь о разстояніи къ данному мѣсту и узнаете, что оно отстоитъ на 40 ли. При болѣе точномъ разслѣдованіи оказывается, что эти 40 равняются два раза взятымъ 18... Не хочется вѣрить своимъ ушамъ, а между тѣмъ китаецъ увѣряетъ, что 4×9 будетъ 40 или около того. Точно также они считають, что 3×18≅60 и т. д. Намъ разсказывали такой случай: императорскій курьеръ не успѣлъ проѣхать указаннаго разстоянія въ положенное время. Онъ оправдывался тѣмъ, что ему нужно было проѣхать 60 большихъ ли,—когда смѣрили разстояніе, то дѣйствительно въ немъ оказалось не 60, а 80 ли.

При такихъ условіяхъ не нужно удивляться, что всякій

устанавливаетъ для себя наиболѣе выгодный вѣсъ и мѣру. Всякій торговецъ имѣетъ двѣ мѣры, одну для покупки, другую для продажи.

Характерною особенностью китайскаго народа является также принятое имъ обозначеніе возраста. Про старика, которому только что исполнилось 70 лѣтъ, говорятъ, что ему 80 лѣтъ, потому что съ китайской точки зрѣнія, тотъ, кому исполнилось 70, можетъ считаться уже 80-ти лѣтнимъ. Въ томъ случаѣ, даже когда китаецъ хочетъ быть совершенно точнымъ, онъ называетъ не тотъ годъ, который ему исполнился, а тотъ, который наступитъ послѣ Новаго года.

Привычка считать десятками пустила глубокіе корни въ народѣ и часто даетъ много поводовъ къ недоразумѣніямъ. Если дѣло идетъ о большихъ цифрахъ, то тоже принято считать круглыми цифрами, — сотнями тысячами и даже милліонами. Одинъ мой знакомый разсказывалъ, что онъ истратилъ на театръ 200 мѣдныхъ монетъ, хотя тотчасъ же прибавилъ: „собственно говоря, я израсходовалъ только 183, но это все равно“.

Я зналъ также одного человѣка, который придя ко мнѣ за совѣтомъ по одному юридическому дѣлу, и спрошенный о своемъ мѣстожительствѣ, указалъ на одну деревню, хотя изъ его разсказовъ было ясно, что онъ живетъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Какъ оказалось, потомъ, въ означенной имъ деревнѣ жили когда-то его предки. „Да“, утверждалъ онъ, „мы теперь тамъ не живемъ, но это наша родина“. Другой китаецъ указывая мнѣ на одинъ храмъ въ своей деревнѣ, замѣтилъ съ гордостью: „это я выстроилъ“. При ближайшемъ изслѣдованіи оказалось, что эта постройка была возведена еще во времена династіи Мингъ, т. е. больше, чѣмъ 300 лѣтъ тому назадъ, когда гордое „я“, вышеупомянутаго строителя представляло собой не больше, какъ атомъ матеріи.

Тотъ, кто изучаетъ китайскій языкъ, знаетъ, что въ немъ не существуетъ отдѣльныхъ выраженій, для обозначенія понятій тожества и сходства. Весь образъ мыслей китайцевъ основывается на предвзятыхъ идеяхъ, совершенно отличныхъ отъ нашихъ и ему совсѣмъ непонятно европейское стремленіе къ точному выраженію мысли. Такъ, напр., онъ совершенно не интересуется числомъ жителей своей деревни,—и удивляется, почему это можетъ быть интересно другимъ людямъ, если спро-

сить его объ ихъ количествѣ, онъ даетъ очень неточный отвѣтъ; одинъ разъ онъ отвѣтитъ вамъ, что ихъ двѣсти, другой разъ назоветъ какое-нибудь другое число, а то и просто отдѣлается выраженіемъ „немало".

Такую же неточность китаецъ проявляетъ и относительно буквъ [1]). Стоитъ взять какое-нибудь дешевое изданіе, какъ мы сразу натолкнемся на множество опечатокъ. Въ письмахъ мы также встрѣчаемся съ большою небрежностью относительно употребленія буквъ; очень часто одна буква замѣняется другой равнозначущей по произношенію, отчасти отъ незнанія, отчасти по небрежности.

Эта неточность всего рѣзче выражается на адресахъ писемъ. Обыкновенно на китайскомъ письмѣ имѣется такой адресъ: моему отцу, великому человѣку и т. д. или моему храброму младшему брату, великому человѣку и т. д., причемъ не называется именъ этихъ великихъ людей. Намъ кажется это страннымъ, какъ такой практическій народъ, какъ китайцы совсѣмъ не соблюдаетъ точности въ написаніи собственныхъ именъ. Эти послѣднія пишутся иногда одними, иногда другими письменными знаками, и въ сущности ни тѣ, ни другія не подходятъ. Но это еще не производитъ такой путаницы, какъ то, что часто одинъ и тотъ же человѣкъ носитъ различныя имена и кромѣ своей фамиліи еще какое-нибудь „nom de guerre", подъ которымъ онъ держитъ свои государственные экзамены. Тоже самое происходитъ и съ названіями мѣстностей: одна и та же деревня называется въ оффиціальныхъ бумагахъ по одному, а въ обыденномъ разговорѣ по другому.

VII.

Непонятливость.

Эту особенность китайскаго народа иностранецъ начинаетъ замѣчать только тогда, когда ему удастся наконецъ, выучиться китайскому языку. Къ своему величайшему изумленію онъ убѣждается, что его не понимаютъ. Тогда онъ набрасывается еще

[1]) Собственно буквъ, какъ у насъ, у китайцевъ нѣтъ. Ихъ письменныя знаки обозначаютъ или цѣлыя понятія или ихъ оттѣнки.

съ большимъ усердіемъ на изученіе языка и черезъ нѣсколько лѣтъ, чувствуя себя уже дѣйствительно сильнымъ въ разговорной рѣчи, снова вступаетъ въ разговоръ съ кѣмъ-нибудь о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Но къ своему удивленію, онъ и на этотъ разъ остается непонятымъ и отвѣтомъ на его слова всегда служитъ одно и то же замѣчаніе: „когда вы говорите, мы васъ не понимаемъ“.

Китайцы простираютъ свою непонятливость до такой степени, что когда иностранецъ уже хорошо изучилъ китайскую рѣчь и можетъ свободно на ней изъясняться—они не даютъ себѣ труда понимать его въ томъ случаѣ, если смыслъ его рѣчи хоть немного теменъ, вслѣдствіе упущенія имъ изъ виду различныхъ мелочей. Иностранецъ долженъ всегда прибавлять: „я подразумѣваю подъ этимъ то-то и то-то, или: чтобы избѣгнуть недоразумѣній“ и т. д.

Благодаря такой непонятливости иностранецъ, живущій въ Китаѣ въ томъ случаѣ, если ему приходится платить жалованье рабочимъ, долженъ стараться о томъ, чтобы не было никакихъ недоразумѣній относительно уплаты денегъ. Онъ долженъ научиться говорить своимъ служащимъ и рабочимъ въ будущемъ времени, „когда ты сдѣлаешь свою работу, ты получишь за нее деньги“, такъ какъ китайцы не имѣютъ никакого представленія о логической послѣдовательности уплаты непосредственно послѣ исполненія работы. Обыкновенно китаецъ желаетъ получить деньги за свой трудъ, раньше чѣмъ онъ приступилъ къ работѣ, объясняя это тѣмъ, что ему нужно подкрѣпиться. При производствѣ уплаты нужно всегда заблаговременно опредѣлить, сколько нужно платить, какими монетами и въ какихъ вязкахъ, чтобы не было никакихъ недоразумѣній. То же самое и при заключеніи контракта съ архитекторомъ, или подрядчикомъ: нужно быть очень осторожнымъ при заключеніи условій и соблюдать возможную точность. Но даже и при соблюденіи всѣхъ этихъ мѣръ предосторожности, иностранецъ въ большинствѣ случаевъ будетъ обманутъ. Если напр., онъ нанимаетъ лодочника или извощика и указываетъ ему мѣсто, куда ѣхать, то очень часто его приказанія остаются неисполенными и упрямство кучера въ такомъ случаѣ не многимъ разнится отъ упрямства мула, который какъ только очутится на какомъ-нибудь пыльномъ мѣстѣ, сейчасъ же опускается на четвереньки и начинаетъ съ величайшимъ наслажденіемъ

валяться въ пыли [1]). Кучеръ повидимому изо всей силы бьетъ животное, но оно не двигается съ мѣста, и только угрозой лишенія его „на чай", можно добиться отъ него исполненія данныхъ приказаній.

Мудрая китайская пословица гласитъ: „выражайся ясно въ началѣ, не будетъ споровъ въ концѣ".

До 1860 года вся исторія внѣшнихъ сношеній была прекрасной иллюстраціей китайской непонятливости; исторія иностранной дипломатіи была ничѣмъ инымъ, какъ разъясненіемъ ряда недоразумѣній. При этомъ слѣдуетъ замѣтить что китаецъ въ большинствѣ случаевъ полагается на слово и на честность „бѣлаго дьявола". Сами же китайцы всегда находятъ всевозможныя средства и пути, чтобы перехитрить самыхъ осторожнѣйшихъ иностранцевъ. „Вы говорили вотъ такъ то и такъ то", настаиваетъ онъ. „Нѣтъ, я думалъ совсѣмъ иначе, у насъ вышло недоразумѣніе", или „мы всѣ это такъ поняли", или наконецъ „простите намъ нашу глупость и заплатите деньги". Всякій бывшій въ Китаѣ знаетъ, что приходится поминутно наталкиваться на такія недоразумѣнія.

Но и при пониманіи выходятъ иногда забавныя недоразумѣнія. Такъ во время одной проповѣди, проповѣдникъ, разсказывалъ о томъ, какъ великій сирійскій полководецъ Несманъ появился у воротъ дома Елисея и какъ тотъ воскликнулъ: „Привратникъ— открой двери" —Къ великому своему удивленію онъ увидѣлъ, что изъ первыхъ рядовъ поднимается человѣкъ, который, какъ потомъ оказался, былъ привратникомъ и который услышавъ приказаніе пошелъ и отворилъ двери. Такую же забавную непонятливость проявилъ одинъ изъ учениковъ миссіонерской школы, которому показали вошь подъ микроскопомъ. При видѣ ея гигантскаго туловища, походившаго на туловище крокодила, онъ лукаво сказалъ своему сосѣду: „Однако, какія у иностранцевъ большія вши".

---

[1]) Эта любовь валяться въ пыли на первыхъ порахъ поражаетъ иностранца. Я самъ видѣлъ въ Пекинѣ, какъ лошадей нарочно приводятъ на улицу, покрытую слоемъ пыли въ 1 футъ вышиной для того, чтобы онѣ въ ней повалялись. *Прим. автора.*

VIII.

Способность „ходить вокругъ да около“.

Европейцы, въ особенности англичане и нѣмцы, прославились во всемъ свѣтѣ своей способностью безъ всякихъ обходовъ приступать къ самой сути дѣла.

Не нужно часто имѣть дѣло съ азіатскими народами, чтобы убѣдиться, что наши взгляды въ этомъ отношеніи не только не совпадаютъ съ ихъ взглядами, но совершенно противоположны имъ. Такъ напр., ихъ удивляетъ, что мы не употребляемъ никакихъ почтительныхъ оборотовъ рѣчи, которые занимаютъ такое выдающееся мѣсто у всѣхъ азіатскихъ народовъ. Точно также въ нашемъ языкѣ отсутствуютъ отступленія, тавтологіи и плеоназмы, посредствомъ которыхъ затемняются самыя простыя вещи. Въ китайскомъ языкѣ напр., существуетъ масса выраженій для обозначенія того, что кто-то умеръ, но самое слово „смерть“ никогда не употребляется.

Для европейца достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ китайцемъ, чтобы убѣдиться въ полной невозможности добыть изъ его разговора какія-либо свѣдѣнія, такъ какъ онъ по большей части говоритъ загадками. Для доказательства этого явленія китайской жизни приведемъ здѣсь случай съ нашимъ бойемъ [1]). Однажды утромъ онъ приходитъ и заявляетъ, что его тетка тяжело больна и что онъ долженъ на нѣсколько дней оставить свою работу и отправиться къ ней узнать о ея здоровьи. Но изъ этихъ словъ его вовсе не слѣдуетъ, что у него есть тетка, что она больна и что онъ собирается навѣстить ее. Съ большею вѣроятностью можно предположить, что у него произошелъ какой-нибудь скандалъ съ поваромъ, послѣ котораго онъ не можетъ оставаться съ нимъ въ одномъ домѣ.

Точно также если мы подносимъ какому-нибудь лицу подарокъ въ вознагражденіе за оказанную имъ услугу и это лицо отказывается отъ принятія подарка, ссылаясь на ничтожность услуги, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что оно дѣйствительно

---

[1]) Boy по англійски мальчикъ; этимъ именемъ называется въ Китаѣ слуга, какого бы онъ ни былъ возраста.

такъ думаетъ. Вѣрнѣе предположить, что его отказъ обусловливается незначительностью подарка и надеждой на полученіе лучшаго.

Нѣтъ ничего интереснѣе, какъ наблюдать за китайцемъ въ то время, когда онъ долженъ сообщить другому лицу какое-нибудь непріятное извѣстіе. Обыкновенно онъ начинаетъ съ того, что озирается вокругъ, какъ будто за нимъ слѣдятъ шпіоны, затѣмъ шопотомъ произноситъ длинную вступительную рѣчь, подходя все ближе и ближе къ конечному щекотливому пункту. Добравшись наконецъ до сути дѣла, онъ киваетъ многозначительно головой, какъ бы желая сказать, „теперь ты меня понимаешь“, между тѣмъ какъ слушатель его по прежнему продолжаетъ оставаться въ недоумѣніи. Желаніе по возможности дальше не сообщать дурныхъ извѣстій и затѣмъ стараться передать ихъ въ возможно мягкой формѣ—совершенно понятно. Но это чувство деликатности, свойственное при подобномъ же обстоятельствѣ и европейцу, выражается у китайцевъ въ очень странной и забавной формѣ. Мы знали одну бабушку, которая случайно подслушала разговоръ двухъ друзей, спеціально пришедшихъ съ тѣмъ, чтобы увѣдомить ее о смерти внука... Оба они увѣряли ее, что они пришли просто немножко поболтать. И только спустя полчаса они рѣшились сказать ей правду. Въ другомъ случаѣ, одинъ человѣкъ, послѣ долгаго отсутствія возвращавшійся на родину, въ ближайшей деревнѣ былъ встрѣченъ пріятелемъ, посовѣтовавшимъ ему не задерживаться дальше на дорогѣ и не ходить въ театръ, изъ чего онъ заключилъ, что его матери уже нѣтъ въ живыхъ. Способность китайцевъ ходить вокругъ да около выражается также и въ замалчиваніи чиселъ и употребленіи неточныхъ выраженій въ разговорѣ о замужнихъ женщинахъ. Нужно здѣсь замѣтить, что женщина въ Китаѣ не называется по имени, а ей даются прозвища одно по имени мужа, другое по имени родителей, также называютъ ее матерью такого-то и такого-то. Въ томъ случаѣ, если у нея нѣтъ маленькихъ дѣтей, къ ней обращаются какъ къ теткѣ какого-нибудь малютки. Болѣе пожилыя замужнія женщины не стѣсняются говорить о своей „внѣшней половинѣ“, подразумѣвая подъ этимъ мужа, занятаго внѣ дома. Молодая женщина, не имѣющая дѣтей и желающая упомянуть о своемъ мужѣ очень часто находится въ большомъ затрудненіи, не имѣя возможности выразить сло-

вами близость своихъ къ нему отношеній. Иногда она называетъ его „учитель“, иногда обозначаетъ его по роду его занятій напр. торговецъ масломъ говоритъ то-то и то-то“.

Къ особенностямъ китайской рѣчи слѣдуетъ отнести множество правилъ о способахъ выраженія различныхъ чувствъ устно и письменно. Такъ напримѣръ, даже въ способѣ складыванія письма можетъ заключаться оскорбленіе. Если начать писать не съ той строчки, съ которой принято, то это будетъ считаться такимъ же невѣжествомъ, какъ если бы мы написали собственное имя маленькой буквой.

При ссорахъ китайцы должны облекать свои ругательства въ такую литературную форму, чтобы они казались обсахаренными пилюлями. Для иллюстраціи разбираемаго нами вопроса очень много данныхъ намъ можетъ дать Пекинская газета. На основаніи ея статей мы можемъ убѣдиться, что въ Китаѣ все далеко не таково, какимъ оно кажется.

IX.

Податливая неподатливость.

Мы иностранцы прежде всего изучаемъ характеръ китайцевъ на прислугѣ и потомъ убѣждаемся, что наблюденія, сдѣланныя нами въ такихъ тѣсныхъ рамкахъ совершенно правильны и подтверждаются другими болѣе обширными изслѣдованіями. Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ для иллюстраціи того, повидимому парадоксальнаго, качества податливой неподатливости, которое служитъ предметомъ этой главы.

Изъ всѣхъ слугъ въ домѣ, конечно, самое важное положеніе занимаетъ поваръ.

При поступленіи на мѣсто, онъ, съ видомъ смиренія и покорности, выслушиваетъ приказанія своей госпожи, которая обращаетъ его вниманіе на то, что прежній поваръ никогда не выпекалъ, какъ слѣдуетъ хлѣба, что и послужило причиной его увольненія; кромѣ того: у него кухня цѣлый день была набита родными и знакомыми, которые приходили со своими собаками, курили и вообще производили безпорядки. Новому повару ставятъ на видъ все это, какъ главное условіе, при несоблюденіи котораго онъ тоже будетъ уволенъ. Homo novus принимается за работу, но не проходитъ нѣсколькихъ дней,

какъ старые порядки возстановляются полностью: хлѣбъ печется плохо, и кухня всегда набита родственниками курящими и приводящими собакъ.

Точно также: прачка, которой вы для сохраненія времени и труда, приказали стирать бѣлье при посредствѣ машины, по прошествіи нѣкотораго времени непремѣнно потставитъ ее въ уголъ и будетъ стирать привычнымъ ей первобытнымъ способомъ. Съ нами былъ еще такой случай. Мы послали поздно вечеромъ за посыльнымъ и передали ему очень важное письмо, которое онъ долженъ быть доставить непремѣнно на другой день, въ виду чего ему нужно было отправиться въ дорогу съ восходомъ солнца. Но онъ и не подумалъ выйти въ назначенное время и весь слѣдующій день провелъ дома, оправдываясь тѣмъ, что нужно же ему хоть одинъ день отдохнуть и вымыть себѣ чулки.

Если въ данной мѣстности находится европейская аптека, или больница, то такихъ примѣровъ можно насчитать безконечное множество. Докторъ изслѣдуетъ паціента, прописываетъ ему микстуру, или порошокъ, и чтобы не вышло ошибки, три или четыре раза повторяетъ ему, черезъ какіе промежутки времени онъ долженъ принимать лѣкарство. Паціентъ переспрашиваетъ доктора еще разъ, затѣмъ отправляется домой и проглатываетъ все лѣкарство сразу, думая, что такой большой пріемъ будетъ дѣйствительнѣе. Точно также сколько бы докторъ не убѣждалъ паціента въ томъ, что нельзя снимать пластыря, онъ всетаки сорветъ его въ концѣ концовъ, говоря, что онъ не черепаха, чтобы носить на тѣлѣ твердую кожу. При этомъ нужно замѣтить, что всякій самый маленькій больничный или аптечный служащій въ глазахъ китайца облеченъ такимъ же авторитетомъ, какъ и пользующій его докторъ; мало этого онъ готовъ совѣтоваться относительно своего здоровья со всякимъ привратникомъ, или кули и можетъ на основаніи ихъ совѣтовъ не обратить никакого вниманія на предписанія врача и сдѣлать какую-нибудь глупость.

Если мы обратимся теперь къ разсмотрѣнію отношеній китайскихъ слугъ къ ихъ господамъ, то увидимъ, что несмотря на ихъ услужливость и раболѣпство, они всегда поступаютъ, какъ имъ вздумается и очевидно, что хозяева ихъ никогда не могутъ льстить себя надеждой, что ихъ приказанія будутъ исполнены въ точности. Одинъ мой знакомый такъ выражался про одного

изъ своихъ слугъ, отличавшагося большою преданностью и въ тоже время непреоборимымъ самоволіемъ: „право я не знаю иногда, что мнѣ съ нимъ дѣлать: застрѣлить его, или прибавить ему еще жалованья“.

Подобно простому народу чиновники высшіе и низшіе не обращаютъ почти никакого вниманія на отданныя имъ приказанія. Боязнь создать себѣ затрудненія вмѣстѣ съ врожденнымъ желаніемъ избѣжать всякихъ непріятностей является причиной отсутствія жалобъ на такое положеніе дѣлъ.

Ясно, что такое снисходительное отношеніе ко всевозможнымъ упущеніямъ должно было вступить въ коллизію съ требованіями юриспруденціи. Такъ напр. судья приговариваетъ преступника на два мѣсяца къ ношенію на шеѣ тяжелой деревянной доски съ отверстіемъ посерединѣ для головы разрѣшая снимать ся только ночью. Если у осужденнаго есть деньги, чтобы подкупить сторожей, то онъ можетъ устроиться такъ, что будетъ надѣвать доску передъ приходомъ должностныхъ лицъ и снимать ее тотчасъ же по ихъ уходѣ. Судьѣ, конечно, никогда не придетъ въ голову появиться въ неположенное время и незамѣтно заглянуть въ дверь, чтобы раскрыть это плутовство. Такъ какъ онъ самъ китаецъ и знаетъ, что приговоръ не будетъ въ точности приведенъ въ исполненіе, онъ удваиваетъ или утраиваетъ обыкновенное наказаніе.

Иностранцу приходится въ своихъ оффиціальныхъ отношеніяхъ бороться со многими трудностями, примѣромъ которыхъ можетъ служить слѣдующій фактъ.

Одно важное должностное лицо приказываетъ своему подчиненному изслѣдовать данное обстоятельство. Конечно, тотъ покорно выслушиваетъ распоряженіе своего начальника, но и не думаетъ приступать къ дѣлу. Если дѣло неотложно и влечетъ за собою строгія предписанія, то въ такомъ случаѣ этотъ чиновникъ передаетъ данное ему приказаніе своему помощнику, сваливаетъ всю вину на него и такимъ образомъ снова все входитъ въ прежнюю колею.

Хотя мы и говорили здѣсь о неподатливости китайцевъ, но мы должны замѣтить, что ихъ осливое упрямство соединяется со способностью подчиняться, что совсѣмъ не наблюдается у западныхъ народовъ. Это послѣднее качество выражается въ томъ, что китаецъ всегда готовъ съ благодарностью

принимать всякое порицаніе. Выслушавъ терпѣливо строгую карательную проповѣдь со вниманіемъ и даже какъ будто съ удовольствіемъ, онъ соглашается со всѣмъ, въ чемъ его обвиняютъ, и говоритъ: „да, да я виноватъ, я ошибся"; иногда даже благодаритъ за высказанное вниманіе къ нему недостойному и обѣщаетъ исправиться. Какъ слѣдуетъ относиться къ подобнымъ обѣщаніямъ, всѣмъ хорошо извѣстно.

X.

Несообразительность.

Китайская раса, разсматриваемая въ цѣломъ, не обнаруживаетъ никакихъ слѣдовъ умственной вялости, но образованіе доступно только сравнительно небольшому проценту массы огромнаго населенія, а у полуобразованныхъ или даже совсѣмъ необразованныхъ китайцевъ, составляющихъ большую часть народной массы, это свойство проявляется въ очень сильной степени.

Отчасти можетъ быть оно обусловливается самимъ строеніемъ языка: китайскія существительныя не склоняются; они не имѣютъ ни рода, ни падежа; китайскія прилагательныя не имѣютъ сравнительной степени, китайскіе глаголы не спрягаются; такимъ образомъ, между существительными, прилагательными и глаголами нѣтъ никакого видимаго различія. Всякое слово можетъ быть употреблено со свойствами всѣхъ этихъ трехъ частей рѣчи. Мы не будемъ касаться больше этого вопроса и высказывать свое неудовольствіе по поводу того, что многіе человѣческія понятія съ трудомъ передаются на китайскомъ языкѣ и что существуютъ обширныя области мысли, которыя не поддаются выраженію на этомъ языкѣ, вслѣдствіе чего они служатъ однимъ изъ благопріятныхъ условій для упроченія свойства несообразительности.

Часто случается, что, разговаривая съ необразованнымъ китайцемъ, мы не можемъ понять, что онъ намъ говоритъ— иногда его рѣчь состоитъ только изъ однихъ сказуемыхъ, нанизанныхъ одно на другое. Говорящій выпускаетъ всѣ существительныя, не думая совершенно о томъ, будетъ ли его рѣчь понятна слушателю. Сами китайцы достигаютъ удивительнаго

искусства отгадыванья и читають между словъ то, о чемъ даже и не упоминалось. Очень часто въ предложеніи не хватаетъ именно того слова, которое даетъ ключъ къ его пониманію. Мѣняя тему разговора, говорящій не обнаруживаетъ этого ни своими словами, ни жестами. Въ концѣ концовъ вдругъ замѣчаешь, что онъ говоритъ уже не о себѣ, а о своемъ умершемъ отцѣ. Для китайца нѣтъ ничего проще, какъ перескочить съ одной темы на другую, съ одного лица на другое, перешагнуть изъ одного столѣтія въ другое.

Тотъ фактъ, что китайскіе глаголы не имѣютъ временъ, страшно затрудняетъ слушателя. При такихъ обстоятельствахъ ничего не остается, какъ предлагать слѣдующіе вопросы: „О комъ вы теперь говорите? Кто это такое? Что онъ дѣлалъ? Когда онъ это дѣлалъ?“ и т. д.

Необразованнаго китайца всякій такой вопросъ приводитъ въ недоумѣніе. Онъ не понимаетъ васъ, потому что онъ не думалъ о томъ, чтобы васъ понять—и проходитъ довольно долгое время пока онъ сообразитъ въ чемъ дѣло. Очень часто можно услышать, напр., такой разговоръ: „Сколько вамъ лѣтъ?“ спрашиваетъ европеецъ.

„Мнѣ“? въ свою очередь задаетъ вопросъ китаецъ.

„Да, вамъ“.

„Сколько мнѣ лѣтъ“?

„Да, сколько вамъ лѣтъ“?

„Такъ вы хотите знать мои года“?

„Да, ваши года“.

Наконецъ получается отвѣтъ, выраженный числомъ, которое въ большинствѣ случаевъ представляетъ растяжимое понятіе.

Китаецъ также неспособенъ схватить какую-нибудь идею и передать ее въ оригинальной формѣ третьему лицу. Не дай Богъ попросить А передать что-нибудь В съ тѣмъ, чтобы тотъ въ свою очередь передалъ это С. Получается такая чепуха, изъ которой рѣшительно ничего нельзя понять и которая не имѣетъ ничего общаго съ первоначальнымъ сообщеніемъ.

Въ разговорномъ языкѣ китайцевъ существуетъ масса именъ числительныхъ, дающихъ возможность давать уклончивые отвѣты. Они въ одно и то же время обозначаютъ вопросъ „сколько“ и отвѣтъ: „нѣсколько“. Одинъ спрашиваетъ другого: „сколько дней, какъ вы уже пріѣхали сюда?“ и получаетъ въ отвѣтъ:

„я уже нѣсколько дней здѣсь". Но безъ всякаго сомнѣнія однимъ изъ самыхъ непонятныхъ выраженій китайскаго языка является мѣстоименіе ta, означающее одновременно онъ, она и оно. Иногда говорящій для поясненія предмета своего разговора указываетъ пальцемъ на домъ лица, о которомъ идетъ рѣчь, или на то мѣсто, гдѣ онъ впервые услышалъ о случившемся фактѣ.

„Отчего вы не приходите, когда васъ зовутъ?", спрашиваете вы лѣниваго слугу. „Я самъ не знаю", отвѣчаетъ онъ совершенно откровенно. Эта разсѣянность служитъ причиной многихъ непріятностей, которыя раздражаютъ европейца. Поваръ, напр., извелъ всѣ свои припасы до послѣдней крошки и вслѣдствіе этого приготовляетъ блюдо безъ какой-нибудь очень важной для этого кушанья приправы. Когда вы его спрашиваете, почему онъ не положилъ того-то и того-то, онъ отвѣчаетъ: „оттого, что все вышло".

— Отчего же вы не позаботились во время купить то, что нужно?"

— Да, я не позаботился!" — отвѣчаетъ онъ совершенно спокойно.

Китаецъ приходитъ въ банкъ и получивъ отъ кассира по счету деньги, продолжаетъ сидѣть болтать чуть ли не полдня о всякой чепухѣ и затѣмъ вдругъ совершенно неожиданно восклицаетъ: „а у меня есть еще другой счетъ!" "Зачѣмъ же вы не сказали раньше, мы бы выдали вамъ всѣ деньги вмѣстѣ". „О, я думалъ, что мнѣ нужно по каждому изъ нихъ получить совершенно особо".

Въ другомъ случаѣ паціентъ, пришедшій на пріемъ къ доктору и отнявшій у него много времени, получивъ совѣтъ, вышелъ въ пріемный залъ, подождалъ тамъ своей очереди и снова явился въ кабинетъ. На замѣчаніе доктора, зачѣмъ онъ приходитъ во второй разъ, китаецъ замѣтилъ, скромно улыбаясь: „но я еще хочу посовѣтоваться съ вами относительно моей другой болѣзни".

Обыкновенно китайцы не любятъ лечиться, или потому что бываютъ слишкомъ заняты, или потому что боятся лишнихъ расходовъ, и страшно запускаютъ всѣ свои болѣзни. Онъ лучше перенесетъ громадное количество лихорадочныхъ приступовъ, чѣмъ истратитъ 10 мѣдныхъ монетъ на покупку хинина. Мы знаемъ много случаевъ болѣзни, имѣвшихъ смертный ис-

ходъ, которыя при своевременной подачѣ медицинской помощи могли быть совершенно излечены.

Китай—страна большихъ контрастовъ; въ ней наряду съ страшно богатыми людьми, мы встрѣчаемъ массу голодныхъ нищихъ и наряду съ высокообразованными учеными—круглыхъ невѣждъ.

Умственный горизонтъ такихъ бѣдныхъ невѣжественныхъ людей, которыхъ въ Китаѣ насчитываются милліоны, поразительно узокъ; ихъ жизнь подобна существованію лягушекъ въ болотѣ, которымъ даже небо представляется въ видѣ темной полосы. У многихъ изъ нихъ нѣтъ даже инстинктивнаго любопытства, свойственнаго всѣмъ расамъ. Если по близости отъ него поселяется иностранецъ, онъ даже не подумаетъ собрать о немъ какія-нибудь свѣдѣнія: узнать откуда онъ происходитъ, что онъ собой изображаетъ и чего онъ собственно хочетъ. Всѣ ихъ желанія сводятся только къ тому, чтобы какъ-нибудь перебиться и прожить. Китайцу рѣшительно все равно, сколько у него душъ, одна или три (какъ это принято обыкновенно считать); пока этотъ вопросъ не имѣетъ никакого вліянія на цѣну риса, онъ считаетъ его не стоющимъ вниманія. Онъ вѣритъ въ будущую жизнь, въ которой дурные люди возродятся въ видѣ собакъ, или насѣкомыхъ и также готовъ вѣрить и въ посмертное раздѣленіе души и тѣла, при которомъ тѣло обращается въ прахъ, а душа, если таковая существуетъ, испаряется въ воздухъ. Китайцы, прежде всего, реалисты, они заботятся только о земномъ благополучіи—и потому вѣрятъ только тому, что видятъ и слышатъ—и не желаютъ задумываться надъ высшими метафизическими и богословскими вопросами.

XI.

Отсутствіе нервозности.

Всѣ мы европейцы можемъ, по справедливости, назваться нервной расой. Эта нервозность большинства европейской интеллигенціи обусловливается различными причинами, являющимися слѣдствіемъ новѣйшей цивилизаціи, дающей массу матеріала для нервнаго возбужденія.

Присматриваясь къ жизни китайцевъ, мы съ изумленіемъ за-

мѣчаемъ, что они обладаютъ исключительными нервами, совершенно не похожими на наши.

Мы видимъ часто, что китаецъ сидитъ согнувшись и пишетъ цѣлый день, какъ автоматъ; если онъ ремесленникъ, то онъ также безостановочно занимается своимъ однообразнымъ дѣломъ. День проходитъ за днемъ, а онъ все продолжаетъ сидѣть на томъ же мѣстѣ и дѣлать ту же работу, повидимому, оставаясь совершенно нечувствительнымъ къ ея однообразію. Китайскія дѣти школьнаго возраста по цѣлымъ днямъ сидятъ въ своихъ школахъ, что было бы совершенно невозможно для нашихъ дѣтей. Желтая раса можетъ обойтись безъ всякаго движенія и совершенно не понимаетъ иностранцевъ, занимающихся моціономъ въ часы досуга. Еще менѣе понятны имъ различные роды спорта, какъ, напр., скачки, въ которыхъ люди рискуютъ своею жизнью, или теннисъ съ его бѣготней и подпрыгиваніемъ на солнцепекѣ впродолженіе многихъ часовъ подрядъ. Одинъ китайскій учитель спрашивалъ слугу: „сколько получаетъ твоя барыня за то, что она бѣгаетъ изъ стороны въ сторону?“, и когда ему отвѣтили, что ничего, то онъ не хотѣлъ этому вѣрить. Ему казалось страннымъ, какъ можетъ умная женщина заниматься такими глупостями, когда она могла бы нанять для этого кули.

Отношеніе китайцевъ ко сну также совершенно не похоже на наше. Китаецъ въ этомъ отношеніи счастливый человѣкъ, такъ какъ онъ можетъ спать, гдѣ и какъ угодно. Для него не существуетъ тѣхъ неудобствъ, которыя часто тревожатъ нашъ покой. Подложивъ подъ голову кирпичъ и подостлавъ подъ себя немного соломы, онъ ложится спать прямо на землѣ и засыпаетъ крѣпкимъ сномъ праведника. Онъ можетъ прекрасно спать при свѣтѣ и при шумѣ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Китая существуетъ обыкновеніе спать отъ 12 — 2 пополудни и жители ихъ не отстаютъ отъ этой привычки даже и на чужбинѣ. Кромѣ того въ Китаѣ, повидимому, люди совершенно не знаютъ чистаго воздуха. Ни въ одномъ домѣ нѣтъ вентиляціи, развѣ только тайфунъ сорветъ крышу, или самъ хозяинъ дома, дойдя до нищеты, начнетъ растаскивать свое жилище по кускамъ и продавать на дрова. То, что у китайцевъ какъ бы совсѣмъ нѣтъ нервовъ, доказывается тѣмъ терпѣніемъ, съ которымъ они переносятъ физическую боль. Въ госпиталяхъ постоянно приходится наблюдать, какъ китаецъ, не морг-

пувъ глазомъ, переноситъ спокойно самыя мучительныя операціи.

Слѣдуетъ замѣтить, что китаецъ въ противоположность европейцу повидимому совершенно не нуждается въ покоѣ во время болѣзни. Въ то время, какъ у насъ стараются прежде всего доставить больному спокойствіе и соблюдаютъ около него возможную тишину, у китайцевъ какъ только становится извѣстнымъ, что такой то заболѣлъ, какъ со всѣхъ сторонъ къ нему идутъ его знакомые, друзья и родственники тѣмъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ серьезнѣе его болѣзнь.

Отсутствіе нервовъ покажется намъ еще болѣе изумительнымъ, если мы примемъ во вниманіе заботы и несчастья, составляющія удѣлъ всѣхъ людей, а китайцевъ въ особенности. Вслѣдствіе особенностей ихъ соціальнаго строя въ предѣлахъ всего государства постоянно имѣется масса людей, стоящихъ на краю гибели. Небольшая засуха влечетъ за собой голодную смерть для многихъ сотенъ и тысячъ жителей; если же выпадетъ немного болѣе, чѣмъ обыкновенно дождя, то рѣки выступаютъ изъ береговъ, затопляя деревни и цѣлыя города. Ни одинъ китаецъ не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что ему удастся избѣжать преслѣдованій со стороны мандарина и долженъ быть постоянно готовымъ предстать передъ судомъ и понести наказаніе все равно будетъ ли онъ виновенъ, или нѣтъ. Для насъ существованіе подъ постоянной угрозой смерти и тюрьмы было бы невозможно, а китаецъ благодаря своимъ крѣпкимъ нервамъ спокойно смотритъ прямо въ глаза наступающей опасности. Какое вліяніе окажетъ эта особенность его характера на будущую все болѣе и болѣе обостряющуюся борьбу желтой и бѣлой расъ, покажетъ время.

XII.

Презрѣніе къ иностранцамъ.

Всякому свѣжему человѣку, въ первый разъ пріѣзжающему въ Кантонъ, трудно представить себѣ, что этотъ большой торговый городъ уже 360 лѣтъ ведетъ правильную торговлю съ европейцами. Впродолженіи всего этого времени, европейцы держали себя по отношенію къ китайцамъ такъ, что не имѣли основаній гордиться своимъ поведеніемъ, а тѣ въ свою очередь

постарались стать по отношенію къ иностранцамъ, къ какой бы національности они не принадлежали, на ту точку зрѣнія, на которой стояли греки по отношенію къ не грекамъ. Всѣ европейцы считались варварами и китайцы относились къ нимъ, какъ къ варварамъ и только послѣ 1860 года они замѣнили его другимъ словомъ—„иностранецъ“. Съ этого времени многое въ Китаѣ измѣнилось и мы можемъ признать, что теперь мало-по-малу европейцы и ихъ цивилизація начинаютъ оцѣниваться китайцами по достоинству. Тѣмъ не менѣе даже и до сихъ поръ, какъ въ оффиціальныхъ, такъ и въ не оффиціальныхъ случаяхъ китайцы относятся къ намъ не съ достаточнымъ уваженіемъ и даже если и не выказываютъ презрѣнія, то даютъ всегда почувствовать свое снисходительное отношеніе [1].

Прежде всего китайцу кажется странной и смѣшной наша одежда, которую онъ критикуетъ съ своей точки зрѣнія. По его мнѣнію, платье должно быть свободно и сидѣть такимъ образомъ, чтобы скрывать очертаніе отдѣльныхъ частей тѣла; онъ низачто не надѣнетъ ни европейскаго пиджака, ни смокинга, ему кажется страннымъ и непонятнымъ существованіе вырѣза на груди и двухъ пуговицъ на таліѣ, пришитыхъ неизвѣстно зачѣмъ. Если наши мужскія платья представляются китайцу не удовлетворяющими своему назначенію, то тѣмъ болѣе странными кажутся ему дамскіе костюмы, которые противорѣчатъ не только китайскимъ понятіямъ цѣлесообразности, но даже и благопристойности.

Европеецъ, путешествующій въ Китаѣ, можетъ умѣть говорить на всевозможныхъ языкахъ, но если онъ не знаетъ китайскаго, то всякій кули [2]) отнесется къ нему съ презрѣніемъ. Какъ часто приходится слышать иностранцу, который еще не освоился съ китайскимъ языкомъ, высокомѣрное замѣчаніе слуги: „онъ ничего не понимаетъ“. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что всякому иностранцу, говорящему по китайски — нисколько не вмѣняется въ заслугу пріобрѣтенныя имъ знанія въ этой области, между тѣмъ, какъ всякій промахъ незнанія ставится

---

[1]) Съ 1894 года, когда была написана эта книга, эти отношенія для насъ перемѣнились къ лучшему не потому, чтобы китайцы за это время научились лучше цѣнить насъ, а только благодаря пушкамъ, военнымъ кораблямъ и настойчивымъ требованіямъ дипломатіи, умѣвшей поставить насъ на должную высоту.

[2]) Кули—носильщикъ.

ему въ вину, совершенно также какъ и незнаніе китайскихъ обычаевъ.

Китаецъ съ презрѣніемъ смотритъ на европейца, не знающаго самыхъ простыхъ и общеупотребительныхъ вещей; мы не умѣемъ ѣсть палочками, не умѣемъ управлять ихъ лодками, не умѣемъ понукать ихъ ословъ, чтобы они шли по требуемому направленію. Всѣмъ извѣстенъ тотъ фактъ, что въ 1860 г. одна артиллерійская бригада по пути къ Пекину, не могла сдвинуться съ мѣста, послѣ того, какъ ее оставили мѣстные проводники, такъ какъ оказалось, что ни одинъ англичанинъ не можетъ принудить ословъ идти впередъ.

Незнаніе этикета, церемоній и правилъ вѣжливости, о которыхъ мы упоминали выше, тоже служитъ источникомъ высокомѣрнаго отношенія китайца къ иностранцу. Онъ не понимаетъ того, что европеецъ потому не придерживается исполненія всѣхъ церемоній, что считаетъ ихъ пустой тратой времени. Между тѣмъ то обстоятельство, что мы не обставляемъ нашихъ оффиціальныхъ пріемовъ торжественностью, особенно роняетъ насъ въ глазахъ китайцевъ. Вообразимъ себѣ, что какой-нибудь иностранный консулъ, по своему положенію равный Даотай [1]), ѣдетъ въ одинъ изъ провинціальныхъ городовъ для того, чтобы уладить какой-нибудь международный вопросъ. Тысячи людей тѣснятся у стѣнъ города, чтобы посмотрѣть на торжественный въѣздъ знатнаго иностранца и представьте себѣ ихъ разочарованіе, когда оказывается, что весь кортежъ его состоитъ только изъ двухъ каретъ и одной верховой лошади, а свита изъ переводчика и двухъ китайскихъ слугъ.

То, въ чемъ мы полагаемъ свое превосходство надъ китайцами, далеко не производитъ на нихъ такого впечатлѣнія. Такъ напр., хотя они и признаютъ тотъ фактъ, что мы опередили ихъ своими открытіями въ механикѣ, тѣмъ не менѣе, видя въ нихъ только удивительно искусные кунштюки, они считаютъ ихъ безполезными. Достигнутые нами успѣхи въ этой области представляются имъ вызванными сверхъестественной силой, а они твердо помнятъ запрещеніе Конфуція заниматься магіей! Какъ велико равнодушіе китайцевъ къ изобрѣтеніямъ въ области пара и электричества, можетъ засвидѣтельствовать масса раз-

[1]) Даотай, мандаринъ третьей степени, начальникъ большого округа.

очарованныхъ предпринимателей. Короче говоря, китайцы не хотятъ ничего дѣлать по чужому масштабу; они согласны лучше отказаться отъ многаго, чѣмъ стать въ подчиненное положеніе. Нѣкоторые китайскіе ученые и государственные дѣятели, которые волей неволей должны были признать недостаточность развитія Китая въ области механики, тѣмъ не менѣе утверждаютъ, что европейцы воспользовались для своихъ открытій тѣми твердо установленными основами китайской науки, которыя не разрабатывались позднѣйшими поколѣніями ученыхъ и которыя были заимствованы у нихъ европейцами. Всѣ наши практическія способности не производятъ на китайца никакого впечатлѣнія; наша ловкость кажется ему забавной и изумительной, они даже при случаѣ готовы воспользоваться тѣмъ, что они считаютъ для себя нужнымъ, но никогда не сознаются, что въ данномъ случаѣ взяли примѣръ съ европейцевъ. Ихъ идеаломъ остается по прежнему ихъ „ископаемый ученый“, который всему учился, ничего не забывъ, достигъ различныхъ степеней и, отростивъ себѣ волоса, перебивается съ хлѣба на воду думая, чтобы какъ нибудь дотянуть только до конца свою жизнь. Въ настоящее время всѣ уже убѣдились въ томъ, что эти китайскіе ученые самые рьяные противники европейцевъ, на которыхъ они не могутъ смотрѣть иначе, какъ сверху внизъ. Въ такомъ же самомъ духѣ воспитываются и студенты, хранящіе завѣты древнихъ вѣковъ и подзадориваемые массой наводняющихъ Китай памфлетовъ противъ европейцевъ.

XIII.

Отсутствіе духа общественности.

У одного изъ древнѣйшихъ китайскихъ классиковъ встрѣчается слѣдующая молитва земледѣльцевъ: „да падетъ прежде дождь на общественныя поля, а потомъ и на наши собственныя“. Въ настоящее же время всякій заботится только о себѣ, разсчитывая „что общественное управленіе настолько сильно и прочно, что можетъ обойтись и безъ посторонней помощи. Но правительство удовлетворяетъ только самыя назойливыя нужды и почти совершенно не заботится о потребностяхъ жителей и потому недочеты общественнаго благоустройства съ каждымъ годомъ становятся все больше и больше. Народъ понимаетъ,

что стоящіе у кормила правленія должны по возможности облегчать послѣдствія стихійныхъ бѣдствій, какъ напр., наводненій, но такъ какъ они этого не дѣлаютъ, то все предоставляется естественному ходу вещей. Самымъ лучшимъ примѣромъ небрежности въ отправленіи общественныхъ повинностей и отсутствія духа общественности—является состояніе китайскихъ дорогъ. Въ различныхъ частяхъ государства мы встрѣчаемъ множество пришедшихъ въ запустѣніе дорогъ, когда-то соединявшихъ важнѣйшія города между собою; эти императорскія проѣзжія дороги были прежде вымощены камнемъ и съ обѣихъ сторонъ обсажены деревьями;—въ настоящее время, вслѣдствіе нерадѣнія жителей отъ всего этого не осталось никакого слѣда. Проложеніе ихъ въ свое время стоило большихъ денегъ, а для поддержанія нужно было употребить очень немного стараній. Но это не пришло никому въ голову и въ настоящее время дороги эти пришли въ такое состояніе, что составляютъ только помѣху для путешествія.

Народъ поступаетъ также, какъ и правительство и совершенно не интересуется судьбой общественнаго достоянія, пока его собственное хозяйство не терпитъ отъ этого убытковъ. Китайцу совершенно чуждо понятіе, что дороги составляютъ общественное достояніе.

Очень часто случается, что торговецъ, желая нагрузить или сгрузить свой возъ, останавливаетъ его посреди дороги и тотъ, кому нужно проѣзжать, или проходить по этому мѣсту, долженъ ждать, пока онъ справится со своей работой. Если крестьянинъ срубитъ какое-нибудь дерево, то оно остается лежать втеченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ на дорогѣ и проходящіе должны перелѣзать черезъ него. То же самое можно сказать и относительно городскихъ улицъ. Пекинскія улицы очень узки, вслѣдствіе того, что онѣ загромождены множествомъ домишекъ и лавчонокъ; въ случаѣ ожиданія проѣзда по нимъ императора, все это сносится прочь, а потомъ, конечно, снова выстраивается. Узкіе переулки, представляющіе въ большинствѣ китайскихъ городовъ единственные пути сообщенія почти совершенно непреодолимы, благодаря существованію всевозможныхъ преградъ. Мясникъ, цирульникъ, поваръ съ своей переносной кухней, плотникъ, бондарь и множество другихъ ремесленниковъ, всѣ располагаются на узкой улицѣ, какъ у себя дома, результатомъ чего, конечно, является невообразимый хаосъ. Даже женщины

выносятъ для чистки свои постели изъ дому и разстилаютъ ихъ на улицѣ за неимѣніемъ другого мѣста. Всякій побывавшій въ Пекинѣ знаетъ, что китаецъ рѣшительно все тащитъ на улицу,— такъ плотникъ складываетъ передъ своимъ домомъ цѣлую кучу колодъ; красильщикъ развѣшиваетъ для просушки свои матеріи, продавецъ муки протягиваетъ черезъ дорогу веревки и сушитъ на нихъ лапшу — и это понятно, такъ какъ всѣ считаютъ, что улица составляетъ собственность хозяина дома, мимо котораго она проходитъ. Но несмотря на это, онъ нисколько не заботится объ улучшеніи ея и содержаніи въ порядкѣ; даже если кому-нибудь и пришла бы такая мысль въ голову, что почти совершенно невозможно, онъ не могъ бы привести ее въ исполненіе не имѣя достаточнаго количества времени и нужнаго для этого матеріала. Само собою разумѣется, что для такого дѣла нужно соединиться всѣмъ вмѣстѣ, а этого не можетъ случиться главнымъ образомъ, потому, что всякій боится, какъ бы на его долю не выпало слишкомъ много работы и слишкомъ мало выгоды. Мѣстному начальству, конечно, ничего не стоило бы распорядиться о проведеніи порядочныхъ дорогъ по подвѣдомственной имъ мѣстности, но мы сомнѣваемся, чтобы когда-нибудь какой бы то ни было, мандаринъ позаботился объ этомъ. Китайцы не только не интересуются какимъ-нибудь общественнымъ достояніемъ, но смотрятъ на него, какъ на удобное поле дѣйствія для воровства. Каменныя плиты растаскиваются частными лицами для своихъ надобностей, точно также постепенно исчезаютъ камни съ городскихъ стѣнъ. Такимъ образомъ, была расхищена до послѣдняго камня ограда одного европейскаго кладбища.

Спрашивается теперь—есть ли у китайцевъ какое-нибудь чувство похожее на то, что мы называемъ патріотизмомъ? Что касается до такъ называемаго національнаго чувства, то оно несомнѣнно существуетъ въ особенности у ученыхъ и выражается во враждебныхъ отношеніяхъ къ иностранцамъ и ихъ учрежденіямъ. Въ послѣдніе годы въ провинціи Гунанъ развилась цѣлая литература, призывающая къ возстанію и къ изгнанію „бѣлыхъ дьяволовъ“ изъ страны. Появленіе этихъ злостныхъ памфлетовъ и воззваній обусловливается частью недоразумѣніями, частью расовой враждебностью и съ китайской точки зрѣнія безъ всякаго сомнѣнія считается выраженіемъ патріотизма. Но врядъ ли кто нибудь будетъ утверждать, что

значительное большинство китайцевъ можетъ сплотиться вмѣстѣ, одухотворенное однимъ общимъ желаніемъ съ цѣлью послужить отечеству, находящемуся въ опасности,—не справляясь съ своими личными выгодами.—Само-собою разумѣется, что патріотизмъ китайца могъ существовать помимо его желаній о благоденствіи и процвѣтаніи татарской династіи императоровъ, но мы считаемъ болѣе правильнымъ допустить, что во всѣ времена чувство массы къ своимъ повелителямъ, къ какой бы династіи они ни принадлежали, отличалось такимъ же абсолютнымъ равнодушіемъ, какъ и въ настоящее время. Ключомъ къ пониманію такихъ общественныхъ отношеній служитъ слѣдующее изреченіе Конфуція: „тотъ, кто не занимаетъ никакой должности, не долженъ заботиться объ общественныхъ дѣлахъ“.

Для иллюстраціи всего вышесказаннаго приведемъ здѣсь разсказъ М-ра Гука: „въ 1851 году, какъ разъ послѣ смерти императора Тао-кунга, мы предприняли путешествіе въ Пекинъ. Остановившись въ одной гостинницѣ на дорогѣ, мы попробовали за чаемъ завязать разговоръ о политикѣ съ находившимися здѣсь китайцами. Мы интересовались узнать, кто изъ трехъ сыновей покойнаго императора будетъ наслѣдникомъ, и если будетъ, то можно ли надѣяться, что онъ будетъ править въ духѣ отца и т. п. Но наши собесѣдники упорно молчали и курили свои трубки, не принимая никакого участія въ разговорѣ. Наконецъ, когда ихъ апатія повидимому дошла уже до высшей точки, одинъ изъ наиболѣе почтенныхъ представителей нашей компаніи, всталъ съ мѣста, положилъ руку на мое плечо и замѣтилъ, улыбаясь: „послушайте, что вамъ за охота выходить изъ себя и строить пустыя предположенія! Пусть занимаются государственными дѣлами мандарины, они за это получаютъ деньги!“ Если мы припомнимъ, что при нападеніи англичанъ на Пекинъ въ 1860 году, англійская армія была монтирована ослами, купленными въ провинціи Шантунгъ, что Тіенсинь и Тунгачау сдались на капитуляцію съ условіемъ снабдить англійско-французскую армію всѣмъ необходимымъ въ случаѣ, если ихъ города будутъ пощажены, если мы прибавимъ къ этому, что вся черная работа въ союзныхъ войскахъ производилась при помощи кули—то намъ станетъ ясно, что китайскія понятія общественности и патріотизма не имѣютъ ничего общаго съ нашими.

Въ Китаѣ народъ часто возстаетъ противъ гнета и при-

тѣсненій мандариновъ—и въ такомъ случаѣ всегда во главѣ его находятся талантливые люди, которые руководятъ возстаніемъ, принимающимъ подъ ихъ руководствомъ такіе серьезные размѣры, что правительство иногда неминуемо должно идти на уступки. Только эти главари движенія, самоотверженно идущіе на смерть ради общаго блага, съ полнымъ правомъ могутъ быть названы патріотами, даже и съ нашей точки зрѣнія.

XIV.

Консерватизмъ.

Про китайцевъ съ большимъ правомъ чѣмъ про какую-нибудь другую народность можно сказать, что пора ихъ золотого вѣка миновала. Конфуцій учитъ, что каковъ правитель, таковъ и народъ—онъ сосудъ, народъ—вода. Если сосудъ круглъ,—вода тоже приметъ круглую форму, если онъ четвероуголенъ—вода станетъ тоже четвероугольной. Зная эту теорію, мы не удивимся, что китайцы относятъ расцвѣтъ всѣхъ добродѣтей къ временамъ своихъ образцовыхъ правителей. Самый глупый кули не преминетъ напомнить, что во времена Яо и Шуна не нужно было ночью закрывать двери, такъ какъ въ то время не было никакихъ воровъ, а все то, что терялось на улицѣ, охранялось нашедшимъ, пока не находился настоящій владѣлецъ потеряннаго. Это стремленіе къ умаленію достоинствъ своего времени свойственно всѣмъ народамъ безъ исключенія, но у китайцевъ оно достигаетъ очень высокой степени и возводится ими на степень вѣрованія. Они предполагаютъ, что все прекрасное и достойное отразилось въ ихъ литературѣ и потому относятся къ ней съ такимъ поклоненіемъ. Правовѣрные китайцы смотрятъ на своихъ классиковъ такими-же глазами, какъ христіане на библію; по ихъ мнѣнію въ этихъ сочиненіяхъ содержится самая большая мудрость, служившая руководствомъ для всѣхъ прошлыхъ вѣковъ, которая съ такимъ же успѣхомъ можетъ быть примѣнена и къ настоящему времени.

Подобно тому, какъ христіане пользуются какимъ нибудь библейскимъ текстомъ для побочныхъ цѣлей, не соотвѣтствующихъ его первоначальному значенію, точно также и ученики Конфуція берутъ различныя положенія его ученія не только

для подтвержденія разныхъ правительственныхъ мѣръ, но и какъ основаніе для всѣхъ математическихъ наукъ и другихъ областей знанія.

Древняя литература создала Китай и выработала для него форму правленія, которая, каковы бы ни были ея свойства, является однимъ изъ доказательствъ китайскаго постоянства. Большое значеніе въ этомъ случаѣ, конечно, имѣла несокрушимая вѣра въ божественное происхожденіе тѣхъ правителей, которые ознаменовали свои царствованія какими-нибудь выдающимися дѣяніями. Мысль о прогрессѣ и улучшеніи должна считаться вслѣдствіе этого ересью и такимъ образомъ несомнѣнное господство старины основывается на признаніи несовершенства потомковъ.

Если мы будемъ смотрѣть на вопросъ съ этой точки зрѣнія, то упорное стремленіе къ старинѣ не представится уже такою безсмыслицею, какою оно намъ должно было показаться съ перваго взгляда.

Хотя обыкновенно принято думать, что прочно утвердившійся языкъ и обычаи подвергаются съ теченіемъ времени сравнительно небольшимъ измѣненіямъ, но обстоятельства, при которыхъ окрѣпли китайскіе обычаи и языкъ, настолько различны въ различныхъ областяхъ государства, что это не могло не отразиться на самихъ обычаяхъ, несходство которыхъ даже вошло въ поговорку. Кромѣ того нужно замѣтить, что обычаи могутъ измѣняться сообразно съ обстоятельствами и это справедливо даже относительно такой страны, какъ Китай.

Лучшимъ примѣромъ вышесказаннаго можетъ служить исторія китайской прически. Китайцы прежде не носили косъ, но когда вступила на престолъ манчжурская династія, она потребовала, чтобы китайцы въ знакъ своего подчиненія отпустили косы. Это нововведеніе само собой разумѣется встрѣтило противодѣйствіе; но правительство хотѣло поставить на своемъ и подвергало ослушниковъ самымъ жестокимъ наказаніямъ. Что же мы видимъ теперь?—Та самая коса, изъ-за которой многіе шли на смерть—теперь считается гордостью китайца. Единственнымъ воспоминаніемъ враждебности, съ которою былъ встрѣченъ этикетъ манчжурской династіи о ношеніи косъ, являются тюрбаны жителей Кантона и Фукіи, служившіе прежде для сокрытія постыдной прически.

Всякій, кто хоть немного знакомъ съ китайскими обычаями,

можетъ привести множество примѣровъ того, какъ высоко цѣнится тамъ все старинное. Развѣ можно найти еще такую другую страну, гдѣ несмотря на ея протяженіе въ 25 градусовъ, всѣ снимаютъ шубы въ опредѣленный день и надѣваютъ соломенныя шляпы по приказанію императора? Точно также,— въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ канги [1]), путешественникъ, желающій согрѣться, напрасно будетъ умолять хозяина затопить его, въ томъ случаѣ, если просьба его придется раньше срока, когда принято начинать топку.

Нежеланіе китайскихъ ремесленниковъ примѣнять новые методы къ своей работѣ всѣмъ извѣстно въ достаточной степени. Такъ напр., одинъ иностранный кирпичный заводъ получилъ заказъ на кирпичи величиною немного больше обыкновенныхъ. Для исполненія заказа нужно было только изготовить новую деревянную форму. Однако, завѣдующій работами не принялъ заказа, упорно отказываясь прибѣгнуть къ такому нововведенію и стоялъ на томъ, что нигдѣ на всемъ свѣтѣ не можетъ быть такой формы.

Этотъ консерватизмъ имѣлъ огромное вліяніе на торговлю иностранцевъ съ Китаемъ. Однако практичность въ этой области способна измѣнить многое.

Когда въ первый разъ хотѣли провести телеграфъ, то губернаторъ одной провинціи явился съ докладомъ къ императору сообщить, что народъ такъ враждебно относится къ этому нововведенію, что даже не даетъ протянуть проволоки. Когда же явилось предположеніе о войнѣ съ Франціей, телеграфъ выросъ какъ изъ земли и мандарины съумѣли сохранить его отъ разрушенія.

Тоже произошло и съ жел. дорогами. Первый небольшой желѣзнодорожный путь, проложенный для вывоза угля изъ угольныхъ копей, долженъ былъ проходить черезъ большое кладбище, откуда для проложенія рельсовыхъ путей были удалены нѣкоторыя могилы, совершенно также, какъ еслибы дѣло происходило въ Англіи и Франціи. Такимъ образомъ постройка желѣзныхъ дорогъ встрѣтила больше препятствій съ финансовой стороны, чѣмъ со стороны суевѣрій. Существуетъ правило, что всякій чиновникъ въ случаѣ смерти одного изъ своихъ родителей на время траура долженъ удалиться со службы. Тѣмъ не

[1]) K'ng, небольшая печка изъ кирпичей вродѣ лежанки.

менѣе мы знаемъ, что одно изъ важныхъ должностныхъ лицъ несмотря на свои слезныя просьбы получило императорское приказаніе продолжать исполнять свои обязанности по должности во все время траура. Мы знаемъ также, какъ строго исполняется обычай повиновенія сына отцу и почитанія императора всѣми подданными, и вотъ между тѣмъ еще въ недавнее время на престолъ взошелъ императоръ Куангъ-шу, отецъ котораго принцъ Чунъ находился еще въ живыхъ. Въ виду несовмѣстимости двухъ вышеупомянутыхъ основныхъ правилъ китайской жизни съ такимъ положеніемъ дѣлъ, принцъ Чунъ долженъ былъ лишить себя жизни, или оставаться въ заточеніи до конца своихъ дней. А между тѣмъ, царственный сынъ имѣлъ возможность навѣщать своего родителя во время болѣзни и было найдено такое modus vivendi, при которомъ отецъ императора могъ занять одну изъ важнѣйшихъ должностей въ странѣ.

XV.

Равнодушіе къ удобствамъ жизни.

Прежде чѣмъ коснуться этого вопроса, слѣдуетъ замѣтить, что мы будемъ разсматривать его съ нашей европейской точки зрѣнія, что, конечно, дастъ ему совсѣмъ иное освѣщеніе.

Во первыхъ скажемъ нѣсколько словъ о китайской одеждѣ. Мы уже раньше имѣли случай замѣтить, что наши моды для китайца не представляютъ ничего привлекательнаго, и наоборотъ, намъ кажется страннымъ, какимъ образомъ цѣлая раса подчиняется странному обычаю сбривать большую часть головы и оставлять непокрытымъ то, на что сама природа наложила волосистый покровъ.

Точно также привычка китайцевъ расхаживать во всѣ времена года съ непокрытой головой кажется намъ очень странной. Лѣтомъ, въ знойный день, всѣ защищаютъ себя отъ солнца тѣмъ, что высоко надъ головой держатъ открытый вѣеръ, такъ какъ только небольшая часть населенія можетъ позволить себѣ такую роскошь, какъ зонтикъ.

То же самое можно сказать и относительно одежды. Для своего платья китаецъ употребляетъ только два рода матерій: шелковыя и хлопчатобумажныя. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ

мѣстностяхъ бываютъ очень холодныя зимы, то приходится имѣть теплое платье, которое главнымъ образомъ состоитъ изъ стеганыхъ на ватѣ халатовъ, надѣвающихся одинъ на другой. Кромѣ этихъ халатовъ китаецъ не носитъ ничего, надѣвая ихъ прямо на голое тѣло; само собою разумѣется, они не прилегаютъ плотно къ тѣлу и допускаютъ въ широкихъ размѣрахъ простуду. Что касается до шерстяныхъ издѣлій— то они почти совсѣмъ не выдѣлываются за отсутствіемъ на нихъ спроса, хотя въ горахъ разводится много овецъ, доставляющихъ въ изобиліи шерсть, которая вывозится въ сыромъ видѣ. Китайскіе сапоги тоже на нашъ взглядъ не удовлетворяютъ своему назначенію, такъ какъ дѣлаются изъ матеріи и легко промокаютъ. Существуютъ такъ называемые промасленные сапоги, считающіеся непромокаемыми, но вслѣдствіе довольно высокой цѣны они мало распространены. То же самое слѣдуетъ сказать и о зонтикахъ. Ихъ считаютъ роскошью, а не необходимою принадлежностью костюма. Китаецъ, промокшій подъ дождемъ не будетъ снимать платья, а предпочтетъ, чтобы оно высохло на немъ; наши перчатки вызываютъ всеобщее удивленіе, но не подражаніе и только на далекомъ сѣверѣ надѣваютъ въ рѣдкихъ случаяхъ для защиты рукъ отъ холода плоскія рукавицы.

Особенностью китайской одежды является отсутствіе кармановъ, безъ которыхъ мы не можемъ обойтись, такъ какъ привыкли имѣть при себѣ разныя вещи, какъ-то перочинный ножикъ, гребенку, зубочистку и т. п. Платокъ китаецъ прячетъ обыкновенно на груди, а если ему поручаютъ передать какое-нибудь письмо, то онъ привязываетъ его къ тесемкамъ исподняго платья около ладыжекъ и идетъ исполнять порученіе.

Если же онъ носитъ брюки, то онъ или прямо засовываетъ въ нихъ письмо, или прячетъ его въ складкахъ своего длиннаго рукава, а иногда и подъ шапочку.

Большею частью всѣ необходимыя вещи, какъ-то маленькій кошелекъ съ деньгами, кисетъ и трубку китайцы носятъ за поясомъ. Если поясъ немного ослабнетъ, то конечно все будетъ потеряно. Китайцы не носятъ ночнаго бѣлья, а просто завертываются въ одѣяло, засыпая сномъ праведника. Хотя у нихъ и сохраняется письменное преданіе, что Конфуцій спалъ въ ночномъ халатѣ на одинъ метръ длиннѣе его тѣла, тѣмъ

не менѣе предполагается, что въ данномъ случаѣ говорится не о ночномъ одѣяніи, а о той одеждѣ, которую онъ носилъ во время поста.

Даже новорожденныя малютки, тѣло которыхъ такъ чувствительно къ простудѣ, кладутся прямо подъ одѣяло, которое откидывается въ томъ случаѣ, когда мать хочетъ показать свое дитя. Компетентные люди указываютъ на внезапное охлажденіе тѣла при такихъ обстоятельствахъ, какъ на причину большаго процента смертности въ дѣтскомъ возрастѣ. Когда дѣти немного подрастаютъ, имъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Китая надѣваютъ вмѣсто штановъ нѣчто вродѣ мѣшковъ, наполненныхъ до половины пескомъ, или землей. Вслѣдствіе необыкновенной тяжести такого рода одежды бѣдный малютка прикованъ къ мѣсту и едва можетъ двигаться. Китайское равнодушіе къ тому, что мы называемъ комфортомъ, проявляется въ такой же степени въ устройствѣ ихъ жилищъ, какъ и въ одеждѣ. Само собой разумѣется, что мы не принимаемъ во вниманіе бѣдныхъ жилищъ, а говоримъ исключительно о домахъ состоятельныхъ людей, могущихъ устроить ихъ по своему желанію. Китаецъ не цѣнитъ совсѣмъ деревьевъ въ смыслѣ тѣни, онъ предпочитаетъ имъ бесѣдку изъ циновокъ. Желающіе имѣть какую-нибудь тѣнь у себя на дворѣ, или въ саду, но неимѣющіе на это средствъ, не садятъ большихъ деревьевъ, а довольствуются посадкой гранатовыхъ кустовъ или живыхъ изгородей. Когда дѣлается такъ жарко, что нельзя высидѣть дома, выходятъ на улицу, а если и тамъ жара становится невыносимой, возвращаются снова домой. Нѣкоторые дома имѣютъ, противъ главнаго входа на южной сторонѣ, еще дверь на сѣверной сторонѣ, открывъ которую можно сдѣлать сквозной вѣтеръ и хоть немного облегчить духоту знойнаго дня, но этого почему-то никогда не дѣлается. Канъ, служащій китайцамъ постелью и встрѣчающійся повсемѣстно сѣвернѣе 37 градуса широты, представляетъ собой лежанку, нагрѣвающуюся во время топки печи и остывающую вскорѣ послѣ потушенія огня—и, какъ ложе, представляетъ для европейца верхъ всякихъ неудобствъ. Кромѣ неудобствъ, представляемыхъ переходами отъ очень высокой къ низкой температурѣ—канъ служитъ источникомъ мученій вслѣдствіе того, что въ немъ гнѣздятся всевозможныя насѣкомыя, отъ которыхъ невозможно спастись даже въ томъ случаѣ, если будутъ удалены верхніе

кирпичи. Насѣкомыя эти проникаютъ всюду и ихъ никакимъ образомъ нельзя вывести, тѣмъ болѣе, что китайцы совершенно не заботятся объ этомъ, считая существованіе ихъ вполнѣ естественнымъ. Что касается до москитовъ, то болѣе состоятельные люди предохраняютъ себя отъ нихъ сѣтками, но такой способъ охраны представляетъ для большинства жителей Китая слишкомъ большую роскошь, поэтому ихъ пробуютъ выкуривать время отъ времени особыми курительными свѣчками.

Различіе во взглядахъ на комфортъ выражается также и въ предметахъ домашняго обихода. Такъ напр. у насъ для поддержки головы служитъ подушка, а у китайцевъ вмѣсто нея употребляется кусокъ дерева, или кирпичъ, которымъ подпирается затылокъ. Провести ночь на такой подставкѣ было бы для насъ пыткой—точно такъ же, какъ китаецъ не могъ бы вылежать больше десяти минутъ на нашей подушкѣ.

Мы уже выражали свое удивленіе по поводу того, что въ Китаѣ совершенно отсутствуетъ обработка шерсти, но еще удивительнѣе, что китаецъ при всей своей бережливости не дѣлаетъ никакого употребленія изъ перьевъ, доставляемыхъ массой всякой домашней птицы.

Китайскіе дома ночью освѣщаются очень плохо; масляныя лампы страшно коптятъ и даютъ мало свѣта, и хотя преимущества керосиноваго освѣщенія и признаются всѣми, но тѣмъ не менѣе изъ консерватизма всѣ пользуются старымъ спосособомъ освѣщенія.

Китайская мебель неудобна и некрасива; вмѣсто широкихъ сидѣній, китайцы довольствуются узкими; часто бываетъ, что ножки кресла шатаются и чтобы не упасть, нужно стараться садиться, соблюдая всѣ правила равновѣсія.

Китайцы единственная азіатская нація, пользующаяся стульями, но они очень неудобнаго фасона.

На европейца всего непріятнѣе дѣйствуетъ въ китайскомъ жилищѣ сырость и холодъ. Полъ въ квартирахъ большею частью бываетъ глиняный, или кирпичный, двери на шипахъ. Холодъ проникаетъ отовсюду черезъ всѣ щели, но даже если онѣ и заклеены, то все равно вѣтеръ ходитъ по комнатамъ, такъ какъ китаецъ не подумаетъ держать наружную дверь закрытой. Въ довершеніе всѣхъ несчастій, двери дѣлаются такими низкими, что даже средняго роста человѣкъ долженъ на-

гибаться, чтобы не удариться головой о притолоку. Китайскія окна, заклеенныя бумагой почти совсѣмъ не защищаютъ отъ дождя, вѣтра, солнечнаго свѣта, жары и пыли. Ставни встрѣчаются только въ рѣдкихъ домахъ и ими почти не пользуются.

Неудобство китайскихъ жилищъ особенно чувствуется при наступленіи холодовъ. Всѣ живущіе въ домѣ согрѣваются около кана и надѣваютъ на себя, какъ можно больше ватныхъ халатовъ. Насколько плохи китайскія помѣщенія можно судить изъ того факта, что одинъ Даотай осматривавшій американскую тюрьму нашелъ, что камера заключенныхъ лучше его ямень [1]).

Одной изъ непріятныхъ сторонъ китайской жизни является масса бѣгающихъ по улицамъ собакъ, которыхъ буддійская религія запрещаетъ убивать. Ихъ лай и вой, повидимому не производитъ никакого впечатлѣнія на флегматичнаго китайца, остающагося спокойнымъ даже въ томъ случаѣ, если которая-нибудь изъ нихъ сбѣсится и укуситъ его.

Какъ лечебной мѣрой пользуются волосами, укусившаго животнаго, обвязывая ими рану.

Путешествіе по Китаю связано съ огромными неудобствами. Не говоря уже о дорогахъ, о плохомъ состояніи которыхъ мы говорили выше, мѣста остановокъ, такъ называемыя гостиницы и заѣзжіе дворы содержатся настолько неопрятно, что провести въ нихъ хотя бы одну ночь является для европейца настоящимъ мученіемъ. Комнаты такихъ помѣщеній грязны, дымны, мѣсто для спанья кишитъ всевозможными насѣкомыми, нѣтъ никакихъ звонковъ къ прислугѣ и желающій получить горячую воду для своего туалета, долженъ открыть дверь и кричать изо всѣхъ своихъ силъ, рискуя, что его все-таки не услышатъ.

Улицы не освѣщаются и всякій городской житель ходитъ ночью съ фонаремъ. Если у васъ испортится фонарь, то вы можете купить новый только у разносчика, котораго иногда приходится очень долго ждать.

Но ничто такъ не бросается въ глаза въ небесной имперіи, какъ отсутствіе гигіеническихъ и санитарныхъ правилъ. Тотъ, кто жилъ въ Китаѣ, знаетъ до какой степени загряз-

---

[1]) Yamen (ямень) — присутственное мѣсто и жилище китайскаго чиновника.

ены города,—какой тамъ отвратительный воздухъ, такъ какъ всѣ нечистоты никуда не свозятся, а гніютъ и разлагаются тутъ же на улицахъ.

Несмотря на то, что при такихъ условіяхъ жизни, китаецъ долженъ бы былъ привыкнуть спокойно относиться ко всевозможнымъ неудобствамъ жизни—мы видимъ наоборотъ у него въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже исключительную щепетильность въ этомъ отношеніи. Такъ напр., когда начинаетъ идти дождь, всякій китаецъ бросаетъ свою работу и бѣжитъ домой. Намъ разсказывали, что солдаты одного изъ китайскихъ фортовъ, занимавшаго важную позицію и снабженнаго орудіями новѣйшихъ системъ, въ самомъ разгарѣ военныхъ дѣйствій бросили свои орудія и стали искать, гдѣ бы имъ укрыться, какъ только пошелъ сильный дождь. Кровавая рѣзня въ Тіенсинѣ въ 1870 г. приняла бы навѣрно еще болѣе ужасающіе размѣры, если бы проливной дождь не разогналъ пришедшій въ ярость народъ, направлявшійся уже къ иностранной колоніи.

Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ о неудобствахъ, представляемыхъ неодинаковой стоимостью однѣхъ и тѣхъ же монетъ въ различныхъ мѣстахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вы получаете вмѣсто причитающихся вамъ 500 монетъ только 250, иногда вы получаете вмѣсто настоящихъ монетъ, монеты худшаго достоинства—отсюда возникаютъ безконечные споры. Кромѣ того веревки, на которыхъ нанизаны эти монеты по 500 и по 1000 штукъ, очень непрочны, часто рвутся и тогда нужно ихъ снова собирать, пересчитывать и нанизывать. Количество денегъ, равное мексиканскому доллару, вѣситъ не менѣе 8 фунтовъ; и вы никакъ не заберете съ собой больше ста штукъ мѣдной монеты. Если же нужно переслать, или везти съ собой большія суммы, то для этой цѣли нужно нагружать ими вьючныхъ животныхъ. Обмѣнъ мѣдныхъ денегъ на серебряные слитки очень невыгоденъ, такъ какъ васъ обыкновенно надуваютъ и при продажѣ мѣдныхъ денегъ и при покупкѣ серебряныхъ. При всякихъ банкирскихъ операціяхъ берется большой дисконтъ и точно также возникаютъ всевозможныя несогласія относительно качества и количества монетъ.

XVI.

Живучесть.

Живучесть китайцевъ составляетъ основу, на которой зиждутся ихъ другія характеристическія черты. Путешественника въ Китаѣ прежде всего поражаетъ его многолюдность. Повсюду куда бы ни вступила его нога, ему приходится встрѣчаться съ избыткомъ народонаселенія. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ этого не наблюдается, навѣрно существуютъ, или существовали какія-нибудь причины, вызвавшія уменьшеніе населенія.

Такъ возстаніе тай-пинговъ, слѣдовавшее за магометанскимъ возмущеніемъ и страшный голодъ 1877—1878 годовъ уменьшили народонаселеніе Китая на нѣсколько милліоновъ. Но во всякомъ случаѣ сила разрушенія, какъ бы она велика ни была, не можетъ сравняться съ силою жизни въ теченіе мирнаго періода. Всѣ китайскіе города и деревни буквально кишатъ дѣтьми и для насъ остается загадкой, какимъ образомъ такая масса малютокъ можетъ быть накормлена и одѣта.

Единственнымъ обстоятельствомъ, задерживающимъ приростъ населенія, является употребленіе опіума, которое съ каждымъ годомъ принимаетъ все большіе и большіе размѣры, подрывая въ корнѣ жизненную силу китайцевъ. Тѣмъ не менѣе размноженіе желтой расы идетъ такими быстрыми шагами, что внушаетъ опасенія за будущность страны. Одна изъ первыхъ заповѣдей, данныхъ человѣчеству, гласитъ: „плодитесь и размножайтесь“. По справедливому замѣчанію одного ученаго она въ то же время и единственная, которая соблюдается, въ особенности въ Китаѣ. Въ настоящее время все болѣе и болѣе усиливающееся переселеніе китайцевъ въ чужія страны является естественнымъ выходомъ изъ стѣсненнаго положенія, вслѣдствіе переизбытка населенія. Но куда бы они ни переселились, въ Вестъ-Индію, Сіамъ, Остъ-Индію, Австралію, Полинезію, Мексику, Соединенные Штаты, въ Центральную или Южную Америку, повсюду они очень скоро приспособляются къ климату и мѣстнымъ условіямъ жизни. Они привыкаютъ къ новому мѣсту жительства такъ легко, сплоченность между ними такъ сильна и они настолько превосходятъ жителей другихъ расъ своею умѣренностью и трудолюбіемъ, что нѣкоторыя страны изъ боязни конкурренціи не принимаютъ къ себѣ китайскихъ переселенцевъ.

При такихъ условіяхъ всякій не китаецъ, боясь за будущность своей родины, успокаиваетъ себя тѣмъ, что китайскій народъ не особенно склоненъ къ переселенію.

Въ Китаѣ нерѣдко приходится встрѣчаться со стариками, которымъ больше 100 лѣтъ отъ роду—а такихъ которые находятся въ преклонныхъ лѣтахъ, хотя и не достигаютъ этого возраста, приходится видѣть чуть ли не на каждомъ шагу. Зная недостаточность питанія бѣднаго класса общества, нужно удивляться тому, что такая масса людей достигаетъ старческаго возраста при плохихъ санитарныхъ условіяхъ и почти полномъ отсутствіи медицинской помощи. Мы знаемъ, что въ Китаѣ ежегодно умираетъ масса людей отъ болѣзней, которыя легко могли бы быть излѣчены, но именно то обстоятельство, что это число смертныхъ случаевъ не такъ значительно, какъ могло бы быть, указываетъ на способность китайскаго организма противостоять болѣзнямъ, изъ которыхъ многія излѣчиваются безъ всякаго медицинскаго средства.

Приведемъ здѣсь случай необыкновенной выносливости и живучести китайскаго организма.

Одинъ изъ жителей Тіенсина добывалъ себѣ средства тѣмъ, что онъ собиралъ на стрѣльбищѣ бывшіе въ употребленіи снаряды. Какъ то разъ одинъ изъ такихъ снарядовъ взорвался и ему оторвало лѣвую ногу. Его отправили въ госпиталь, гдѣ ему была сдѣлана ампутація ноги ниже колѣна. Какъ только онъ поправился, то снова обратился къ своему прежнему занятію. Не прошло и шести мѣсяцевъ, какъ снова взорвался одинъ изъ снарядовъ и ему оторвало руку выше локтя. Правое плечо было обожжено порохомъ, на носовой кости и верхней губѣ оказались сильныя пораненія, правое ухо было почти оторвано такъ же какъ и правое вѣко, лобъ и правая кисть руки. Въ такомъ положеніи несчастный пролежалъ безъ сознанія подъ палящими лучами солнца въ теченіе четырехъ часовъ. Наконецъ на него обратилъ вниманіе какой то мандаринъ, приказавшій кули снести его въ ближайшій госпиталь. Какъ только мандаринъ скрылся изъ виду, носильщики, которымъ надоѣло нести такую тяжесть, бросили его въ ровъ. Несмотря на большую потерю крови, несчастному все-таки удалось выбраться изо рва и проползти до ближайшей лавки, находившейся на разстояніи нѣсколькихъ сотъ метровъ; тамъ онъ нашелъ большую кор-

зину изъ подъ муки, въ которую онъ легъ, перевернувъ ее предварительно здоровой рукой. Владѣльцы лавки, чтобы избавиться отъ несчастнаго, стащили корзину къ воротамъ больницы и оставили тамъ на произволъ судьбы. Несмотря на свое ужасное состоянiе и слабый пульсъ, больной былъ въ полномъ сознанiи и совершенно разумно отвѣчалъ на предлагаемые вопросы. Хотя онъ былъ неисправимымъ курильщикомъ опiума, что, конечно, не могло содѣйствовать его выздоровленiю, но онъ все таки сталъ скоро поправляться и спустя четыре недѣли выписался изъ больницы.

XVII.

Терпѣнiе и настойчивость.

Какъ мы уже говорили выше, въ Китаѣ, вслѣдствiе переизбытка населенiя всѣ жизненныя потребности сведены до минимума, а самая жизнь представляетъ въ полномъ смыслѣ этого слова борьбу за существованiе. Для того, чтобы жить, нужны средства и ихъ всякiй достаетъ, какъ можетъ, терпѣливо трудясь и относясь со всевозможной бережливостью къ продуктамъ своего труда. Китаецъ готовъ работать за самое незначительное вознагражденiе, считая, что лучше заработать небольшiя деньги, чѣмъ ничего. Онъ работаетъ съ большимъ усердiемъ, хотя знаетъ, что своимъ трудолюбiемъ не составитъ богатства, и доволенъ тѣмъ, что имѣетъ хоть какой-нибудь заработокъ, дающiй ему возможность существовать.

Разсказываютъ про генерала Гранта, что когда онъ возвратился изъ кругосвѣтнаго путешествiя, ему предложили вопросъ, что изъ всего видѣннаго имъ показалось ему самымъ изумительнымъ. Онъ отвѣчалъ, что самое сильное впечатлѣнiе произвели на него китайцы, превосходящiе своимъ трудолюбiемъ даже евреевъ.

Это изумительное терпѣнiе и настойчивость составляетъ прирожденное свойство всей нацiи, проявляясь даже у самого бѣднаго нищаго.

Примѣромъ настойчивости въ исполненiи задуманнаго, можетъ служить слѣдующiй историческiй фактъ. Императоръ Kangĥsi, царствовавшiй отъ 1662—1723 г., былъ знаменитѣйшимъ монархомъ и несмотря на это, во все время его цар-

ствованія, пираты, извѣстные подъ именемъ Coxinga, грабили безнаказанно берега провинцій Квантунгъ и Фукін, дѣлая это такъ искусно, что ихъ не могли услѣдить даже императорскіе корабли.

Долго думалъ Kanghsi, какъ бы избавиться отъ разбойниковъ и наконецъ, ему пришла въ голову остроумная мысль приказать всему населенію этихъ береговыхъ мѣстностей отодвинуться на 30 ли въ глубь страны, гдѣ они могли быть въ безопасности отъ морскихъ нападеній. Это приказаніе было исполнено и достигло цѣли. Масса жителей побросала свои жилища въ городахъ и деревняхъ на берегу моря и переселилась на 30 ли вглубь страны, гдѣ ими были основаны новыя деревни и города, послѣ чего разбойничьи нападенія прекратились.

Я позволю себѣ привести здѣсь другой, не менѣе замѣчательный примѣръ настойчивости китайскаго правительства. Въ 1873 году китайскій генералъ Тзо-тзунгъ-танъ прочно укрѣпился въ Баркулѣ и Гами, для того, чтобы положить конецъ большому магометанскому возстанію, которое начавшись изъ-за пустяковъ, распространилось, какъ лѣсной пожаръ, и охватило весь западный Китай и центральную Азію. Казалось невозможнымъ при постоянно возникавшихъ новыхъ затрудненіяхъ преодолѣть всѣ препятствія и подавить возмущеніе. Цѣлый годъ держался генералъ на своей позиціи и затѣмъ выступилъ въ походъ, гоня передъ собой мятежниковъ къ границамъ Тянь-шаня. Какъ только его армія вступала въ такую мѣстность, гдѣ населеніе не доставляло необходимыхъ для жизни продуктовъ, она превращалась въ земледѣльческую колонію, обрабатывала землю и дождавшись жатвы получала средства къ существованію. Дѣйствуя, такимъ образомъ, армія бродячихъ земледѣльцевъ довела свое дѣло до конца и достигла блестящихъ результатовъ.

Китайское терпѣніе проявляется во всей своей полнотѣ при наступленіи какого-нибудь общественнаго бѣдствія.

Стоитъ только вспомнить ужасное время 1877 и 1878 годовъ, въ теченіе которыхъ многіе милліоны людей умерли съ голоду. Наводненія Желтой рѣки опустошили плодороднѣйшія провинціи; тысячи деревень были смыты съ лица земли, и несчастные жители ихъ бродили, не имѣя надежды на полученіе пристанища и куска хлѣба. Правительство въ этомъ случаѣ

не оказываетъ никакой помощи, какъ для постройки разрушенныхъ домовъ, такъ и для поддержки существованія этихъ несчастныхъ. И они не возмущаются, а терпѣливо переносятъ свое положеніе и стараются сами найти изъ него какой-нибудь выходъ. Они перевозятъ свои семейства на тачкахъ туда, гдѣ они могутъ просуществовать подаваемой имъ милостыней, въ томъ же случаѣ, если семейство не надѣется на свои силы, всѣ члены его расходятся въ разныя стороны и всякій заботится только о себѣ; когда же наступаютъ лучшія времена, то всѣ соединяются снова вмѣстѣ. Если по близости не предвидится никакой возможности добыть себѣ средства къ существованію, они совершаютъ путешествія въ нѣсколько сотенъ миль для того, чтобы найти такое мѣсто, гдѣ существуетъ большой спросъ на рабочихъ и гдѣ предвидится болѣе легкая жизнь. Тѣ же, которыя остаются на старомъ пепелищѣ, какъ только спадетъ вода, берутся снова за свои плуги, снова проводятъ борозды и сѣютъ пшеницу,—залогъ новой жизни.

XVIII.

Довольство и веселое расположеніе духа.

Мы уже видѣли, что китаецъ обладаетъ удивительной способностью, легко переноситъ всѣ непріятности, причемъ указывали на такіе случаи, гдѣ эта способность принимаетъ размѣры психологической загадки.

Несмотря на ужасныя соціальныя условія, китайская раса повидимому никогда не теряла надежды на лучшія времена и старалась по мѣрѣ возможности бороться съ постигшимъ ее несчастьемъ: при этомъ заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что мы не встрѣчаемъ у китайцевъ никакихъ слѣдовъ соціалистическихъ стремленій, представляющихъ характеристическую черту XIX столѣтія.

Кромѣ терпѣнія и настойчивости мы должны причислить къ числу китайскихъ добродѣтелей и довольство окружающимъ. Прежде всего оно выражается въ довольствѣ существующимъ правительствомъ и въ отсутствіи всякаго протеста противъ него. Китайскіе ученые даютъ тонъ всему народу, а они убѣждены, что настоящая система правленія есть единственная — пригодная для Китая. Исторія китайцевъ даетъ массу доказа-

тельствъ того, что невозможно добиться какихъ бы то ни было измѣненій въ существующей правительственной системѣ, слѣдствіемъ чего является ихъ несокрушимый консерватизмъ.

Китайцы представляютъ собою націю фаталистовъ и у китайскихъ классиковъ можно встрѣтить цѣлыя главы, посвященныя небеснымъ законамъ, или судьбѣ; это послѣднее понятіе у китайцевъ не имѣетъ значеніе предопредѣленія, какъ у насъ, а скорѣй приближается по смыслу къ выраженіямъ удачи и случая.

Китаецъ не интересуется ничѣмъ за предѣлами своего отечества, онъ не имѣетъ никакого понятія о великихъ событіяхъ европейской исторіи, какъ-то: эпохѣ возрожденія, реформаціи, открытія Америки и т. п. Улучшеніе положенія народа, конечно, не можетъ играть никакого значенія для тѣхъ, кто въ своемъ умственномъ развитіи отсталъ на много вѣковъ. Примѣненіе національно-экономическихъ законовъ къ улучшенію государственныхъ учрежденій совершенно не трогаетъ людей, не имѣющихъ никакого понятія о народномъ хозяйствѣ, и не подозрѣвающихъ, что въ другихъ странахъ соціальныя отношенія могутъ быть поставлены лучше чѣмъ у нихъ. Довольство китайца, разсматриваемое съ экономической точки зрѣнія, служитъ главной причиной отсутствія прогресса. Имъ получены въ награду слѣдующіе небесные дары: трудолюбіе, миролюбіе и послушаніе. Въ придачу къ этому онъ обладаетъ веселымъ темпераментомъ крѣпкими нервами и желудкомъ страуса. Но, обладая всѣми этими данными, онъ не пытается пробить лбомъ стѣну, а покорно отдаетъ себя судьбѣ въ руки. Хорошее расположеніе духа, считаемое нами національной характеристической чертой, тѣсно связано съ довольствомъ. Китайцы бываютъ очень пріятными гостями, такъ какъ имъ вездѣ все нравится и они чувствуютъ себя прекрасно повсюду. Они любятъ поболтать и одинаково просто держатъ себя въ обществѣ старыхъ друзей и совсѣмъ чужихъ людей, что очень много помогаетъ сближенію.

Китайцы никогда не жалуются на трудность работы: они готовы работать съ ранняго утра до поздняго вечера, не выказывая никакихъ знаковъ неудовольствія; въ случаѣ же, если бы кто-нибудь изъ нихъ и позволилъ себѣ что-нибудь подобное, то былъ бы тотчасъ же осмѣянъ своими товарищами. Даже чернорабочіе, исполняющіе въ теченіе цѣлаго дня безъ отдыха самую

тяжелую работу, не только никогда не жалуются на неравномѣрное распредѣленіе богатствъ, но напротивъ всегда находятся въ очень благодушномъ настроеніи и повидимому совершенно довольны своей судьбой.

Во время болѣзни китайцы тоже находятся въ ровномъ оптимистическомъ настроеніи духа, даже при перенесеніи самыхъ сильныхъ страданій.

XIX.

Сыновняя любовь.

Говоря о характеристическихъ чертахъ китайцевъ, мы должны непремѣнно упомянуть и о любви дѣтей къ родителямъ, хотя это выраженіе употребляется у нихъ въ нѣсколько иномъ значеніи, чѣмъ у насъ и представляетъ собой очень сложное понятіе.

На одномъ изъ миссіонерскихъ засѣданій, состоявшемся въ 1877 году въ Шанхаѣ, D-r Yates въ докладѣ, „о почитаніи предковъ“ изложилъ свои наблюденія по этому вопросу за время своего тридцатилѣтняго пребыванія въ Китаѣ. Послѣ вступленія, въ которомъ онъ проводитъ ту мысль, что повсюду почитаніе предковъ считается выраженіемъ сыновней любви онъ замѣчаетъ: „выраженіе „сыновняя любовь“ не совсѣмъ точно и мы должны остерегаться, чтобы не впасть въ заблужденіе. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ націй „сыны Китая“, самые непочтительныя дѣти: они не слушаютъ своихъ родителей и при первой возможности поступаютъ по своему. D-r Legge, извѣстный переводчикъ китайскихъ классиковъ, прожившій 33 года въ Китаѣ не соглашается съ нимъ, ссылаясь на свои наблюденія, противорѣчащія высказанному D-r Yates положенію. Такимъ образомъ мы видимъ, что относительно этого вопроса два компетентныхъ ученыхъ совершенно расходятся во взглядахъ и намъ ничего не остается, какъ постараться согласить ихъ и изъ ихъ крайнихъ мнѣній сдѣлать средній выводъ, который, вѣроятно, будетъ соотвѣтствовать настоящему положенію вещей.

Если мы обратимся къ классикамъ, то увидимъ, что изъ числа 3000 перечисляемыхъ ими проступковъ на первомъ мѣстѣ стоитъ неповиновеніе родителямъ. Одна изъ самыхъ

общеупотребляемыхъ китайскихъ поговорокъ гласитъ: сыновнее почтеніе есть первая изъ добродѣтелей. Это сыновнее почтеніе понимается въ очень широкомъ смыслѣ и всякая небрежность и нерадѣніе приписываются недостатку его въ томъ или другомъ случаѣ. Такъ, напр., всякій кто расхищаетъ чужое имущество, обвиняется въ недостаткѣ сыновней любви, всякій служащій не исполняющій своихъ обязанностей заслуживаетъ такіе-же укоры. Кто не выказываетъ достаточно мужества на войнѣ, или не исполняетъ обязательствъ налагаемыхъ дружбою тоже считается плохимъ сыномъ.

По общепринятому мнѣнію сыновняя любовь основывается на благодарности. Такъ оно и принимается, какъ въ классическихъ сочиненіяхъ, такъ и въ одной изъ главъ священнаго эдикта. Конфуцій назначаетъ трехъ-лѣтній срокъ для траура послѣ смерти родителей, какъ напоминаніе о томъ, что въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ жизни ребенокъ не можетъ быть отнятъ отъ своихъ родителей.

Сыновняя любовь вмѣняетъ китайцамъ въ обязанность заботиться о своемъ тѣлѣ, потому что оно есть плоть отъ плоти и кровь отъ крови родителей, услуживать имъ и послѣ ихъ смерти молиться за нихъ и идти по ихъ слѣдамъ въ жизни. „Тотъ, кто поступалъ такимъ образомъ въ теченіи трехъ лѣтъ“, говоритъ Конфуцій „можетъ быть названъ хорошимъ сыномъ“. Въ томъ случаѣ, если родители идутъ по ложному пути, сынъ можетъ кратко и въ мягкой формѣ выяснить имъ ихъ заблужденія. Если же родители не склоняются на его мольбы, то онъ долженъ стараться успокоить ихъ и тогда снова приступить къ увѣщаніямъ. Онъ долженъ молчать даже и тогда, если подвергнется гнѣву и наказанію съ ихъ стороны, онъ не смѣетъ пикнуть, хотя бы отъ ихъ побоевъ лилась потоками его кровь—напротивъ того: онъ долженъ еще больше высказывать имъ почтенія и стараться какъ можно лучше выполнять свои сыновнія обязанности.

Конфуцій ясно говоритъ: сыновняя любовь выражается въ настоящее время въ попеченіи о родителяхъ и прибавляетъ, что въ прежнее время она выражалась еще и другимъ образомъ. Съ тѣхъ поръ прошло много столѣтій и его проповѣдь вошла въ плоть и кровь китайцевъ. Чтобы еще лучше убѣдиться въ этомъ, читателю стоитъ только прочесть книгу о 24 примѣрахъ сыновней любви. Тамъ между прочимъ разсказывается

объ одномъ мальчикѣ шести лѣтъ, жившемъ во время династіи Мингъ.

Какъ-то разъ этотъ мальчикъ пошелъ къ своему пріятелю, который сталъ угощать его апельсинами. Маленькій гость съ удовольствіемъ поѣлъ апельсиновъ и воспользовавшись удобнымъ случаемъ еще стащилъ двѣ штуки и спряталъ ихъ въ свой широкій рукавъ. При прощаньи случилось, что украденные апельсины выкатились изъ рукава. Тогда онъ всталъ передъ хозяиномъ на колѣни и сказалъ: „я хотѣлъ снести эти апельсины моей матери: она ихъ такъ любитъ". Такъ какъ отецъ этого мальчика занималъ, высокое положеніе, то съ нашей точки зрѣнія его самооправданіе не выдерживаетъ никакой критики, но въ глазахъ китайцевъ поступокъ этого мальчика представляетъ яркій примѣръ сыновней любви.

Другой мальчикъ, восьми лѣтъ, жившій во время династіи Чинъ, зная, что родители его не имѣютъ возможности купить сѣтки для предохраненія себя отъ москитовъ, улегся рано въ постель и пролежалъ всю ночь, не двигаясь, съ цѣлью предоставить себя на съѣденіе этимъ насѣкомымъ и тѣмъ обезпечить спокойный сонъ своимъ родителямъ.

Приведемъ еще одинъ типичный примѣръ китайской сыновней любви. Во время династіи Ханъ, жилъ одинъ человѣкъ, который не имѣлъ средствъ, чтобы прокормить всю свою семью, состоявшую изъ матери, жены и трехлѣтняго ребенка. „Мы такъ бѣдны", сказалъ онъ женѣ, „что съ трудомъ только можемъ прокормить мою мать, зачѣмъ же лишать ея необходимой пищи изъ-за нашего ребенка. Не лучше ли закопать его въ землю. Дѣтей мы можемъ имѣть сколько угодно, но матери намъ н замѣнитъ никто". Жена не посмѣла ему противорѣчить и они уже вырыли яму глубиной въ два фута, какъ вдругъ на днѣ ея увидѣли золотую вазу съ надписью, что небо посылаетъ ее въ награду „преданному" сыну. Если бы не случилось этого чуда, ребенокъ былъ бы зарытъ живымъ въ землю и съ китайской точки зрѣнія родители считали бы себя совершенно правыми.

Горячее желаніе имѣть дѣтей вытекаетъ изъ необходимости непрерывно въ теченіе будущихъ поколѣній приносить жертвы предкамъ, что составляетъ одну изъ главныхъ житейскихъ обязанностей. Поэтому всякій сынъ долженъ жениться, какъ можно раньше. Въ Китаѣ часто встрѣчаются дѣдушки, которымъ еще нѣтъ

и 36 лѣтъ отъ роду. Одинъ мой знакомый, находясь на смертномъ одрѣ, дѣлалъ себѣ слѣдующіе упреки, во-первыхъ—онъ обвинялъ себя въ томъ, что недостаточно долго жилъ для того, чтобы имѣть возможность похоронить свою мать, а во-вторыхъ въ томъ, что не позаботился о женитьбѣ своего десятилѣтняго сына.

Одною изъ главнѣйшихъ причинъ развода служитъ отсутствіе потомковъ мужескаго пола. Желаніе имѣть ихъ приводитъ къ конкубинату со всѣми его печальными послѣдствіями. Рожденіе сына сопровождается празднествами, между тѣмъ, какъ рожденіе дочери служитъ предметомъ огорченія для родителей. Такое отношеніе составляетъ одну изъ главныхъ причинъ дѣтоубійства, которое больше распространено на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ. Незаконныхъ дѣтей родится очень много и ихъ бросаютъ совершенно на произволъ судьбы. Мы уже говорили о соблюденіи трехъ-лѣтняго траура послѣ смерти родителей, на практикѣ же этотъ срокъ сокращается до 27-ми мѣсяцевъ. Точное соблюденіе траура вмѣняется каждому китайцу въ непремѣнную обязанность. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сынъ строитъ себѣ хижину около могилы отца, гдѣ онъ остается во все время траура. Ремесленники и рабочіе по большей части проводятъ у могилы только ночь, а днемъ ходятъ на работу, хотя и изъ нихъ многіе очень точно исполняютъ свои обязанности въ этомъ отношеніи,—удаляясь на время траура въ пустыню и исключительно предаваясь тамъ своей скорби. Такіе ревностные сыновья часто являются бременемъ для семьи, но китайцы никогда не думаютъ о послѣдствіяхъ, а исполняютъ свои обряды, считая ихъ святою и непремѣнною обязанностью.

Часто мы видимъ, какъ люди продаютъ свой послѣдній кусокъ земли, или домъ, чтобы, на вырученныя отъ этой продажи деньги, сдѣлать соотвѣтствующія похороны родителямъ. Китаецъ не понимаетъ всего безразсудства такого поведенія и дѣйствуетъ на основаніи прописей, которыя онъ считаетъ безусловно справедливыми и не терпящими никакихъ возраженій. Аббатъ Гукъ сообщаетъ интересный примѣръ такого формальнаго отношенія къ дѣлу. Во время своего пребыванія въ южномъ Китаѣ, ему какъ-то пришлось отправить посланнаго съ порученіемъ въ Пекинъ. Зная, что у одного изъ находящихся у него въ школѣ учителей была въ Пекинѣ мать, онъ предложилъ ему воспользоваться этимъ случаемъ и послать о себѣ вѣсточку. Когда учи-

тель узналъ о наступающемъ отъѣздѣ посланца, онъ призвалъ къ себѣ одного изъ своихъ учениковъ и сказалъ: возьми бумагу и напиши письмо моей матери, но не теряй времени, потому что посланный скоро уѣзжаетъ". Само собой разумѣется аббатъ Гукъ былъ очень удивленъ и спросилъ ученика, знакомъ ли онъ съ матерью своего учителя. „Нѣтъ", отвѣчалъ мальчикъ. „Что же ты тогда ей напишешь" съ удивленіемъ спросилъ аббатъ Гукъ". „То, что всякій сынъ долженъ написать своей матери! Вотъ уже годъ, какъ я изучаю стилистику, и я долженъ съумѣть это сдѣлать".

Китайскія правила повиновенія дѣтей родителямъ имѣютъ въ виду только сыновей и въ нихъ ни слова не упоминается о дочеряхъ, такимъ образомъ, уже этимъ однимъ высказывается пренебреженіе къ женщинѣ и она ставится ниже мужчины. Что касается до замужней женщины, то конфуціанизмъ первой и самой главной обязанностью ея, считаетъ повиновеніе родителямъ.

Если невѣстка не поладитъ со своимъ свекромъ, или свекровью, то ея мужъ долженъ развестись съ нею. Организація китайской семьи, основанной на патріархатѣ имѣетъ массу дурныхъ сторонъ. Она подавляетъ нѣкоторыя естественныя сердечныя влеченія и наоборотъ, развиваетъ другія до крайнихъ предѣловъ: требуетъ абсолютнаго подчиненія младшихъ старшимъ, угнетаетъ, такимъ образомъ, психику человѣка и противодѣйствуетъ всякому развитію и здоровому прогрессу.

Культъ предковъ, ради котораго стремятся, какъ можно раньше и какъ можно больше плодить дѣтей, въ сущности представляетъ собой одинъ изъ самыхъ прочныхъ устоевъ консерватизма.

XX.

Милосердіе.

Китайцы считаютъ милосердіе самой главной изъ пяти признаваемыхъ ими добродѣтелей. Письменный знакъ, которымъ они обозначаютъ это слово, состоитъ изъ знака, выражающаго понятіе „человѣкъ" и другого знака, обозначающаго цифру два—отсюда выводъ—слѣдовательно: милосердіе представляетъ нѣчто такое, что проявляется въ взаимныхъ отношеніяхъ людей между собою.

Ленціусъ говоритъ, что чувство милосердія свойственно всѣмъ людямъ, но только выражается въ различныхъ формахъ; кроткое, любвеобильное ученіе буддизма, само собой разумѣется, тоже наложило свой отпечатокъ на характеръ китайскаго народа. Воспитательные дома, убѣжища для прокаженныхъ, безплатныя школы—созданы исключительно китайскимъ альтруизмомъ безъ всякаго чужеземнаго вліянія. Давидъ Гиллъ, производившій изслѣдованія по этому вопросу, насчитываетъ въ Іонкау, около тридцати благотворительныхъ учрежденій, на которыя расходуется около 8000 фунтовъ стерлинговъ.

Многочисленныя безплатныя столовыя въ голодные года, а также раздача даровой зимней одежды нуждающимся, представляютъ собой всѣмъ извѣстныя формы благотворительности, которыя поддерживаются не правительственными субсидіями, а почти исключительно частными денежными пожертвованіями.

Къ китайскимъ благотворительнымъ учрежденіямъ слѣдуетъ также причислить тѣ общества, которыя содѣйствуютъ возвращенію переселенцевъ на родину и перевозкѣ и погребенію ихъ покойниковъ. Существуютъ также общества, которыя покупаютъ гробы для бѣдняковъ и хоронятъ ихъ, собираютъ человѣческія кости и предаютъ ихъ снова погребенію, копятъ исписанную, или печатную бумагу, чтобы посредствомъ сожженія предохранить ее отъ оскверненія и покупаютъ живыхъ рыбъ и птицъ, которыхъ отпускаютъ на волю. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такія же общества раздаютъ всѣмъ желающимъ пластыри и лѣкарства, обладающія таинственной силой. Такіе легкіе способы оказанія благодѣяній, какъ пусканіе рыбъ и птицъ послѣ ихъ улова снова въ воду и на волю, практикуются китайцами въ большихъ размѣрахъ.

Типомъ поверхностной китайской благотворительности можетъ служить одно общество, извѣстное подъ названіемъ „двадцати овсяныхъ крупъ“. Въ 8-й день 12-го мѣсяца всякій членъ этого общества готовитъ очень дешевый, плохой супъ, который въ теченіе 12 часовъ предлагается безплатно всякому желающему. Такой поступокъ считается проявленіемъ высокой добродѣтели и достойнымъ всякаго уваженія. Въ годы хорошаго урожая, любителей этого супа не находится, такъ какъ всякій самый бѣдный человѣкъ можетъ насытиться у себя дома чѣмъ-нибудь повкуснѣе, но тѣмъ не менѣе члены этого общества все-таки варятъ его и за неимѣніемъ потребителей по прошествіи дня

цѣликомъ выливаютъ его въ свиное корыто, и добродѣтельные люди, готовившіе его для бѣдняковъ, ложатся спать съ гордымъ сознаніемъ исполненной обязанности.

Мы уже говорили о милостынѣ, раздаваемой встрѣчающимся нищимъ. Въ городахъ они организуются въ опредѣленные синдикаты; если какой нибудь купецъ откажетъ нищему въ подаяніи, которое тотъ просилъ по всѣмъ правиламъ искусства, ожидая ее въ теченіе полагающагося времени—то лавка его будетъ осаждена толпой самаго ужаснаго сброда, что, конечно, помѣшаетъ торговлѣ. Эта голодная толпа до тѣхъ поръ не успокоится и будетъ приставать къ торговцу, пока не получитъ желаемой милостыни. Обѣ стороны отлично понимаютъ положеніе дѣла и благотворительность, такимъ образомъ, практикуется чисто формальнымъ образомъ, какъ бы изъ подъ палки. То же самое нужно сказать о томъ подаяніи, которое раздается бѣглецамъ. Въ глубинѣ своей души китаецъ не думаетъ о томъ, чтобы облегчить ихъ участь, а помогаетъ съ разсчетомъ на благословеніе свыше, которое будетъ ему наградой за доброе дѣло.

Оборотной стороной всѣхъ благотворительныхъ учрежденій является китайская система хищенія денегъ должностными лицами. Даже въ случаѣ голодовокъ безсовѣстные чиновники готовы воспользоваться большею частью денегъ, идущею на пособіе несчастнымъ голодающимъ.

XXI.

Отсутствіе состраданія.

Всякій иностранецъ, прожившій нѣкоторое время въ Китаѣ не можетъ не замѣтить, что въ Китаѣ нѣтъ свободныхъ денегъ. Даже люди, занимающіе хорошее положеніе, только съ величайшими затрудненіями могутъ достать небольшую сумму денегъ въ случаѣ необходимости. При такихъ обстоятельствахъ обычный способъ добыванія денегъ состоитъ въ томъ, чтобы представиться умирающимъ съ голоду. Это значитъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда вамъ необходимо имѣть въ рукахъ свободныя деньги, для какого нибудь дѣла, напр., для веденія процесса, или для похоронъ, нужно такъ упорно и настойчиво просить, какъ еслибы вы умирали съ голоду. Есть, конеч-

но, и въ Китаѣ богатые люди, которые могутъ вести свои дѣла безъ посторонней помощи, но большинство китайцевъ живетъ въ бѣдности. Эта постоянная борьба за существованіе со всѣми своими послѣдствіями дѣлаетъ жизнь совершенно безцвѣтной, вращающейся исключительно только на деньгахъ и добываніи себѣ пропитанія.

Видя постоянно вокругъ себя бѣдность, народъ привыкъ къ нищетѣ. Какова бы ни была помощь, оказываемая китайскими благодѣтелями, она не можетъ облегчить участь и тысячной доли тѣхъ несчастныхъ, которые стекаются къ нимъ со всѣхъ сторонъ. Такимъ образомъ они должны неминуемо придти къ тому заключенію, что все, что ими дѣлается для облегченія участи бѣдняковъ, совершенно безполезно, такъ какъ ихъ дѣятельность ничто иное, какъ капля въ морѣ. При такихъ условіяхъ совершенно естественно, что пропадаетъ охота оказывать какую бы то ни было помощь, и дѣйствительно у китайцевъ по этой, или по другой причинѣ совсѣмъ не развито чувство состраданія, что особенно ясно видно изъ ихъ отношенія къ тѣмъ несчастнымъ, которые страдаютъ какимъ-нибудь тѣлеснымъ недостаткомъ. По народному повѣрію нужно обходить встрѣчающихся на дорогѣ хромыхъ, слѣпыхъ, въ особенности кривыхъ и косоглазыхъ, такъ какъ предполагается, что люди съ тѣлесными дефектами или обладаютъ соотвѣтственными психическими недостатками, или много грѣшили въ жизни и терпятъ наказаніе за свои грѣхи. Косому часто приходится слышать слѣдующее замѣчаніе: „у кого глаза косые, у того сердце лукаво“.

Такимъ образомъ эти несчастные люди съ физическими недостатками должны всю жизнь служить мишенью для насмѣшекъ.

Точно съ такимъ же пренебреженіемъ относятся къ людямъ съ недостатками умственныхъ способностей. „Этотъ мальчикъ— идіотъ“, замѣчаетъ кто-нибудь изъ окружающихъ, указывая на мало развитаго ребенка. И хотя на самомъ дѣлѣ въ данный моментъ это замѣчаніе несправедливо, но при частомъ повтореніи оно дѣйствуетъ на мальчика угнетающимъ образомъ, и онъ дѣйствительно мало-по-малу начинаетъ тупѣть. Такая же черствость наблюдается и въ отношеніи ко всѣмъ нервнымъ людямъ; ихъ не стѣсняясь называютъ сумасшедшими, обсуждая ихъ болѣзненныя особенности въ ихъ присутствіи.

У народа, приписывающаго такое огромное значеніе потом-

ству, безплодіе, конечно, служитъ поводомъ для всякаго рода упрековъ и осужденій. Поразительнымъ примѣромъ отсутствія мягкости въ характерѣ китайца можетъ служить отношеніе къ невѣстѣ въ день ея свадьбы. Китайскія дѣвушки очень боязливы и потому стѣсняются въ присутствіи чужихъ людей. Обычаи въ различныхъ мѣстностяхъ бываютъ очень различны, но въ одномъ пунктѣ наблюдается ихъ общее сходство. Всѣ рѣшительно безъ всякаго стѣсненія поднимаютъ занавѣску носилокъ и нахально глазѣютъ на невѣсту, что только еще больше смущаетъ ее. Кромѣ того, раньше чѣмъ выйти изъ носилокъ, передъ домомъ своего свекра невѣста подвергается критикѣ окружающихъ, какъ лошадь, выведенная на базаръ для продажи.

Китайская семейная жизнь служитъ лучшей иллюстраціей отсутствія чувства сострадания. Конечно, бываютъ исключенія, но вообще большинство китайскихъ браковъ очень несчастно: въ отношеніяхъ между супругами совершенно отсутствуетъ то согласіе, которое должно составлять основу супружеской жизни. Китайское семейство представляетъ собой собраніе подъ одной крышей лицъ, связанныхъ между собой на продолжительное время чисто формальнымъ образомъ и изъ которыхъ каждое преслѣдуетъ главнымъ образомъ не общіе, а свои частные интересы.

Женщины часто подвергаются дурному обращенію въ семьѣ. Это одинаково относится и къ матерямъ и къ дочерямъ. Какъ только дочь выходитъ замужъ, всѣ ея отношенія къ родительскому дому прекращаются. Хотя правилами хорошаго тона предписывается, чтобы дочь время отъ времени посѣщала своихъ родителей, но эти посѣщенія имѣютъ скорѣе дѣловой характеръ—и въ тѣхъ случаяхъ, если часто повторяются, вызываютъ неудовольствіе со стороны отца, братьевъ и даже матери. Возвращаясь изъ своей родной семьи въ семью мужа, невѣстка не смѣетъ показаться съ пустыми руками, такъ какъ въ такомъ случаѣ ей не будетъ житья отъ свекрови. Жена сына занимаетъ въ домѣ положеніе не многимъ лучше служанки и всегда выбирается сильная и здоровая, чтобы могла исполнять разныя домашнія обязанности и готовить кушанье. Мы знаемъ такой случай, когда здоровая, цвѣтущая дѣвушка 20 лѣтъ была отдана замужъ за десятилѣтняго мальчика. О печальномъ положеніи китайскихъ женъ

можно было бы написать цѣлую книгу. Если мы вспомнимъ, что китайскія дѣвушки выходятъ замужъ очень рано и проводятъ большую часть своей жизни подъ строгимъ надзоромъ свекрови, то можно себѣ представить какая безпросвѣтная тяжелая жизнь выпадаетъ на ихъ долю. Родители молодой женщины совершенно безпомощны въ этомъ отношеніи; въ случаѣ особенно тяжелыхъ условій жизни ихъ дочери, они могутъ только слабо протестовать, если же дочь впадетъ въ отчаянье и кончитъ самоубійствомъ, имъ предоставляется только право устроить соотвѣтствующія ея положенію похороны.

Всякій мужъ, обвиняющійся въ плохомъ обращеніи съ женой или убійствѣ ея, всегда приводитъ въ свое оправданіе недостатокъ почтительности съ ея стороны по отношенію къ его родителямъ. Въ особенности распространено самоубійство между молодыми женщинами: какъ тяжело имъ живется, можно судить по упрекамъ, сдѣланнымъ матерью дочери послѣ того, какъ ея попытка лишить себя жизни окончилась неудачно; „отчего ты не умерла, когда это счастье было такъ близко отъ тебя“.

Судьба китайскихъ наложницъ еще печальнѣе.

Одинъ изъ живущихъ въ Китаѣ европейцевъ разсказываетъ слѣдующее: „бургомистръ города, въ которомъ я жилъ, былъ очень богатымъ человѣкомъ, извѣстнымъ ученымъ, способнымъ чиновникомъ, знакомымъ со всѣми мудрыми ученіями классиковъ и тѣмъ не менѣе онъ лгалъ, воровалъ и подвергалъ людей самымъ ужаснѣйшимъ мученіямъ и пыткамъ, когда давалъ волю своему необузданному нраву. Когда одна изъ его женъ убѣжала и была снова поймана, онъ велѣлъ привязать ее къ дереву головою внизъ и бить кнутомъ, пока она не умерла въ страшныхъ мученіяхъ“.

Въ такой странѣ, какъ Китай—бѣдный не имѣетъ времени хворать, на болѣзни же женщинъ и дѣтей не обращаютъ никакого вниманія и такъ запускаютъ ихъ, что они въ концѣ концовъ становятся неизлѣчимыми.

Мы уже упоминали о томъ подчиненномъ положеніи, въ которомъ находятся всѣ молодые люди. Въ Китаѣ всѣ дѣла сваливаются на самаго младшаго представителя семьи; во время путешествія онъ долженъ обо всемъ заботиться; точно также самый младшій слуга долженъ расплачиваться своими боками за всѣхъ. Очень часто молодые люди, которымъ стано-

вится въ тягость такое положеніе въ своемъ отечествѣ, выселяются за границу, гдѣ они скоро находятъ заработокъ.

Само собой разумѣется, что нельзя судить о характерѣ народа исключительно по наблюденіямъ, сдѣланнымъ во времена голодныхъ годовъ, но все-таки эти періоды въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могутъ служить пробными камнями соціальныхъ отношеній. Такъ продажа женщинъ и дѣтей, конечно, совершается не только во время голодовокъ, но во время ихъ она достигаетъ своего высшаго развитія. Всякій, кто хоть немного знакомъ съ соціальными условіями Китая, знаетъ, что въ послѣдніе годы въ провинціяхъ, подвергшихся голодовкамъ, продажа женщинъ и дѣтей совершалась такъ же открыто, какъ продажа ословъ и другихъ вьючныхъ животныхъ, съ тѣмъ только различіемъ, что женщинъ не выводили на базарную площадь. Во время большого голода въ 1878 году вывозъ проданныхъ женщинъ и дѣтей въ центральную Азію былъ настолько великъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя было найти повозки, такъ какъ всѣ онѣ были забраны для перевозки рабынь.

Мы уже выше говорили о томъ, что на заболѣваніе женщинъ и дѣтей не обращается ни малѣйшаго вниманія. Оспа, представляющая одну изъ самыхъ ужасныхъ болѣзней, очень распространена въ Китаѣ. На эпидемическія болѣзни также не обращается достаточнаго вниманія, такъ какъ жертвами ихъ бываютъ по преимуществу дѣти; какъ на послѣдствіе этихъ болѣзней можно указать на потерю зрѣнія: слѣпыхъ въ Китаѣ встрѣчается очень много. Трупы маленькихъ дѣтей не хоронятся какъ слѣдуетъ, только завертываются въ циновки и зарываются такъ не глубоко, что собаки очень скоро раскапываютъ и растаскиваютъ ихъ.

Китайцы не такъ боятся оспы, какъ мы, но зато къ тифу они питаютъ такой же страхъ, какъ и къ скарлатинѣ. Тифъ протекаетъ тамъ очень неблагопріятно, больной чувствуетъ большую слабость и ужасныя боли во всемъ тѣлѣ, затѣмъ очень быстро наступаетъ агонія и изъ десяти случаевъ девять оканчиваются смертельнымъ исходомъ. Вслѣдствіе этого туземцы имѣютъ такое представленіе объ этой болѣзни: по ихъ мнѣнію комната больного кишитъ злыми духами, даже мебель издаетъ звуки и отвѣчаетъ на заданные вопросы, вслѣдствіе чего только немногіе рѣшаются навѣщать больного. Большею

частью изъ боязни зараженія его оставляютъ совершенно одного, какъ зачумленнаго и ставятъ сосудъ съ водой около его комнаты. Дверь плотно затворяется и два, или три раза въ день несчастнаго тычутъ коломъ, чтобы узнать живъ онъ, или нѣтъ.

Всякому европейцу, конечно, бросается въ глаза, что китаецъ очень неохотно оказываетъ помощь при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Много лѣтъ тому назадъ на Янтсекіангѣ случился пожаръ на одномъ изъ иностранныхъ пароходовъ. Тысячи китайцевъ были свидѣтелями этой катастрофы и ни одинъ изъ нихъ не двинулъ пальцемъ, чтобы спасти пассажировъ, или команду судна. Мало этого: когда этимъ несчастнымъ удалось выбраться на землю, то многіе изъ нихъ были ограблены мѣстными жителями, а нѣкоторые даже убиты.

Въ путешествіи особенно чувствуется эта нелюбезность китайца: путешественнику очень трудно добиться какихъ-либо указаній относительно дороги и всѣ стараются только какъ бы побольше сорвать съ него денегъ.

Перевозка покойниковъ совершается съ большими трудностями; мы знаемъ такой случай, что брату умершаго пришлось цѣлую ночь дежурить на улицѣ у гроба, потому что хозяинъ гостинницы не позволялъ внести гробъ въ жилое помѣщеніе. Такъ какъ за перевозку труповъ требуютъ большихъ денегъ, то они упаковываются какъ товаръ и перевозятся въ такомъ видѣ.

Очень жестоко поступаютъ также съ преступниками, съ которыми чаще всего расправляются при помощи самосуда; есть цѣлый разрядъ преступленій, которыя не доводятся до суда потому, что судебное разбирательство тянется очень долго и можетъ очень дорого стоить. Такъ, напр., прелюбодѣяніе подлежитъ по большей части самосуду; на виновнаго набрасывается цѣлая толпа людей и ему раздробляютъ кости черепа, или выжигаютъ негашеною известью глаза. Такая жестокость кажется китайцамъ совершенно въ порядкѣ вещей и когда кто-то изъ европейцевъ возмутился противъ нея, — то одинъ интеллигентный китаецъ отвѣтилъ ему съ удивленіемъ: „этотъ человѣкъ заслуживалъ смерти—ему оказали большое снисхожденіе, даровавъ ему жизнь, и что за бѣда въ томъ, если его немножко покалѣчили“. Такое же жестокосердіе наблюдается и по отношенію къ очень близкимъ людямъ. „Зачѣмъ ты пришелъ къ намъ“,—ска-

зала одна невѣстка своему деверю, вернувшемуся послѣ многолѣтняго отсутствія домой такимъ же бѣднякомъ, какимъ онъ былъ и раньше. — „Здѣсь нѣтъ для тебя мѣста, а если тебѣ что-нибудь нужно—возьми этотъ ножъ, или вотъ эту веревку и то, и другое можетъ сослужить тебѣ хорошую службу“.

Слѣдуетъ замѣтить, что человѣческая жизнь, которой теоретически приписывается большое значеніе при извѣстныхъ обстоятельствахъ, цѣнится очень низко. Однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ преступленій является воровство, считающееся послѣ убійства однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ преступленій и жестоко наказываемое.

Я самъ видѣлъ, какъ одна бѣдная женщина, страдавшая клептоманіей, была въ наказаніе за свои преступленія прикована къ тяжелому мельничному камню. Какъ только уличаютъ кого-нибудь въ воровствѣ, тотчасъ же стараются отъ него избавиться или посредствомъ тайнаго убійства, или посредствомъ зарыванія его живымъ въ землю, причемъ иногда преступниковъ самихъ заставляютъ копать себѣ могилы.

Всѣ эти примѣры жестокости китайцевъ доказываютъ ясно, что имъ совершенно незнакомо чувство состраданія. Дѣти растутъ безъ всякаго воспитательнаго вліянія въ этомъ отношеніи со стороны родителей, какъ маленькіе дикари,—а, поступивъ въ школу, подвергаются за малѣйшія провинности грубымъ и даже жестокимъ наказаніямъ, отъ которыхъ еще больше грубѣетъ ихъ сердце.

Жестокость китайскихъ наказаній за преступленія можетъ также служить доказательствомъ отсутствія чувства состраданія. Мы не будемъ уже говорить объ ужасныхъ пыткахъ, которымъ обвиняемые подвергаются въ темницахъ. Но и помимо ихъ можно привести массу случаевъ самой возмутительной жестокости. Такъ, напр., за неимѣніемъ веревокъ, преступника прибиваютъ крѣпко гвоздями къ стѣнѣ. Въ одной изъ китайскихъ провинцій существуетъ обычай сжигать обвиняемыхъ въ воровствѣ, причемъ всѣ присутствующіе при такой расправѣ должны сами подкладывать огонь.

XXII.

Общественныя неурядицы.

Въ такомъ густо населенномъ государствѣ, какъ Китай, гдѣ количество членовъ семьи колеблется между десятью и двадцатью лицами владѣющими однимъ общимъ имуществомъ, всевозможныя ссоры и раздоры составляютъ обычное явленіе.

Въ китайскомъ языкѣ слово „Chi", которымъ обозначается возникновеніе гнѣва, играетъ большую роль въ философіи и въ практической жизни. По китайскимъ понятіямъ гнѣвъ производитъ большое вліяніе на весь человѣческій организмъ и можетъ служить причиною всевозможныхъ болѣзней, какъ-то слѣпоты, сердечныхъ припадковъ и т. п. Китайскій врачъ первымъ долгомъ задаетъ своему паціенту вопросъ: „что тебя разгнѣвало"? Даже и иностранные врачи на основаніи своихъ личныхъ наблюденій тоже пришли къ заключенію, что китайское Chi можетъ вызывать всѣ тѣ явленія, которыя приписываются ему туземцами.

Китайцы имѣютъ обыкновеніе, дѣлая возраженіе, повышать голосъ и перебивать своего собесѣдника въ случаѣ своего несогласія съ нимъ. Искусство ругаться доведено китайцами до совершенства, при малѣйшемъ поводѣ—будетъ ли это на улицѣ, или дома, они извергаютъ цѣлый потокъ самыхъ отборныхъ ругательствъ. Особенно отличаются въ этомъ отношеніи женщины—если онѣ набросились на кого-нибудь, то уже ему нечего ждать пощады. Дѣти прежде всего научаются бранным словамъ, которыя они повторяютъ, не понимая ихъ значенія. Въ составъ ругательствъ входятъ также и разнообразныя проклятія, которыя могутъ употребляться безъ отношенія къ какому-либо опредѣленному лицу. Китаецъ можетъ ругаться, разговаривая самъ съ собой во время работы, этимъ онъ или показываетъ, что у него не ладится работа, или онъ хочетъ предотвратить тѣ упреки, которые ему могутъ сдѣлать относительно ея. Часто обокраденный выражаетъ свое неудовольствіе руганью въ присутствіи вора, котораго онъ знаетъ и котораго онъ такимъ пріемомъ хочетъ предостеречь отъ дальнѣйшихъ попытокъ въ области его преступной дѣятельности. Къ такимъ публичнымъ жалобамъ и упрекамъ особенно склонны женщины, которыя могутъ

цѣлыми часами кричать, обращаясь къ уличной толпѣ, до полной потери голоса. Китайцы могутъ нанести другъ другу на словахъ самыя тяжелыя оскорбленія по самому незначительному поводу— когда двое ссорящихся доходятъ до крайней степени возбужденія, то они не вступаютъ въ драку, какъ мы, а вцѣпляются другъ другу въ волосы. Одною изъ замѣчательныхъ особенностей всякой ссоры является то, что противники не разбираютъ обстоятельствъ, вызвавшихъ ее, а, сцѣпившись, начинаютъ прежде всего неуважительно отзываться о предкахъ и о родѣ своего врага. Это считается большимъ оскорбленіемъ, но самое обидное заключается не въ словахъ, а въ томъ, что благодаря имъ оскорбленный утрачиваетъ свое „лицо".

Китайцы отъ всякаго несправедливаго оскорбленія приходятъ въ страшную ярость и до того выходятъ изъ себя и забываютъ все на свѣтѣ, что готовы бываютъ по самому пустому поводу лишить себя жизни. Такъ напр. одна женщина бросилась подъ колеса повозки, только потому, что она осталась недовольна отрицательнымъ отвѣтомъ на свою просьбу.

Во время семейныхъ раздоровъ очень часто разбивается и ломается весь домашній инвентарь. Въ Пекинской газетѣ разсказывается слѣдующій случай: одинъ китаецъ, желавшій взять себѣ красивую жену,—ошибся въ своихъ разсчетахъ, такъ какъ при ближайшемъ знакомствѣ оказалось, что избранная имъ спутница жизни стара и некрасива. Узнавъ объ этомъ, онъ до такой степени вышелъ изъ себя, что разбилъ вдребезги все приданое и осыпалъ ругательствами и проклятіями всѣхъ членовъ семьи своей невѣсты.

Для прекращенія ссоръ, достигающихъ своего крайняго предѣла, употребляются увѣщанія со стороны окружающихъ, которые берутъ на себя роль примирителей враждебныхъ сторонъ. Эти примирители употребляютъ всѣ свои усилія, чтобы дѣло не дошло до суда, котораго въ такой-же степени желаютъ избѣжать и ссорящіеся. Эта нелюбовь къ судебному разбирательству доходитъ до того, что китайцы предпочитаютъ лучше покончить самоубійствомъ, чѣмъ явиться въ судъ. Разсказываютъ, что въ одной деревнѣ съ многотысячнымъ населеніемъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній не было ни одного случая судебнаго разбирательства, такъ какъ всѣ ссоры заканчивались на мѣстѣ вмѣшательствомъ примирителей.

XXIII.

Круговая порука и уваженіе къ закону.

Одною изъ самыхъ рѣзко выраженныхъ особенностей китайскаго соціальнаго строя является такъ называемая круговая порука.

Въ Китаѣ въ противоположность европейскому строю, гдѣ каждый отдѣльный индивидуумъ представляетъ собой соціальную единицу, такой единицей является „семья", „родъ" или „деревня". Множество китайскихъ деревень населено исключительно людьми, носящими одно и то-же родовое имя и происходящими отъ одного и того-же предка. Въ такихъ деревняхъ всѣ жители между собой находятся въ тѣсномъ родствѣ и считаютъ другъ друга братьями. Вслѣдствіе этого деревня представляетъ собой сплошное цѣлое, въ которомъ всѣ связаны круговой порукой, т. е. отвѣчаютъ другъ за друга. Отецъ отвѣчаетъ за сына и не только въ теченіе опредѣленнаго періода, но во все время своей жизни. Точно также съ сына взыскиваются долги отца, старшій братъ отвѣтственъ за проступки младшаго, а глава семьи за всѣхъ членовъ своего семейства.

Давленіе, оказываемое старшимъ братомъ на младшаго совершенно не вяжется съ нашими представленіями о личной свободѣ; младшій братъ совершенно безправенъ; такъ, желая купить напр. себѣ какую-нибудь принадлежность одежды, онъ долженъ спрашивать позволенія старшаго брата.

Кромѣ семейной круговой поруки существуетъ еще въ Китаѣ такъ называемая сосѣдская круговая порука. Въ случаѣ какого-нибудь преступленія, живущіе по близости считаются за него отвѣтственными, такъ какъ признается, что они могли заблаговременно знать о немъ и виноваты тѣмъ, что не донесли во время.

Судопроизводство отцеубійства можетъ служить нагляднымъ примѣромъ такой круговой поруки. По донесеніямъ пекинской газеты одинъ губернаторъ, разслѣдовавъ дѣло объ отцеубійствѣ, приказалъ снести всѣ дома по сосѣдству съ домомъ преступника, обвиняя его сосѣдей въ томъ, что они не оказали въ свое время достаточнаго вліянія, предотвращенія преступленія.

Иногда для наказанія, такихъ отвѣтственныхъ за другихъ лицъ выламывается часть городской стѣны, или запираются которыя нибудь изъ городскихъ воротъ.

Слѣдующей послѣ сосѣдей инстанціей круговой поруки является деревенскій старшина, исполняющій многочисленныя обязанности и власть котораго простирается не на одну деревню. Онъ представляетъ собой посредника между народомъ и мандаринами и такимъ образомъ изъ первыхъ рукъ получаетъ всѣ жалобы съ той и другой стороны.

Выше его стоятъ начальники округовъ, являющіеся высшими сановниками Китая. Само собой разумѣется, они угнетаютъ народъ насколько возможно, а сами низкопоклонствуютъ передъ высшими служащими. Часто въ лицѣ одного чиновника соединяются многочисленныя должности, которыя онъ вслѣдствіе этого не можетъ исполнять какъ слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что многіе мандарины ставятъ своею единственною цѣлью выжиманіе возможно большаго количества денегъ изъ подчиненной ему области, а всю работу предоставляютъ младшимъ служащимъ.

Всякій городъ и всякая деревня дѣлятся на группы изъ 10 семействъ. На всякомъ домѣ виситъ вывѣска, на которой написана фамилія главы дома и количество членовъ семьи. Какъ только на доскѣ появляется имя какого-нибудь подозрительнаго незнакомца, какъ сейчасъ же объ этомъ доносится мѣстнымъ властямъ, которыя въ свою очередь доводятъ это до свѣдѣнія начальника округа, отдающаго приказъ арестовать бродягу и подвергнуть его строгому наказанію. Такая система доносовъ очень часто служитъ къ раскрытію и предупрежденію преступленій.

Если бы этотъ обычай вывѣшиванья досокъ съ именами жильцовъ соблюдался во всемъ Китаѣ, то на основаніи его можно бы было при помощи статистики установить точное число китайскаго народонаселенія, но, къ сожалѣнію, въ Китаѣ теорія очень часто расходится съ практикой.

Чиновники находятъ совершенно лишнимъ собирать точныя числа для статистическихъ свѣдѣній, когда и приблизительныя цифры, по ихъ мнѣнію, отлично достигаютъ своей цѣли. Народъ тоже не охотно доставляетъ точныя свѣдѣнія, такъ какъ боится, что онѣ собираются правительствомъ съ цѣлью наложенія новыхъ податей.

Что касается отвѣтственности чиновниковъ передъ пра-

вительствомъ,—то всѣмъ извѣстно, какъ прекрасно они умѣютъ сваливать ее на другихъ, хотя иногда имъ приходится и самимъ расплачиваться очень строго за свои оплошности.

Исторія наводненія въ провинціи Чили лѣтомъ 1888 года даетъ намъ очень интересныя свѣдѣнія о служебной отвѣтственности должностныхъ лицъ. Несмотря на то, что правительственными чиновниками были приняты всѣ мѣры, для предотвращенія бѣдствія, губернаторъ этой провинціи Ли-хунгъ-чангъ тѣмъ не менѣе издалъ приказъ, чтобы всѣ они лишены были своихъ правъ и занимаемыхъ ими мѣстъ. Точно также губернаторъ провинціи Гонанъ отставилъ множество мандариновъ отъ занимаемыхъ ими мѣстъ, за то, что они не съумѣли направить теченія Желтой рѣки по ея старому руслу.

Отвѣтственность должностныхъ лицъ увеличивается соотвѣтственно возвышенію ихъ положенія и достигаетъ своей кульминаціонной точки въ лицѣ императора. Онъ часто издаетъ указы, въ которыхъ перечисляетъ свои проступки, считая себя отвѣтственнымъ за наводненія, голодовки, возстанія и прося прощенія у неба.

Китайскій обычай круговой поруки представляется намъ въ высшей степени жестокимъ, такъ какъ преступленіе одного лица влечетъ за собой несчастье всей семьи. Такіе случаи въ особенности часто наблюдались во время возстанія тайпинговъ, но они составляютъ обычное явленіе и въ мирное время. Въ 1873 г. одинъ китаецъ былъ уличенъ въ разрытіи могилы одного изъ членовъ императорскаго семейства съ цѣлью похищенія золотыхъ украшеній гроба. За это преступленіе вся семья его изъ одиннадцати человѣкъ, въ составѣ четырехъ поколѣній, была приговорена къ смерти.

Точно также нелѣпа и отвѣтственность должностныхъ лицъ за тѣ несчастные случаи, которыхъ они не могли предотвратить результатомъ чего является сокрытіе чиновниками многихъ преступленій изъ боязни отвѣтственности.

Другимъ не менѣе важнымъ недостаткомъ административной системы является скудость получаемаго чиновниками жалованья, котораго не хватаетъ даже на расходы yamen'а [1]) въ теченіи одного дня. Вслѣдствіе этого они бываютъ принуждены

[1]) yamen—присутственное мѣсто, при которомъ находится и квартира чиновника.

увеличивать свои доходы путемъ вымогательства и всякими другими незаконными способами.

Изложивъ всѣ недостатки системы круговой поруки, намъ остается теперь упомянуть и о ея хорошихъ сторонахъ.

Благодаря ей съ китайцами очень удобно вести дѣла, потому что у нихъ всякій рекомендующій отвѣчаетъ за поведеніе и даже за долги рекомендуемаго лица; тотъ фактъ, что начальникъ отвѣчаетъ за своихъ подчиненныхъ, въ значительной степени упрощаетъ дѣлопроизводство.

Всѣ китайцы относятся съ величайшимъ уваженіемъ къ закону. Часто случается, что извѣстные ученые и высокообразованные люди изъ уваженія къ закону не рѣшаются открыть рта въ присутствіи начальника округа до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не заговоритъ съ ними. Мы знаемъ одного человѣка, вызваннаго свидѣтелемъ по одному дѣлу, у котораго передъ подачей показанія отъ страха сдѣлались судороги, послужившія началомъ заболѣванія, которое свело его въ могилу.

Однимъ изъ наиболѣе вѣскихъ аргументовъ противъ существующей въ Китаѣ системы судопроизводства служитъ то, что оно вмѣсто того, чтобы раскрывать и карать нарушенія закона, принуждено въ силу существующихъ соціальныхъ отношеній до нѣкоторой степени, какъ бы поощрять ихъ. Но развѣ въ болѣе цивилизованныхъ странахъ мы не слышимъ повсемѣстно, что законы существуютъ только для того, чтобы ихъ нарушать и развѣ не видимъ съ каждымъ годомъ, съ какой изумительной быстротой возрастаетъ количество преступленій. Будемъ же справедливы и признаемъ, что жизнь въ Китаѣ нисколько не больше подвержена опасностямъ, чѣмъ въ Европѣ.

Китайцы съ величайшимъ почтеніемъ и чуть ли не съ благоговѣніемъ относятся къ календарю, являющемуся выразителемъ законовъ природы и устанавливающаго гармонію между небомъ, землей и людьми.

Несмотря на громадное протяженіе и на различіе климатовъ въ различныхъ областяхъ страны, всѣ съ пунктуальностью слѣдуютъ указаніямъ календаря. Въ тотъ день, который обозначенъ въ календарѣ, какъ начало весны, — всѣ сбрасываютъ зимнее платье и одѣваются по весеннему и, дѣйствительно, въ той мѣстности, гдѣ я жилъ, съ этого дня началась весна. То же самое можно сказать и о наступленіи осени; съ первымъ показаннымъ въ календарѣ осеннимъ днемъ рѣзко

измѣнилась погода и жара спала. Такое совпаденіе, вѣроятно, обусловливается тысячелѣтними наблюденіями китайцевъ надъ своимъ климатомъ, давшимъ имъ возможность внести въ свой календарь необходимыя поправки.

XXIV.

Взаимное недовѣріе.

Одну изъ главныхъ причинъ такого недовѣрія составляетъ та круговая порука, о которой мы только что говорили, такъ какъ оно несомнѣнно должно возникать у людей, которымъ постоянно грозитъ опасность быть призванными къ отвѣтственности, за то въ чемъ они совершенно неповинны.

Самымъ явнымъ доказательствомъ этой общераспространенной недовѣрчивости служатъ по нашему мнѣнію стѣны, возводимыя вокругъ всякаго китайскаго города; по предписанію закона всякій городъ долженъ быть обнесенъ стѣной. Само собой разумѣется, что существуетъ много городовъ, въ которыхъ стѣны пришли въ полное разрушеніе; въ особенности это наблюдается часто въ мѣстностяхъ, гдѣ происходили возстанія тайпинговъ. Всѣ эти стѣны служатъ доказательствомъ недовѣрія правительства къ народу. Хотя „императоръ“ и называется „отцомъ народа“, но на самомъ дѣлѣ отношенія его далеко не отеческія, что подтверждается многочисленными возстаніями, которыя могли бы быть предупреждены своевременными уступками, правительства.

Такимъ же признакомъ недовѣрія другъ къ другу служатъ и высокія, каменныя стѣны, окружающія земельные участки. Народонаселеніе Китая тѣснится въ деревняхъ, похожихъ на маленькіе городки, и старается селиться для большей безопасности, какъ можно ближе другъ къ другу. Исключеніе составляетъ гористая провинція Шегуанъ, гдѣ земля плоха и люди бѣдны и не боятся воровъ.

Недовѣрчивость китайцевъ, какъ и у всѣхъ восточныхъ народовъ, проявляется также въ ихъ отношеніяхъ къ женщинѣ. Какъ только дѣвочка подростаетъ, на нее, какъ гласитъ поговорка, смотрятъ съ такой же опаской, какъ на контрабандную соль. Послѣ замужества съ ней обращаются еще строже; самые пустые, невинные поступки ея даютъ поводъ ко все-

возможнымъ сплетнямъ на ея счетъ. Къ женщинѣ относятся, какъ къ какому-то низшему, глупому, не достойному довѣрія существу; ей приписываются всѣ недостатки: плутовство, хитрость, лукавство, вкрадчивость, предательство и эгоизмъ.

Мужчины не довѣряютъ другъ другу по двумъ причинамъ: или потому, что они совсѣмъ не знаютъ другъ друга, или потому, что они знаютъ другъ друга слишкомъ хорошо. У китайцевъ мы наблюдаемъ и то и другое; почти во всякомъ семействѣ всѣ члены его относятся съ недовѣріемъ другъ къ другу, которое раздувается невѣстками, старающимися какъ можно больше возбудить другъ противъ друга своихъ мужей и вызвать ссоры относительно распредѣленія работы и имущества.

Прислуга, служащая въ домѣ и составляющая одно сплоченное цѣлое подъ управленіемъ head-boy [1]), относится съ недовѣріемъ другъ къ другу, которое, въ случаѣ отказа комунибудь изъ нихъ отъ мѣста, служитъ поводомъ къ большимъ раздорамъ. Разсчитанный слуга относится недовѣрчиво ко всѣмъ остальнымъ, утверждая, что онъ сдѣлался жертвой интриги, хотя онъ отлично знаетъ, что существовало множество причинъ для его увольненія.

Китайскія дѣти всасываютъ въ себя житейскую мудрость вмѣстѣ съ молокомъ матери — и, когда они покидаютъ родительскій домъ, имъ не нужно читать наставленій объ осторожности въ отношеніи къ людямъ.

Въ китайскихъ школахъ ученики отвѣчаютъ свои уроки, крича во все горло, что, конечно, очень удивляетъ всякаго европейца. Они дѣлаютъ это, чтобы разсѣять недовѣріе учителя и доказать, что они съ огромнымъ интересомъ относятся къ его урокамъ. Во время отвѣтовъ они становятся къ нему спиной, чтобы онъ не подумалъ, что они заглядываютъ въ его книгу.

О страхѣ учениковъ передъ учителемъ, можно судить изъ слѣдующаго факта: одному учителю нужно было составить сборникъ пѣсенъ, балладъ и дѣтскихъ пѣсенокъ. Услышавъ, какъ одинъ изъ его учениковъ напѣвалъ какую-то пѣсенку, которая была ему совсѣмъ незнакома,—онъ попросилъ маль-

---

[1]) head-boy—главный или старшій слуга.

чика повторить ее. Мальчикъ такъ испугался, что убѣжалъ, куда глаза глядятъ и исчезъ безслѣдно.

Вслѣдствіе недовѣрчивости китайца, европеецъ испытываетъ большія затрудненія, когда ему нужно разыскать кого-нибудь. Всѣ, къ кому онъ обращается съ вопросами по этому поводу, увѣряютъ, что они никогда въ жизни не видѣли такого человѣка и не слышали такой фамиліи;—при чемъ они поступаютъ такъ не по предварительному соглашенію съ разыскиваемымъ лицомъ, а исключительно вслѣдствіе врожденнаго чувства недовѣрія.

Китаецъ, хорошо знакомый съ соціальными условіями своей страны, знаетъ, что для достиженія успѣха въ жизни, ему нужно относиться очень осторожно къ своимъ поступкамъ. Поэтому то онъ такъ сдержанъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда не желаетъ высказываться—умѣетъ отдѣлаться молчаніемъ.

Китайскіе проценты при отдачѣ денегъ въ ростъ очень высоки и колеблятся отъ 24—36, что также указываетъ на недостатокъ довѣрія; кредиторъ слишкомъ переоцѣниваетъ свой рискъ и заставляетъ должника расплачиваться за него.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ американскихъ газетахъ появилась статья объ устройствѣ китайской колоніи въ Нью-Іоркѣ. „Повсюду, гдѣ поселяются китайцы, они организуются по одному и тому же масштабу. Они избираютъ себѣ свое собственное управленіе въ лицѣ 12-ти человѣкъ; всѣ бумаги сохраняются въ большомъ несгораемомъ шкапу, который бываетъ для большей безопасности запертъ 12-ью китайскими замками. Всякое изъ довѣренныхъ 12 лицъ имѣетъ по одному ключу, такъ что архивъ этотъ можетъ быть открытъ только при наличности всѣхъ членовъ. Когда одинъ изъ этихъ 12-ти довѣренныхъ лицъ умеръ, все пошло вверхъ дномъ. Ключъ покойнаго отъ архива исчезъ, но если бы онъ даже и нашелся, то никто не рѣшился бы имъ воспользоваться, боясь заразы и мести покойника. Только послѣ оффиціальнаго избранія преемника умершему, дѣло наладилось и пошло своимъ обычнымъ ходомъ“.

Тѣ, кто близко знакомъ съ государственнымъ устройствомъ Китая, утверждаютъ, что въ оффиціальныхъ отношеніяхъ практикуется та же система недовѣрія, какъ и въ обыденной жизни. Всякій мандаринъ видитъ враговъ въ лицѣ своихъ подчиненныхъ и наоборотъ подчиненные всякую минуту боятся лишиться мѣста. Поэтому то въ Китаѣ такъ сильно и развиты

политическія общества, служащія гнѣздами всевозможныхъ интригъ.

Само собою разумѣется, что эта характеерическая для китайцевъ черта взаимнаго недовѣрія служитъ одной изъ наиболѣе устойчивыхъ основъ консерватизма, противящагося всякимъ нововведеніямъ и реформамъ, которыя въ настоящее время являются существенной необходимостью для Китая. Тридцать лѣтъ тому назадъ одинъ изъ выдающихся государственныхъ людей Китая, котораго убѣждали въ необходимости чеканки мелкой серебряной монеты для страны, отвѣчалъ такимъ образомъ: „все это совершенно вѣрно, но въ Китаѣ и думать нельзя о какой нибудь перемѣнѣ монетной системы, такъ какъ народъ будетъ обвинять правительство, что оно произвело эту реформу въ цѣляхъ личной выгоды. Дѣло эксплуатированія минеральныхъ богатствъ обставлено также огромными затрудненіями, а между тѣмъ правильная разработка ихъ могла бы сдѣлать Китай однимъ изъ богатѣйшихъ государствъ свѣта. Д-ръ Невіусъ, занимавшійся въ Чифу культурой иностранныхъ плодовъ, повсюду встрѣчался съ такимъ недовѣріемъ народа, что всякій другой на его мѣстѣ давно бы бросилъ это дѣло.

Теперь намъ еще остается сказать нѣсколько словъ о недовѣріи китайца къ иностранцамъ; если иностранецъ идетъ гулять въ такое мѣсто, гдѣ его рѣдко видѣли раньше—его подозрѣваютъ въ шпіонствѣ если онъ смотритъ на рѣку, то по мнѣнію китайцевъ онъ занятъ навѣрно открытіемъ драгоцѣнныхъ камней, такъ какъ его взору доступно даже сокрытое въ землѣ. Въ томъ случаѣ, если иностранецъ принимаетъ дѣятельное участіе въ помощи голодающимъ, китаецъ думаетъ, что онъ при этомъ имѣетъ въ виду вывозъ, какъ можно большаго числа переселенцевъ въ чужія земли.

Китаецъ никакъ не можетъ понять, почему всѣ европейцы такъ стремятся проникнуть въ глубь страны, такъ, напр., когда баронъ фонъ-Рихтгофенъ проѣхалъ весь Китай, не сообщая никому о цѣли своего путешествія, то повсюду китайцы считали его дезертиромъ, бѣжавшимъ послѣ какого нибудь проиграннаго сраженія.

Китайцы, можно сказать, даже боятся европейцевъ, такъ ихъ женщины думаютъ, что жилище всякаго иностранца заколдовано и ни за что не переступятъ черезъ его порогъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я пригласилъ молодого китайца,

пріѣхавшаго изъ провинціи давать одному, только-что пріѣхавшему въ Китай, иностранцу уроки разговорнаго языка. Онъ занимался очень недолго, такъ какъ получилъ письмо отъ матери, просившей пріѣхать къ ней по дѣлу. Воспользовавшись этимъ предлогомъ, онъ уѣхалъ отъ насъ и больше не показывался. Недовѣріе его къ намъ простиралось до такой степени, что онъ за все время пребыванія въ нашемъ домѣ не выпилъ ни капли нашего чая и не дотронулся ни до одного блюда.

Китайцы питаютъ какое-то странное отвращеніе къ нашимъ книгамъ, предполагая, что они отравлены, такъ какъ по ихъ мнѣнію запахъ типографской краски дѣйствуетъ, какъ ядъ. Они также говорятъ, что достаточно прочесть одну иностранную книгу, чтобы сдѣлаться рабомъ европейца. Съ такимъ же недовѣріемъ относятся они къ иностраннымъ учителямъ, удивляясь какой разсчетъ имъ учить китайца, напр., англійскому, языку, такъ какъ онъ будетъ понимать все, что они на немъ говорятъ.

Иностранныя аптеки и госпитали точно также не пользуются популярностью—большинство китайцевъ до сихъ поръ думаютъ, что европейцы приготовляютъ лѣкарства изъ глазъ и сердецъ мертвыхъ китайскихъ дѣтей.

Китай — страна самыхъ невѣроятныхъ страшныхъ росказней. Такъ, напр., сингапурскіе кули низачто не хотѣли работать вечеромъ, на одной изъ улицъ этого города, потому что ходили слухи, что тамъ имъ всѣмъ какимъ-то таинственнымъ образомъ будутъ внезапно отрублены головы. Такія нелѣпыя исторіи въ большомъ ходу въ Китаѣ. Если въ нихъ идетъ рѣчь объ европейцахъ, и если мѣстныя власти строгими оффиціальными мѣрами не положатъ предѣла ихъ распространенію, то онѣ приводятъ къ всеобщему волненію, возстаніямъ и насиліямъ.

XXV.

Отсутствіе искренности.

Китайскій письменный знакъ, служащій для выраженія понятія искренности, состоитъ изъ знаковъ человѣка и слова. Искренность считается послѣдней изъ пяти главныхъ добродѣтелей, чтимыхъ въ Китаѣ.

Профессоръ Киддъ въ своей статьѣ объ искренности китайцевъ, говоритъ слѣдующее:

Сущность народнаго характера, проявляющаяся въ общественной и частной жизни, до такой степени противорѣчитъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ тому, что принято разумѣть подъ словомъ искренность, что нужно только удивляться, что это свойство значится во главѣ національныхъ добродѣтелей, такъ какъ китайцы въ своихъ поступкахъ обнаруживаютъ какъ разъ противоположныя качества, а именно лживость, двуличность, обманъ.

Весьма возможно, что китайское понятіе искренности въ значительной степени отличается отъ нашего. Такъ, напр., для восточныхъ народовъ поведеніе Конфуція относительно Юпеи кажется безупречнымъ—между тѣмъ, по нашему мнѣнію, оно далеко не подходитъ подъ это опредѣленіе [1]).

Обращаясь къ повседневной жизни и разсматривая народныя поговорки, въ которыхъ отражается народная душа, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, такую: „всякій разъ, какъ мы открываемъ ротъ, съ устъ нашихъ слетаетъ ложь". Насколько трудно китайцу сказать правду, настолько же трудно повѣрить ей, если она высказывается кѣмъ-нибудь. Наоборотъ, ложь составляетъ необходимую принадлежность всякаго разговора—это качество лживости настолько присуще всякому китайцу, что онъ нисколько не оскорбляется, если его обвиняютъ во лжи. Кромѣ того всякій китайскій разговоръ и передача фактовъ изобилуютъ массой неточностей,—такъ что, напр., даже при судебныхъ процессахъ очень трудно добиться истины. Китаецъ можетъ говорить очень долго и не сказать ничего,—и такъ запутать производящаго дознаніе, что онъ совершенно потеряетъ путеводную нить.

Китаецъ отличается еще тою особенностью, что онъ рѣдко когда держитъ обѣщаніе, такой способъ дѣйствія совершенно не считается предосудительнымъ. Одинъ китайскій ученый, составившій комментарій къ древнимъ ученымъ, между прочимъ, говоритъ о томъ, что никогда не слѣдуетъ отказывать ни въ какой просьбѣ: „Если ты не можешь исполнить такой просьбы,

---

[1]) Однажды Юпеи пришелъ къ Конфуцію, который не хотѣлъ его принять и велѣлъ сказать слугѣ, что онъ боленъ. По въ тоже самое время онъ сталъ пѣть такъ громко, чтобы Юпеи могъ его слышать.

потому-что она противорѣчитъ твоимъ взглядамъ, то сдѣлай только видъ, что, какъ будто бы исполняешь ее... Откладывай исполненіе ея съ завтра на послѣ-завтра" и т. д.

Дѣти съ самыхъ малыхъ лѣтъ пріучаются къ неискренности. Ихъ пугаютъ тѣмъ, что придетъ „бука" и унесетъ ихъ, если они не будутъ слушаться и говорить то, что имъ приказываютъ родители. Само собой разумѣется, что иностранцы по большей части тоже служатъ такимъ пугаломъ для дѣтей.

Въ китайскомъ разговорѣ существуетъ масса выраженій вѣжливаго обращенія съ цѣлью унизить говорящаго и все то, что имѣетъ къ нему какое-либо отношеніе и возвысить то лицо, къ которому онъ обращается со своею рѣчью. Вѣжливый китаецъ, упоминая о своей женѣ, не назоветъ ея иначе, какъ „глупой занозой", или „вонючей женщиной". Прекрасной иллюстраціей этой черты китайскаго характера можетъ служить слѣдующій случай: къ одному высокопоставленному лицу пришелъ во время его пріема одинъ изъ его друзей. Внезапное появленіе новаго лица испугало крысу, которая задѣла кружку съ масломъ, стоявшую на полкѣ:—кружка упала и все содержимое ея вылилось на парадный костюмъ гостя. Но онъ и не подумалъ выказать испуга, или какого-нибудь знака неудовольствія и напротивъ сталъ извиняться, сопровождая свою рѣчь многочисленными поклонами: „всепокорнѣйше прошу извинить, что я осмѣливаюсь оставаться въ вашемъ присутствіи въ такомъ ужасномъ видѣ,—но это случилось потому, что, какъ только я вошелъ въ ваше почтенное жилище и сѣлъ подъ этой почтенной полкой, какъ испугалась ваша почтенная крыса и вылила все содержимое почтенной кружки на мое негодное, ничего не стоящее одѣяніе".

Ложь ради соблюденій приличій играетъ большую роль въ Китаѣ. Все поведеніе китайца, живущаго въ европейскомъ домѣ, есть ни больше, ни меньше, какъ только decorum. Мы знаемъ случаи, въ которыхъ китайскій учитель разсыпался передъ своимъ ученикомъ въ комплиментахъ относительно его необыкновенныхъ способностей, а въ душѣ смѣялся надъ его неразвитостью и тупостью.

Показной скромности китайцевъ соотвѣтствуетъ и показное участіе, выражающееся только на словахъ... Съ этимъ еще можно бы было примириться, если бы оно проявлялось не такимъ ужаснымъ образомъ, совершенно противорѣчащимъ всѣмъ

нашимъ понятіямъ. Такъ, напр., при извѣстіи о смерти, всѣ должны радоваться и веселиться. Я самъ видѣлъ китайца, который хохоталъ до упаду, получивъ извѣстіе о смерти своей матери.

Что касается до торговыхъ сношеній между китайцами и европейцами, то въ этомъ отношеніи онѣ представляютъ собой образецъ безупречной честности. М-ръ Камеронъ, директоръ Гонгъ-конскаго и Шанхайскаго банковъ, говоритъ слѣдующее: „несмотря на то, что мнѣ въ теченіе моей жизни приходилось вести дѣла со всевозможными національностями, я не знаю ни одного народа, который заслуживалъ бы такого безусловнаго довѣрія въ торговыхъ дѣлахъ, какъ китайцы“. Наблюдается ли такая торговая честность только въ крупныхъ банкирскихъ операціяхъ, или она представляетъ свойство общее, какъ оптовой, такъ и мелочной торговли—вотъ вопросъ, на который очень трудно отвѣтить. Какъ-то странно допустить, чтобы народъ, который привыкъ лгать на каждомъ шагу, могъ быть честнымъ въ своихъ поступкахъ и дѣловыхъ сношеніяхъ!

Китайское правительство въ своихъ отношеніяхъ къ иностранцамъ можетъ служить прекраснымъ примѣромъ той характеристической черты неискренности, о которой мы говорили выше.

Дѣятельность китайскаго мандарина слагается изъ самыхъ трогательныхъ рѣчей и возмутительнѣйшихъ поступковъ. Онъ приказываетъ сотнямъ людей отрубить головы и при этомъ читаетъ отрывокъ изъ Менцзы, гдѣ говорится о блаженствѣ жизни. Онъ спускаетъ въ свой карманъ огромныя суммы для помощи голодающимъ и чувствительно разсказываетъ объ опустошеніяхъ, причиненныхъ наводненіемъ. Правительство очень хорошо сознаетъ всѣ слабыя стороны своей администраціи, но, какъ справедливо замѣтилъ одинъ мандаринъ своему товарищу: оно совершенно безсильно въ борьбѣ со зломъ, „потому что, если бы оно въ одинъ прекрасный день приказало отрубить головы всѣмъ стоящимъ у кормила правленія, то на другой день ихъ мѣста были бы заняты нисколько не лучшими людьми и такимъ образомъ все бы осталось по старому“.

———

XXVI.

Политеизмъ, пантеизмъ и атеизмъ.

Правила нравственности конфуціанизма представляютъ одно изъ главныхъ условій сохраненія Китаемъ своей самобытности; всякій, изучавшій исторію Китая или путешествовавшій по этой странѣ, не можетъ не признать громаднаго вліянія этого нравственнаго ученія, которое можно считать однимъ изъ совершеннѣйшихъ; жизнь уподобилась бы раю, если бы всѣ правила его были соблюдены.

Одной изъ главныхъ особенностей всѣхъ классическихъ сочиненій Китая является отсутствіе въ нихъ всего такого, что могло бы дѣйствовать подавляющимъ образомъ на умъ и душу читателя. Въ нихъ нѣтъ ничего оскорбляющаго чувство стыдливости и какъ въ самихъ книгахъ, такъ и въ примѣчаніяхъ къ нимъ нельзя найти ни одного мѣста, котораго бы нельзя было прочесть громко въ обществѣ.

Непосредственная личная отвѣтственность императора за свой образъ правленія передъ небомъ, признаніе за народомъ большей власти, чѣмъ за правителемъ, ученіе, что на первомъ мѣстѣ должна стоять добродѣтель и умъ, теорія пяти родовъ отношеній между людьми, правило: „не дѣлай другимъ того, чего себѣ не желаешь“ вотъ главныя основы ученія, которому китайцы обязаны своею нравственною силою.

Интересно знать, существовало ли у китайцевъ представленіе объ истинномъ Богѣ; на этотъ вопросъ очень трудно отвѣтить, такъ какъ мнѣнія ученыхъ раздѣляются. Можно сказать съ увѣренностью только то, что въ настоящее время этого понятія не существуетъ.

Всѣ китайскіе боги были въ началѣ обыкновенными смертными, только съ теченіемъ времени были обожествлены, благодаря культу предковъ. Случается, что еще при жизни заслуженныхъ людей въ честь ихъ воздвигаются храмы и можетъ быть кто-нибудь изъ нихъ со временемъ и дождется чести быть приписаннымъ къ лику національныхъ боговъ. Одновременно съ культомъ предковъ въ Китаѣ наблюдается также и поклоненіе силамъ природы; существуютъ храмы, въ которыхъ поклоняются вѣтру, грому и т. п. Въ Пекинѣ находятся

храмы солнца и вселенной, въ которыхъ императоръ исполняетъ свои религіозныя обязанности. Но даже и обыкновенные смертные поклоняются солнцу въ день своего рожденія, празднующійся во второмъ мѣсяцѣ. Рано утромъ всѣ деревенскіе жители идутъ на востокъ встрѣчать солнце, а вечеромъ держатъ свой путь въ обратномъ направленіи, чтобы проводить его. Поклоненіе силамъ природы выражается также въ почитаніи нѣкоторыхъ деревьевъ, которыя обвѣшиваются вѣерами и другими украшеніями въ знакъ того, что ихъ какой-нибудь богъ, или духъ избралъ своимъ мѣстопребываніемъ.

Императоръ считается единственнымъ смертнымъ, имѣющимъ право воздавать поклоненіе небу, что и совершается имъ въ храмѣ неба со всевозможными, совершенно особенными и въ высшей степени интересными церемоніями. Этотъ же культъ распространенъ и въ народѣ. На южной сторонѣ каждаго дома находится небольшой алтарь, въ честь неба и земли; особыхъ церемоній этотъ культъ не требуетъ, такъ какъ достаточно разъ, или два въ мѣсяцъ склониться передъ алтаремъ на землю. Само собой разумѣется, что при этомъ должна быть принесена Богу какая-нибудь жертва, что также не обременительно, такъ какъ принесенныя въ жертву деньги берутся по истеченіи нѣкотораго времени на различныя домашнія надобности. Несмотря на утвержденіе китайцевъ, что они отвлеченно поклоняются „небу и землѣ“,—они олицетворяютъ небо въ образѣ стараго человѣка, которому приносятъ жертвы и празднуютъ его день рожденія въ 19 день 6-го мѣсяца; по мнѣнію китайцевъ онъ является богомъ жатвы и погоды.

Итакъ въ низшихъ слояхъ населенія Китая мы встрѣчаемся съ пантеизмомъ и съ политеизмомъ, между тѣмъ, какъ высшій образованный классъ почти исключительно состоитъ изъ атеистовъ—въ особенности это слѣдуетъ сказать о китайскихъ ученыхъ, которые воспитались въ духѣ матеріалистическихъ комментарій Хузи, извѣстнаго китайскаго комментатора, объяснявшаго древнихъ классиковъ не только въ матеріалистическомъ, но даже и въ атеистическомъ духѣ. Такимъ образомъ таоизмъ выродился въ систему заклинаній противъ злыхъ духовъ, хотя для того, чтобы пополнить свои пробѣлы, онъ и позаимствовалъ многое отъ буддизма.

Несмотря на производившіяся часто изслѣдованія, очень трудно установить хотя бы даже приблизительное число по-

слѣдователей таоизма и буддизма — такъ какъ китаецъ не принадлежитъ къ числу ревностныхъ приверженцевъ той, или другой религіи; если китайцу нуженъ священникъ, чтобы похоронить умершаго родственника и у него есть достаточно денегъ, чтобы заплатить буддійскому священнику, онъ приглашаетъ его, если же у него много денегъ, онъ приглашаетъ одновременно и буддійскаго, и таоійскаго священниковъ.

Всѣ эти три религіи, конфуціанизмъ, буддизмъ и таоизмъ такъ сливаются другъ съ другомъ, что ихъ можно разсматривать, какъ одно цѣлое.

Китайцу почти невозможно объяснить, что одно вѣрованіе исключаетъ другое. Онъ не понимаетъ противорѣчія между ними, такъ какъ онъ совершенно инстинктивно привыкъ сливать ихъ вмѣстѣ.

Такое сліяніе религій ведетъ къ двумъ главнѣйшимъ результатамъ; во-первыхъ къ равенству всѣхъ боговъ, такъ въ храмѣ трехъ религій, Будда, Конфуцій и Лаотсе пользуются одинаковымъ поклоненіемъ; во-вторыхъ къ искаженію нравственнаго ученія и затемнѣнію его различными суевѣріями. Рядомъ съ возвышенными правилами ученія Конфуція существуетъ вѣра въ чертей и злыхъ духовъ и масса всевозможныхъ суевѣрій. Такъ напр. даже богатые и ученые люди нисколько не стѣсняются выражать свое почтеніе два раза въ мѣсяцъ, различнымъ священнымъ животнымъ, какъ-то: лисицѣ, даскѣ, ежу, змѣѣ и крысѣ!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я самъ видѣлъ какъ одинъ изъ видныхъ государственныхъ дѣятелей Китая упалъ передъ змѣей на колѣни, умоляя ее остановить развитіе рѣки. По мнѣнію китайцевъ—змѣи представляютъ собой рѣчныхъ божествъ; при всякомъ наводненіи въ Китаѣ приносятся имъ жертвы; въ честь этихъ божествъ даются театральныя представленія и ихъ изображенія выставляются въ храмахъ для поклоненія.

Какъ же относится китаецъ къ своимъ божествамъ? На это можетъ быть двоякій отвѣтъ: или онъ молится имъ, или не обращаетъ на нихъ никакого вниманія.

Китай занимаетъ такое огромное протяженіе, что трудно ожидать какой-нибудь однородности въ его нравахъ и обычаяхъ. Въ особенности наблюдается большое разнообразіе въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ.

Путешественникъ, посѣтившій Кантонъ, считаетъ китайцевъ несомнѣнно въ высшей степени религіознымъ народомъ, но его мнѣніе о нихъ измѣнится, если онъ побываетъ въ другихъ мѣстностяхъ и посѣтитъ ихъ пустые храмы, въ которыхъ только 1-го и 15-го числа ему удастся встрѣтить немногихъ вѣрующихъ. Многія тысячи храмовъ совершенно заброшены и разрушаются: также существуютъ большія области, гдѣ нельзя найти ни одного священника.

Конфуцій училъ: „Чти Бога, но держись отъ него въ почтительномъ отдаленіи". Настоящее поколѣніе повидимому исполняетъ его завѣтъ и „почтительно забываетъ" боговъ. Что касается до исполненія обрядовъ, то ихъ слѣдуетъ поставить только немногимъ выше такого „почтительнаго забвенія", такъ какъ въ основаніи ихъ лежитъ не поклоненіе богамъ, а тѣ выгоды, которые оно можетъ доставить людямъ. Всѣ тѣ религіозные обряды, которые мнѣ пришлось видѣть, не произвели на меня достаточно глубокаго впечатлѣнія:—китайцы при исполненіи ихъ думаютъ: „такъ дѣлали наши предки, такъ будемъ дѣлать и мы, можетъ быть это и пригодится для чего-нибудь". Очень часто приходится слышать такую аргументацію: во всякомъ случаѣ лучше вѣрить въ существованіе боговъ; если ихъ нѣтъ—то наше предположеніе не можетъ ничему повредить, если же они существуютъ, то можно стараться умилостивить ихъ молитвами и жертвами.

Между китайскими пилигримами вы встрѣтите много такихъ, которые по дорогѣ къ храму на каждомъ шагу будутъ падать на колѣни, дѣлая такимъ образомъ свое паломничество въ высшей степени мучительнымъ. Когда вы спросите ихъ, зачѣмъ они такъ дѣлаютъ, вы узнаете, что въ виду существованія множества людей, только представляющихся набожными, истинно вѣрующій долженъ сдѣлать что-нибудь особенное, чтобы обратить на себя вниманіе боговъ.

Китайцы надѣляютъ своихъ боговъ тѣми же качествами, которыми они сами обладаютъ и въ этомъ отношеніи вѣрованія ихъ приближаются къ вѣрованіямъ языческихъ народовъ. Они также льстятъ богамъ, какъ и людямъ и также обманываютъ ихъ. Такъ одинъ набожный человѣкъ записалъ на подписномъ листѣ сбора для реставраціи храма 1,000 мѣдныхъ монетъ, а самъ внесъ только 250!

Примѣромъ того, какъ китайцы стараются перехитрить

своихъ боговъ, служитъ поведеніе ихъ по отношенію къ домашнему богу, который по ихъ вѣрованіямъ въ концѣ года отправляется на небо съ годовымъ отчетомъ о поступкахъ всего семейства. Для того, чтобы онъ не сказалъ ничего дурного, ему обмазываютъ губы медомъ! Часто на алтаряхъ сожигаются сдѣланныя изъ серебрянной бумаги, подобія монетъ, которыя ихъ боги должны принять за настоящія деньги.

Всего больше посѣщаются храмы, въ которыхъ женщины молятъ о ниспосланіи имъ потомства. Въ нихъ приносятъ въ жертву множество фигуръ мужчинъ, сдѣланныхъ изъ глины. Женщины отламываютъ отъ этихъ фигуръ нѣкоторыя части и съѣдаютъ ихъ, и послѣ этого съ увѣренностью ожидаютъ рожденія сына.

Китайскіе моряки до сихъ поръ думаютъ, что страшные, тайфуны насылаются злыми духами. Когда буря достигаетъ своей высшей точки, то по старому обычаю спускаютъ на воду бумажный корабликъ, представляющій точную копію настоящаго судна, для того, чтобы обмануть духовъ и дать имъ на растерзаніе бумажное судно вмѣсто настоящаго.

Если въ Китаѣ появляется холера, то празднованіе Новаго года переносится на лѣтніе мѣсяцы въ томъ убѣжденіи, что богъ болѣзни, увидя, что онъ ошибся временемъ года, исчезнетъ, унося вмѣстѣ съ собой страшную болѣзнь. Въ одной деревнѣ хотѣли преобразовать храмъ въ школу—необходимыя средства для этого разсчитывали получить отъ продажи серебрянныхъ сердецъ, приносимыхъ въ жертву богамъ—но при ближайшемъ разслѣдованіи оказалось, что всѣ они были сдѣланы изъ олова. Намъ извѣстенъ случай, когда начальникъ округа долженъ былъ уладить недоразумѣніе, возникшее между священникомъ и божественнымъ изображеніемъ Будды. Это божество фигурировало на судѣ и должно было преклонить колѣни передъ судьей. Такъ какъ оно не могло этого исполнить, то было приговорено къ 500 ударамъ бамбуковой тростью, которые превратили его въ кучу обломковъ.

Богу дождя почти ежегодно приносятся жертвы, чтобы онъ оросилъ поля и способствовалъ урожаю;—въ томъ случаѣ, если онѣ остаются безуспѣшными, китайцы выносятъ этого бога изъ храма и садятъ его на солнцепекѣ, чтобы онъ испыталъ на себѣ, ту невыносимую жару, отъ которой они всѣ такъ страдаютъ.

Эти и тому подобные примѣры могутъ привести читателя

къ заключенію, что въ Китаѣ мало религіозны. По нашему мнѣнію китайцы прежде всего конфуціанисты, все равно какія бы буддійскія или таоійскія наслоенія не претерпѣла потомъ ихъ религія. Конфуціанизмъ однако представляетъ много слабыхъ сторонъ, которыя д-ръ Фаберъ перечисляетъ въ своемъ сочиненіи объ этой религіи. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ:

1) Конфуціанизмъ не отдѣляетъ души отъ тѣла.

2) Онъ не даетъ никакихъ объясненій, почему одни люди родятся святыми, а другіе обыкновенными смертными.

3) Онъ признаетъ, что всякій человѣкъ обладаетъ самъ по себѣ необходимою силою и способностями, чтобы достигнуть совершенства, но не объясняетъ противорѣчія между этимъ положеніемъ и тѣмъ, что мы наблюдаемъ въ дѣйствительности.

4) Ему недостаетъ яснаго ученія о грѣхѣ—и онъ не налагаетъ за него наказанія.

5) Онъ не даетъ никакого объясненія смерти.

6) Молитва и ея этическая сила не играютъ въ его ученіи никакой роли.

7) Онъ допускаетъ полигамію, а также вѣру въ предсказанія, сны и т. д.

8) Онъ придаетъ слишкомъ большое значеніе хорошему примѣру.

9) Конфуціанизмъ вводитъ въ соціальныя отношенія систему тираніи; жены—рабыни и дѣти не имѣютъ по отношенію къ родителямъ никакихъ правъ.

10) Сыновняя любовь выражается въ обожествленіи родителей.

11) Вознагражденіе за добрыя дѣла слѣдуетъ ожидать только въ земной жизни.

12) Китайская исторія доказываетъ, что конфуціанизмъ не имѣлъ достаточно силы, чтобы воодушевить народъ къ новой жизни, путемъ указанія возвышенныхъ цѣлей жизни и потому онъ нуждался въ одухотвореніи его буддизмомъ.

Часто сравнивали настоящее положеніе Китая съ положеніемъ римской имперіи въ 1-омъ столѣтіи послѣ Рождества Христова. Конечно, Китай стоитъ въ нравственномъ отношеніи гораздо выше римской имперіи того времени; сходство его съ ней заключается главнымъ образомъ въ упадкѣ религіозныхъ вѣрованій.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Китай и его жизнь.

